

Джеффри Лорд

Нефритовая страна

Глава 1

Дж. всегда полагал, что война слишком серьезная вещь, чтобы доверить ее одним лишь генералам. Но выбор судеб всей планеты – а в особенности той ее части, которая звалась Англией, – тоже казался весьма непростым делом, и возложить эту миссию только на одних ученых было опасно.

Подобные крамольные мысли Дж., как правило, держал при себе; ему и так хватало забот. Как глава спецотдела МИ6 британской разведки, он занимался самыми сложными вопросами из числа вопросов просто сложных. Однако сейчас Дж. вкушал неожиданный отдых. Он прогуливался по розарию одного из величественных старинных особняков в Сассексе, курил дорогую сигару – хотя сигары ему совершенно не нравились – и потягивал скотч, который и в самом деле был недурен.

Являясь прагматиком, Дж. не любил, когда люди толковали о проблемах, недоступных его пониманию. Но в данном случае, к сожалению, яйцеголовые были ни при чем; только его вина, что он совершенно ничего не смыслит в теории кварков и молекулярной биологии. Он может только волноваться за Ричарда Блейда. Любому крестину понятно, что яйцеголовые собираются снова засунуть в компьютер его мальчика. Снова отправить его лучшего агента и друга – почти сына! – в странствия по иным измерениям.

Дж. недолго любил подобные эксперименты. Вся эта история не понравилась ему сразу – и, как оказалось, не зря: компьютер лорда Лейтона по ошибке забросил Ричарда в один из параллельных миров, который назывался Альбой. Им просто повезло, что Блейда удалось вытянуть оттуда.

Спутники Дж. остановились, и он тоже замедлил шаги. Все трое стояли у живой изгороди, пуская дым, и любовались спокойной гладью реки, поблескивающей в лунном свете. Покачиваясь на воде, спали лебеди, засунув голову под крыло. Дж. вспомнил детство и старого стеклянного лебедя, который украшал комод в его комнате... над ним еще висело большое круглое зеркало... там, в Ковентри, больше полувека назад...

Ковентри! Нет, лучше не вспоминать о нем! Сразу приходят в голову грустные воспоминания о Блейде-старшем, отце Ричарда, погибшем девять лет назад в глупой автомобильной катастрофе... Оба они были из Ковентри, дружили не одно десятилетие и прошли нелегкий путь... чего только стоят две мировые войны, прибавившие немало седины и ему самому, и Питеру Блейду! Остаться живым в таком аду, чтобы закончить жизнь под колесами грузовика... Какая ирония судьбы! Анна Мария, жена Питера, погибла вместе с ним, и Дик тогда остался один... совсем один... Что ж, видит Бог, он, Дж., хотел бы заменить мальчику родителей! И не его вина, если это не всегда получалось...

Сейчас Ричард в Дорсете, отдыхает в своем коттедже... Наверно, валяется в траве, на берегу Ла Манша, пользуясь теплыми сентябрьскими деньками, или гуляет с подружкой у моря... Как ее зовут? Ах, да – Зоэ...

Дж. чувствовал, что скоро, очень скоро ему придется поднять трубку аппарата спецсвязи. Потом в маленьком уютном коттеджике зазвонит телефон, разрушая отпускную идиллию... Ему совсем не хотелось этого делать.

– Дж., вы что, совсем заснули? – раздался над ухом сердитый голос Лейтона. – Я уже третий раз обращаюсь к вам! Пошли! Вернемся в дом, выпьем что-нибудь, а потом я позвоню на Даунинг Стрит и все улажу. Вы можете вызвать Блейда? К рассвету он должен быть в Лондоне. Не стоит терять времени, когда уже все готово.

Дж. кивнул, стряхнув пепел с сигары.

– Конечно, сэр. К чему тянуть с этим делом. – Обычно он звал старого профессора просто Лейтоном, но присутствие в их компании еще одного лица обязывало соблюдать

этикет. Мистер Ньютон Энтони не только являлся крупным ученым (конечно, не таким крупным, как лорд Лейтон – тот вообще проходил по разряду гениев), но также имел какое-то отношение к правительственному финансированию научных проектов.

Кроме того, мистер Ньютон Энтони оказался обладателем пары поистине выдающихся ягодиц, и Дж., направляясь за ним к дому, испытывал нечестивое желание пнуть его носком ботинка в копчик. Шеф МИ6 печально вздохнул. В конце концов, он, старик, готов нести свой крест ради блага Англии. Но почему обязательно Блейд?.. Почему именно он? Ведь мальчик ему почти как сын... Блейду было уже за тридцать, но Дж. все равно думал о нем, как о мальчике; ему самому недавно стукнуло шестьдесят семь.

Впрочем, совершенно ясно, почему Блейд незаменим. Просто он – самый лучший из всех кандидатов, которых они смогли откопать; лучший и по физическим, и по умственным данным. Компьютеры, в которых хранились сведения о всех сотрудниках британской разведки, каждый раз выплевывали его карточку. Иногда, угрюмо думал Дж., существуют моменты, когда совершенство является одним из отрицательных факторов. Нет, Дик, конечно, тоже не был идеалом. Он обладал отвратительным характером и временами становился упрямым, как осел. И еще он слишком любил женщин.

Шагавший впереди мистер Ньютон Энтони громогласно размышлял на философские темы:

– Я никогда не рассматривал солипсизм как надежную концепцию. Соблазнительную – да! Очень соблазнительную! Но утверждение о том, что кроме моего собственного «я» не существует ничего, представляется весьма шатким, и даже граничит с богохульством. Ведь выходит, что со смертью одного человека гибнет и Бог, и весь мир, не так ли?

Дж., замыкавший шествие, заметил у ограды одного из охранников. Человек поглядел на них и, узнав, растворился в полумраке. Дж. довольно усмехнулся. Ведь кто-то должен заниматься реальными вещами! У него тут под каждым кустом сидит по паре секретных агентов.

Лейтон, уцепившись за локоть этого жирного дурака, с пылом принялся разносить в клочья его логические концепции. Дж. поморщился. Он хорошо знал старого профессора и относился к нему если не с любовью, то с пониманием, несмотря на то, что сам является человеком совершенно противоположного темперамента. В каждом кубическом дюйме этого тощего, горбатого, изуродованного всеми существующими недугами тела таилось больше ума, чем во всей непомерно раскормленной туше мистера Ньютона Энтони. Это, конечно, не означало, что Энтони был полным идиотом. Он – весьма приличный специалист, неплохой ученый; однако, черт возьми, почему он выглядит таким напыщенным жирным боровом!

Но как только они вошли в огромный кабинет, где их встретил старый слуга, Дж. пришлось изменить мнение относительно мистера Ньютона Энтони.

– И все же этот ваш Ричард Блейд, – продолжал бубнить толстяк, – как только компьютер изменяет молекулярную структуру его мозга, тем самым перебрасывая его в некое параллельное измерение, может служить ярким примером солипсического мышления. Ведь ему приходится носить в себе целый мир... возможно – целую вселенную. По отношению к нам и к нашей вселенной, разумеется. В любом случае, ему не позавидуешь, – Энтони покачал головой.

– Кстати, лорд Лейтон, я так и не смог пока разобраться с теоретической основой ваших экспериментов. Ваши сотрудники весьма скрытны...

Дж. вздохнул и уселся за длинный стол рядом с дремлющим зеленым телефоном. Ничего не поделаешь, сейчас Лейтон в сто десятый раз примется излагать свою теорию. Естественно, что его сотрудники ничего не могут сказать; они разбираются в этих вопросах не лучше самого Энтони.

Появился слуга с подносом, на котором тоненько позванивали рюмки с виски. Мистер Ньютон Энтони отхлебнул глоток, причмокнул и закурил сигару, такую же толстую, как его ляжка. Дж. не спешил с выпивкой. Неудивительно что в этот день – вернее, в эту ночь, – он чувствует себя не в своей тарелке. Нахохлившись в кресле, шеф МИ6 с тоской

прислушивался к беседе двух научных монстров. Лорд Лейтон так и выглядел – монстром. Больной, до смерти уставший человек, с горбом и тонкими паучьими пальцами. Из-за перенесенного в юности полиомиелита старик передвигался словно краб, нетвердо стоящий на ногах. Сквозь пушистую гриву тонких и белых как снег волос явственно проглядывала розовая плешь. Только глаза у его светлости оставались молодыми и яркими, с большими янтарножелтыми львиными зрачками. Сейчас в них поблескивало плохо скрываемое презрение к потугам мистера Ньютона Энтони. Лорд Лейтон давно понял, что разобраться в теории параллельных измерений его коллега не в состоянии. Стоило ли тратить время на всяких недоумков... правда, от этого зависели коекакие финансовые вопросы.

Дж. замер, набрав полную грудь воздуха. Иногда Лейтон приходил в ярость из-за любой мелочи, а по милости мистера Ньютона Энтони его светлость уже начал накаляться. Если старик вспылит, то на последующие эксперименты денег можно не просить. Дж. поднес рюмку к губам, преисполнившись надежды. Очередное путешествие – сохрани Господь Ричарда! – оплачено; тут никуда не деться. А вот потом... Но Лейтон вел себя очень осторожно. Наверняка, как шахматный компьютер, он давно просчитал все ходы, предусмотрев и этот вариант.

Лейтон глотнул виски и еще раз терпеливо повторил:

– Вам известно, мистер Энтони, что у Блейда появились кое-какие проблемы с памятью после первого визита в параллельный мир. Думаю, что смогу вполне доходчиво вам это объяснить, – профессор, не сумел сдержаться, и в голосе его послышались отзвуки грозного львиного рыка. Дж. перестал изучать свою рюмку и торопливо отправил в рот ее содержимое.

Мистер Ньютон Энтони тоже почувствовал что-то неладное и затараторил:

– О да, конечно! Я все прекрасно помню. Я не хотел бы сейчас касаться этого чисто технического вопроса. Лучше расскажите, как вам удалось расширить возможности памяти Блейда, снабдить его эдаким дополнительным резервуаром для хранения информации?

Лорд Лейтон стиснул сигару в желтоватых костлявых пальцах.

– У Блейда начались нелады с памятью, как только он очутился в Измерении Икс – для определенности используем этот термин. Местные жители называют тот мир Альбой. Конечно, Ричард никогда полностью не терял память

– ни при скачке туда, ни при возвращении обратно. Но пришлось ему несладко. Почему-то в Альбе он начал очень быстро забывать наш мир, а попав домой, он почти полностью забыл Альбу. Несомненно, коекакие факты сохранились... но немного, очень немного. Совершенно ясно, что подобная ситуация нас не удовлетворяет.

– Без сомнения, – вставил мистер Ньютон Энтони и тут же пожалел, что вообще открыл рот.

– Потому что главная цель моих исследований, – прорычал Лейтон, – очевидная даже кретину, заключается в том, чтобы получить новые знания! Возможно, мы раздобудем и какие-то материальные ценности, но прежде всего – знания! Знания об этих параллельных вселенных и существах, обитающих там. Мы получили слишком мало информации, и я должен признать, что путешествие в Альбу является провалом. И результат, конечно, всегда будет таким же, если наш посланец не запомнит, где побывал и чему научился. Но на первый раз такой задачи не ставилось. Вот дальше я уже не могу рисковать.

Мне пришлось изрядно повозиться с молекулярной структурой его мозга. Я перепробовал все известные приемы мнемоники и те, которые придумал сам; одним словом, чем я только не занимался! Мне хотелось создать кибернетическую модель памяти и на ее основе снабдить Блейда такими средствами, чтобы ему не приходилось делать какие-то сознательные усилия для запоминания; тогда он мог бы без дополнительных трудностей обживать в новом измерении. Его память должна была функционировать совершенно автономно

– с тем, чтобы по возвращении мы с гарантией получили запись всей информации, хранящейся в клетках мозга.

Самое сложное здесь, мистер Энтони, добиться устойчивых межнейронных связей и научиться их расшифровывать. Для этого мне пришлось позаимствовать у американцев одно любопытное химическое соединение...

Тут Дж. поморщился и отхлебнул еще виски.

– Да, пришлось позаимствовать... вернее сказать, украсть целую кучу данных по некоторым секретным экспериментам с крысами. – Лейтон зло усмехнулся. – Нам, ученым, иногда тоже полезно заниматься кражами. Когда я заполучил все, что было нужно, то спроектировал компьютер-мнемотрон и сунул его под колпак бедного Ричарда. Три месяца мне пришлось копаться у него в голове.

Наконец, это сработало. Теперь мозг Блейда подпорчен коекакими искусственными добавками, зато он обладает потрясающей стабильностью нейронных связей. Блейд может теперь пребывать в другом измерении и изучать все, что ему заблагорассудится – с гарантией, что молекулярный механизм памяти не разрушится при переходе между измерениями. Вдобавок мне удалось расширить его способности к запоминанию информации. Это не потребует от Блейда сознательных усилий – и, в то же время, он уже ничего не сможет забыть. Он даже не будет сознавать, что все его ощущения откладываются в некий дополнительный мнемонический резервуар. А когда он совершит обратный переход, мне останется лишь опорожнить этот сосуд гипнотическим воздействием и перенести информацию на другой, более удобный для непосредственного изучения носитель.

Дж. выпустил клуб дыма и улыбнулся под его защитой. Теперь мистер Ньютон Энтони уже не выглядел таким напыщенным, как раньше – наоборот, он был поражен. Прежде, чем собеседник осмелился вымолвить слово, лорд Лейтон решил поставить финальную точку в дискуссии:

– А сейчас, коллега, – проворчал он, – я думаю, нам стоит позвонить на Даунинг Стрит. Такому старому и больному человеку, как я, уже давно пора лечь в постель. Завтра утром мне надо быть в Лондоне.

– Конечно, конечно, – торопливо согласился мистер Энтони, протянув руку к телефону. Разговор оказался коротким. Повесив трубку, мистер Энтони кивнул Дж.

– Все в порядке, сэр. Вы можете вызывать своего человека.

Дж., в свою очередь, повернулся к зеленому телефону.

– Мне бы очень хотелось поглядеть на этого Ричарда Блейда – прежде, чем он отправится в путешествие, – произнес, толстяк. – Не могу представить, как человек способен согласиться на такое... Это почти самоубийство!

– Блейд согласился, – покачал головой шеф разведки, – потому что таких, как он, больше нет. Сожалею, но вы не сможете встретиться с ним, сэр. Это было бы нарушением секретности. – Он отвернулся и стал набирать номер.

Блейд поднял воздушные женские трусики и повесил на куст; они совсем промокли.

Он расстелил свой старый плащ в маленькой, заросшей вереском ложбинке чуть ниже вершины утеса, которую Зоэ именovala «наше укромное место». Вдоволь использовав все его преимущества, они в блаженной усталости вытянулись на жесткой ткани плаща, любуясь ночным Ла Маншем. Широкий пролив раскинулся далеко внизу – гладкое темное зеркало, то там, то тут подернутое легкой рябью. Где-то у самого устья Темзы сверкали огни проходящих кораблей. На выступе под утесом беспокойно спали чайки, прибой тихо шелестел галькой. Луна, словно огромный серебристый парусник, плыла по темному небосводу.

– Что ждет меня в стране забытых грез?... – прошептал Блейд в нежное ушко Зоэ.

Протянув белоснежную руку, девушка растрепала темные волосы Ричарда.

– Безлюдный берег и пустынный плес... – шепнула она в ответ.

Они часто играли в эту игру, перебирая строчки стихотворений, но сейчас Блейд был раздосадован импровизацией Зоэ. В ней не прозвучало слово «любовь», которым она пользовалась весьма часто – в основном, по отношению к нему, Ричарду. А сегодня, даже в последнем страстном объятии, она не прошептала, что любит его.

Ричард Блейд, бронзовокожий мускулистый великан со сложением древнегреческого атлета, один из лучших британских секретных агентов, на самом деле был весьма тонким и чувствительным человеком. Вот именно – был. Компьютер лорда Лейтона подвел под всем этим черту.

Он поцеловал розовое ушко.

– Что с тобой, Зоэ? Что случилось? Я чувствую, что-то не так.

Ее мышцы на мгновение напряглись, затем тело девушки снова расслабилось.

– Кто такая Талин? – спросила она.

Сначала Блейд не понял вопроса. Потом слабые, неясные воспоминания забрезжили в его голове и потухли, как искры угасающего костра. Профессор Лейтон объяснил ему, почему так происходит: клетки его мозга не могут восстановить картину прошлого.

Талин... Этот манящий призрак, моментально рассеивающийся, словно струйка дыма... Солнечный зайчик на золотистой девичьей коже, алый маленький рот, впивающийся в его губы, громкий крик наслаждения... потом... потом он проваливается куда-то... куда-то в ад.

– Ты не ответил мне, Ричард.

Сегодня весь день она зовет его Ричардом. А раньше он всегда был Диком.

При всем желании Блейд не мог ответить ей. Неясное видение растаяло, он так и не смог вспомнить, кто такая Талин. Неужели он когда-то знал ее?

– Я не слышал о женщине с таким именем, – чистосердечно признался он.

– Почему ты спрашиваешь?

Он коснулся плеча Зоэ; девушка внезапно отстранилась, но голос ее по-прежнему был спокоен. Зоэ всегда оставалась спокойной – кроме, пожалуй, тех мгновений, когда они занимались любовью.

– Пожалуйста, Ричард, не обманывай меня. После всего, что между нами было, я заслуживаю лучшего обращения. Ведь мы же с тобой не дети! Если ты нашел себе другую женщину, просто скажи мне. Ты же знаешь, я не стану закатывать сцен. Просто скажи... Я думаю, что могу рассчитывать по крайней мере на твою честность, обычную честность. Поэтому мне сейчас так больно, Ричард, ведь ты всегда был честен со мной! А теперь... теперь происходит что-то такое, чего я не могу понять.

– Не можешь понять? Что? Боже мой, о чем ты? Весь день хмуришься из-за какого-то странного слова! Я еще раз повторяю, что никогда не слышал его... Я даже не могу вспомнить, что оно значит! Название города! Страны? Чье-то имя?

Знает ли он это на самом деле? Что за туманные образы временами проносятся у него в голове? Блейд с силой притянул к себе девушку.

– Дик! Ты делаешь мне больно! – Наконец-то он стал Диком!

– О, прости, дорогая, – крепки сжав ее в объятиях, он заставил Зоэ повернуться к нему; ее глаза загадочно блеснули в лунном свете. – Теперь, Зоэ, ты должна рассказать мне все, – произнес Блейд. – У меня уже голова идет кругом! Давай же, начинай!

На самом деле было бы лучше выслушать откровения лорда Лейтона по данному поводу. Этот дьявольский компьютерномоскоп и бесконечные рискованные опыты не могли не повлиять на работу его мозга. Но с Лейтоном он побеседует потом. Сейчас ему надо помириться с женщиной, которую он любит.

– Хорошо, – голос Зоэ окреп. – Возможно, я просто ревнивая дура... Ведь ты никогда раньше не врал мне, Ричард!

Опять Ричард!

– Прошлой ночью я проснулась от твоего крика. Ты звал ее. Ты метался в постели и кричал, так кричал! А потом ты схватил меня и начал... начал... – она запнулась и подняла на него полные слез глаза.

– Боже мой! – Блейд не на шутку перепугался. – Почему же ты меня не разбудила?

– Я не смогла, Ричард. Ты не думай, я пыталась! Но ты чуть не раздавил меня в постели! Ты словно превратился совсем в другого человека – дикого, необузданного... И

мне... мне стало страшно. Я просто покорилась... и терпела, пока ты не закончил.

– И сколько же это продолжалось?

– Полчаса, может – больше. После того, как прошел приступ, ты перевернулся на другой бок и заснул, будто младенец.

С минуту Блейд молча обдумывал услышанное. Да, от подобного обращения в душе бедной девушки вполне мог разразиться шторм. Теперь надо как-то выкручиваться...

– Ты знаешь, – сказал он наконец, – наверно, я просто увидел кошмарный сон, а тебе, любовь моя, поневоле пришлось стать его соучастницей. Однако странно, – Блейд задумчиво нахмурился, – я не узнаю себя... особенно – в этой ситуации... Разве по-твоему я такой уж жестокий любовник? Набрасываюсь, как жеребец, а сделав дело, засыпаю, не поцеловав последний раз любимую женщину? Пусть даже во сне была другая женщина – я все равно себя не узнаю... Нет, это не я... Видимо, мне приснился чей-то чужой кошмар,

– он улыбнулся. – Давай все забудем. Не хмурься, дорогая, лучше поцелуй меня.

Но в этот раз обаяние Ричарда Блейда не сработало: Зоэ вновь отвернулась от него.

– Нет, я думаю, забывать не стоит. Ты прав – тебе приснился кошмар, и на самом деле никакой женщины по имени Талин не существует. Да и имя какое-то странное... И все же... все же не стоит забывать.

Ну почему у них у всех такой отвратительный характер? Сунув в рот травинку, Блейд улегся на спину, тихо проклиная все на свете: лорда Лейтона, компьютер, яйцеголовых, Дж. со всем его отделом, а главное, себя самого – за то, что окончив Оксфорд, соблазнился честью работать на Ее Королевское Величество. Больше всего в этих невеселых мыслях он поносил пресловутый закон о неразглашении государственной тайны. Проще всего было бы сказать Зоэ правду; но если сделать этого никак нельзя, что тогда? Ибо если сам не придержишь язык, то помогут твои собственные коллеги – вздернут на сук, и Дж. собственноручно затянет петлю на шее, несмотря на все уверения в любви.

– Несколько месяцев назад ты просил меня выйти за тебя замуж, – тихо сказала Зоэ.

Было такое. Уже тогда он любил ее достаточно сильно. Сжав зубы, Ричард ждал продолжения. На утесе внизу сутились чайки. Луна уплывала за горизонт. Черт возьми! Он не намерен терять эту женщину!

– Сначала я отказалась, – снова слышался ее голос, – потому что еще не знала, люблю ли тебя. А когда полюбила, ты перестал спрашивать.

Блейд громко хмыкнул.

Она быстро нагнулась чтобы поцеловать его, но губы ее были холодны, а в голосе звучало притворное сочувствие:

– Бедняжка! Неужели ты так сильно переживал мой отказ?

Зоэ подняла голову и спокойно продолжала:

– Ричард, ты постоянно пропадаешь где-то, а потом – раз, и ты здесь, без всяких объяснений, зато с ужасными шрамами. Тебя нет целый месяц, а потом ты врываешься ко мне и предлагаешь продолжить наши отношения – прямо с того места, где мы остановились в прошлый раз. Не скрою, раньше мне нравилась такая жизнь. Но это не может продолжаться вечно. Я устала. Я просто женщина, обычная женщина, и хочу иметь детей и мужа, которого вижу каждый день. И каждую ночь. А ты... я даже не знаю, на что ты живешь.

– Слушай, давай оставим это... – с усилием произнес Блейд.

Ее холодная рука легла на его губы.

– Знаю, знаю. Отдел экономического планирования, Уайтхолл.

Это была его новая легенда – с тех пор, как он по уши увяз в компьютерных экспериментах.

– Я имею в виду твою настоящую работу, – продолжала девушка. – У меня и моего отца есть кое-какие знакомые, а у них тоже полно знакомых. Оказалось совсем не трудно выяснить, чем ты занимаешься в своем отделе: у тебя там кабинет с секретаршей, и примерно раз в неделю ты целый час сидишь в нем, подписывая какие-то бумаги.

Где-то звонко закричал петух. Ричард прикрыл глаза. Послушал бы Дж. ее речи! Сам-то

он всегда считал, что новая легенда прозрачна, как стекло.

Зоэ снова наклонилась к нему – теперь ее губы были куда теплей.

– Дик, дорогой мой... Если у тебя какая-то сверхсекретная работа, ты только скажи мне одно словечко... Я все пойму и не буду задавать никаких вопросов.

М-да...

– Я не могу тебе ничего сказать, – печально произнес Блейд, – ни одного словечка.

– Даже такого короткого, как «да» или «нет»?

– Абсолютно ничего.

В наступившей тишине снова задорно прокричал петух.

– Ну, хорошо, – девушка прижалась к нему. – Тогда, может быть, ты женишься на мне? Прямо сейчас! Дик, я так люблю тебя... ради тебя я готова на все. Давай поженимся, и я постараюсь привыкнуть к твоим отлучкам.

– Я не могу, милая моя, – произнес Блейд.

После начала экспериментов его прежний контракт был расторгнут и его заставили подписать новый, в котором ясно говорилось – никакой женитьбы. Потому что даже самые надежные люди в постели становятся необычайно болтливыми.

Зоэ изумленно приподнялась на локтях.

– Ты не можешь на мне жениться? Или не хочешь?

– Не могу. Я...

И тут они услышали, как в коттедже на вершине утеса надрывно зазвонил телефон. Зоэ приподнялась и начала шарить по траве в поисках своей юбки.

– Наверно, тебя, – сказала она.

– Да, я ждал этого звонка, – кивнул Блейд. – Одевайся. Я отнесу тебя домой.

Взяв девушку на руки, он направился в сторону коттеджа. Как обычно, он одним махом одолел каменные ступеньки, вырубленные в скале.

– Осторожно! – в испуге вскрикнула девушка. – Ты угробишь нас обоих!

«А раньше ей это нравилось», – печально подумал Блейд, ритмично шагая по тропинке. Торопиться некуда. Телефон продолжал звонить.

Осторожно положив Зоэ на постель, он повернулся и снял трубку.

– Привет, мой мальчик, – голос Дж. звучал так, словно ничего более серьезного, чем приглашение на чашку чая, не предполагались. – Как настроение?

– Да так себе, – Блейд искоса глянул, на Зоэ, барахтающуюся на одеяле. Заметив его взгляд, она чинно уселась, подперев рукой подбородок, и отпустила ему притворную улыбку.

– Послушай, Ричард, – сказал Дж., – я надеюсь, что не оторвал тебя от каких-то срочных дел? – старый лис спрашивал таким тоном, словно был абсолютно уверен, что вытащил Блейда из теплых девичьих объятий.

– Все в порядке, сэр, – деликатно ответил Блейд. – Что у вас нового?

– Утром тебе надо явиться в обычное место. Нет возражений?

– Никаких, сэр. Я отправляюсь. – Блейд повесил трубку.

– Опять уезжаешь, дорогой?

Молча кивнув, Ричард поплелся в кладовку, выудил оттуда чемодан и принялся швырять в него вещи. Хорошо, что в этот раз он не прихватил из Лондона ничего объемистого.

– И когда мы снова увидимся?

– Понятия не имею, – честно признался он. – И самое обидное, любовь моя, никто не может этого сказать.

Блейд не добавил, что весьма вероятно, Зоэ вообще никогда больше его не увидит; было бы жестоко завершать свидание подобным образом. Она же любит его. Он ничего ей не скажет; конечно, она будет строить всевозможные догадки по поводу его отлучки. Пусть так. Если честно поведать ей, что он собирается в другое измерение, где шансы остаться в живых весьма близки к нулю, она вообще с ума сойдет.

– Надо обделать одно дельце, – Блейд предпочел лавировать. – Не знаю, когда оно закончится.

– Дик!

Ричард обернулся и в последний раз обнял плачущую девушку. Потом он вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

С первыми лучами рассвета Блейд подошел к главным воротам Тауэра. Дж., с вечной трубкой в зубах, уже поджидал его. Яркий солнечный свет и мешки под глазами после бессонной ночи прибавляли ему десяток лет.

Охранники проводили их сквозь лабиринт туннелей, ходов и лестниц до двери специального лифта, которую Ричард так хорошо запомнил. Полномочия Дж. здесь кончались; дальше он пройти не мог. Эксперимент являлся сверхсекретным предприятием.

Они молча пожали друг другу руки. Блейд подумал, что еще никогда не видел шефа таким усталым и озабоченным.

– Удачи тебе, мой мальчик, – сказал Дж. – Отправляясь туда, не беспокойся о здешних делах. У тебя будет все хорошо. Я об этом позабочусь.

Подошел лифт, и Ричард шагнул в кабину; Дж. махнул ему рукой из коридора.

Через десять минут Блейд уже пробирался через паутину проводов и кабелей вслед за белым халатом лорда Лейтона, прислушиваясь к монотонному гудению компьютеров, похожему на пульсацию крови в сосудах.

Вскоре они очутились на небольшой площадке в недрах огромного компьютера, где находилось кресло под блестящим металлическим колпаком. Почему-то оно все время ассоциировалось у Блейда с электрическим стулом. Насколько он сейчас припоминал, конструкция эта почти не изменилась, разве что разноцветных проводов, торчавших из внутренностей машины, стало побольше.

Как оказалось, это впечатление не было обманчивым. Лорд Лейтон, закрепляя контакты на теле Блейда, горделиво махнул рукой в сторону терминала своего любимого детища и с чувством произнес:

– Вы заметили, Ричард? Я полностью переделал его. Теперь это совершенно другая машина.

Блейду осталось только в очередной раз подивиться немыслимой работоспособности этого горбатого скрюченного старика. Наконец его светлость кончил возиться с электродами и поднял глаза:

– Что-то вы сегодня нервничаете, друг мой. Испуганы?

– Да, сэр. Немного, – чистосердечно признался Блейд. – Прошлый раз все случилось так быстро, что у меня не хватило времени ощутить страх. К тому же, я не знал, что меня ждет.

Лейтон похлопал его по плечу.

– Успокойтесь. Сейчас вы тоже не знаете, что вас ждет. Как, впрочем, и я сам. – Да, в отсутствии логики его нельзя упрекнуть! – Конечно, я постарался все точно рассчитать, но кто его знает? Главное – не волнуйтесь; в нужное время я вытащу вас оттуда. Старайтесь накопить побольше информации. Запоминать ничего не нужно, все сведения будут зафиксированы автоматически... Ну, вы готовы?

– На двести процентов, – отозвался Блейд. – Вперед, профессор!

Лейтон нажал на переключатель.

В этот раз боли не было; только гигантская рука с неодолимой силой вдавила его в кресло. Блейд попытался вдохнуть, но не смог. Воздуха не было. Он продирался сквозь наполненный громом вакуум. Беззвучным громом – он мог его ощутить, но не услышать.

А потом тело Ричарда Блейда начало распадаться. Ничего не чувствуя, он хладнокровно наблюдал за этим процессом, пока ему не стало совсем скучно. Он равнодушно глядел, как его руки и ноги отделяются от туловища и уплывают куда-то вдаль. Голова тоже решила покинуть привычное место, и плавно снялась с плеч. Теперь она медленно кружила вокруг разросшегося до невероятных размеров тела, которое все еще

продолжало разлетаться на части. Вот рассыпался на мелкие кусочки позвоночник, и сквозь образовавшуюся щель разноцветным роем вылетели внутренности. Внезапно Блейд заметил, что на него сверху что-то падает. Это оказался его собственный кулак, разбухший, закрывший собой полнеба. Он почувствовал мгновенный всплеск ужаса и попытался увернуться от снижающейся громады, однако бежать было некуда, оставалось только беспомощно ждать развязки. Ричард улыбнулся. В конце концов, какое ему дело до этого летающего кулака? Правда, очень большого...

Наконец кулак обрушился ему на темя, и Блейда скрутило от боли. Все-таки и в этот раз без боли не обошлось.

Глава 2

Очнувшись, Блейд долго лежал на теплом, нагретом солнцем камне, всем телом ощущая его шероховатость. Светило, вероятно, склонялось к закату, и длинные густые тени коснулись обнаженных плеч разведчика. Итак, он снова в Измерении Икс. Значит, нужно готовиться к худшему – ведь куда бы он ни попал, опасность присутствует всюду.

Опять ему придется медленно и осторожно приспосабливаться к окружающему миру, к новой реальности. Тут нельзя допускать ошибок; цена ошибки – жизнь.

Не поворачивая головы, Блейд изучал открывшийся перед ним пейзаж. Местность выглядела довольно безрадостной. Скальная плита, на которой он лежал, упиралась в нагромождение высоких зубчатых валунов. Камень под ним был слегка запорошен песком. Блейд зачерпнул немного ладонью и поднес поближе к глазам. Черный песок! Интересно.

В каменном мешке завыл ветер, бросая ему в лицо пригоршни пыли; вместе с ветром до его убежища доносились какие-то звуки. Разведчик приподнял голову и прислушался. Лязг, грохот, звон... отзвуки битвы! Он безошибочно определил их! Теперь он улавливал крики сражавшихся людей, стоны раненых... А вот еще! Блейд приложил ухо к теплому камню. Топот копыт! Сотни всадников галопом мчались по равнине!

Порыв ветра донес звук боевых горнов. Глухой трубный зов и новые крики – вопли побежденных, торжествующий рев победителей, стоны умирающих.

БУММ! А это уже похоже на пушку! Станный раскатистый грохот, словно удар грома или гулкий звон огромного колокола... Что это?

Решив, наконец, что непосредственная опасность ему не угрожает, Блейд собрался выглянуть из своего убежища и изучить обстановку собственными глазами. Держась против ветра, он подполз к загораживавшим обзор валунам, отыскал подходящую щель и приник к ней.

Его импровизированный наблюдательный пункт был расположен весьма удачно

– на невысоком холме, прямо в тылу у нападающих. Блейд едва обратил на это внимание, настолько захватила его картина развернувшейся внизу битвы. Спектакль шел на фоне гигантской стены из желтого камня, закрывавшей линию горизонта. Она казалась бесконечной – не прерываясь, она уходила влево и вправо, и, даже напрягая глаза, разведчик не сумел различить, где кончается это чудовищное сооружение.

На широкой равнине между холмом и стеной шло самое невероятное сражение, какое доводилось ему видеть. Отряды всадников проносились мимо стены на небольших лошадках; бойцы, развернувшись в седлах, метали вверх стрелы из удивительно коротких луков. От их воплей у Блейда, еще не совсем пришедшего в себя, зазвенело в ушах. «Неудачная тактика, – подумал он, потирая гудевший висок, – чего можно добиться этим обстрелом?» Стена была очень высока – не меньше пятидесяти футов по его прикидке; о толщине и говорить не приходилось – четыре всадника могли проехать по ней в ряд. Легче убить слона из игрушечного пистолета, чем взобраться на этот вал взметнувшегося к небесам камня! Видимо, упражнения с луками, которые он наблюдал, были просто актом отчаяния или безрассудной ярости.

Однако вскоре Блейду стало ясно, чего добиваются нападающие. Всадники пытались выманить своих врагов из-за стены, чтобы те ввязались в драку. Он ухмыльнулся. Неужели защитники окажутся настолько глупы, что поддадутся на эту провокацию?

Еще как! Недоумевая, разведчик увидел, как распахнулись створки гигантских ворот, и стремительный поток конных и пеших воинов с боевым кличем хлынул на равнину. Нападающие радостно завопили в ответ и бросились им навстречу. С громоподобным ревом две армии сшиблись у подножия стены.

Дальше все происходило с поразительной быстротой. Блейд в изумлении приоткрыл рот: в один миг воздух потемнел от летящих копий и стрел, кони и их седоки попадали целыми шеренгами, образуя залитые кровью валы из трупов, а оставшиеся в живых с воплями и свистом кололи и резали друг друга, нагромождая новые холмы мертвых тел.

Лишившаяся всадника маленькая косматая лошаденка взбежала на холм и, остановившись неподалеку от груды камней, среди которых засел Блейд, принялась флегматично пощипывать траву.

Внизу, на равнине, новые легионы бойцов бросились в атаку. Теперь это были пехотинцы. Под прикрытием огня лучников, они пытались приставить к стене длинные неуклюжие лестницы. Обороняющиеся встретили их градом камней и струями кипящего масла; штурм захлебнулся, пехотинцы откатились назад.

Отряды защитников, сражавшихся у стены, повернули обратно, не выдержав убийственного потока копий и стрел. Огромные ворота, словно чудовищная пасть, всосали массу отступающих солдат, затем их створки широко распахнулись, и Блейд разглядел эту странную пушку.

Она оказалась огромной: ствол – не меньше семи футов в диаметре и около сорока в длину. Сотни людей суетились вокруг этого монстра, установленного на наклонной рампе сразу за стеной

Удивительная конструкция! Блейд, однако, сомневался, что от нее может быть какая-то польза на практике. Он не представлял, куда и зачем защитники стены палят из этой пушки – гигантский ствол был задран к небу под совершенно невообразимым углом. Согласно законам баллистики, ни в ряды атакующих, ни в их лагерь – заставленную палатками ложбину по правую руку от его холма – снаряд попасть не мог.

Мгновением позже, когда пушка выстрелила, он понял, в чем дело.

Ослепительная вспышка; темный зев ствола изверг ядро и клубы серого дыма, закрывшего и атакующих, и защищающихся. Блейд зачарованно следил за полетом странного снаряда; его траектория, похоже, должна была закончиться прямо в груди камней на вершине холма.

Ядро взлетело столь высоко, а скорость его оказалась столь ничтожной, что он мог вдоволь полюбоваться этим небывалым зрелищем – а также и тем, какое впечатление выстрел произвел на армию под стеной. Побросав луки и копья, воины с криками ужаса бросились врассыпную.

Блейд невольно усмехнулся. Значит, защитники стены палят из пушки только для устрашения противника. Нельзя не признать, что это у них получалось неплохо.

Тем временем снаряд миновал высшую точку траектории и повернул к земле. Разведчик содрогнулся; теперь он был уверен, что ядро рухнет прямоком на его укрытие. Черт возьми! Эта штука была слишком велика и больше походила на небольшой метеорит, чем на пушечный снаряд. К тому же он заметил еще одну странность – ядро казалось почти прозрачным; сквозь эту зеленоватую сферу он мог даже разглядеть облака, что плыли по темнеющему вечернему небу.

Гигантский зеленый шар обрушился на один из гранитных валунов, острые как бритвы, осколки брызнули во все стороны. Блейд, предусмотрительно забравшийся в узкую щель между камнями, поднял небольшую пластинку зеленого вещества, упавшую рядом с ним.

Невероятно! Это был нефрит! В нефрите он разбирался неплохо – у его отца в свое время была прекрасная коллекция нефритовых статуэток. Однако это...

Огромное пушечное ядро из зеленого нефрита, прозрачного, как стекло – в такое действительно трудно поверить! Однако этот маленький осколок на его ладони не оставлял места для сомнений.

Блейд еще раз посмотрел на него и с удивлением понял, что едва может разглядеть собственную руку. Он оказался совсем не готов к столь стремительному наступлению темноты. Минуту назад было еще довольно светло, но внезапно на равнине воцарился такой мрак, словно неведомое божество этого мира выключило солнце. А он-то приготовился ждать, пока наступят сумерки! Можно отправляться под стену хоть сейчас и выбрать себе одежду и оружие среди гор трупов.

Выпрямившись, Блейд пожал плечами и отшвырнул нефритовую пластинку. Какую ценность может представлять здесь этот минерал, если из него делают пушечные ядра?

Внезапно снова появился свет, более рассеянный и неяркий – по небосклону карабкалась луна.

Бросив взгляд направо, Блейд увидел сотни костров, загоревшихся в лагере осаждающих. Темные силуэты сновали между палатками взад и вперед, отдаленные звуки незнакомой мелодии достигли ушей разведчика. Он повернулся к стене – крохотные огоньки факелов мерцали между бойницами.

Что ж, пора приниматься за дело. Ему нужно как-то просуществовать здесь до того момента, когда лорд Лейтон соизволит вытащить его обратно.

Ричард Блейд выскользнул из своего укрытия и начал осторожно спускаться к грудам трупов, наваленных под желтой стеной. Инстинкт подсказывал ему, что все самое интересное окажется за этой каменной громадой.

Глава 3

Спустившись к месту недавнего побоища, Блейд осмотрелся по сторонам. Вокруг него живописными горами громоздились мертвые лошади вперемешку с окровавленными телами воинов. Стонов раненных не было слышно: видимо, нападавшие успели добить их до того, как грохнула пушка. От гор мертвой плоти уже поднимался запах разложения. Наверно, он и привлекал сюда любителей падали – прокрадываясь между наваленных штабелями мертвых тел, Блейд слышал чавкающие звуки и заметил мерцание чьих-то глаз. Однако в полумраке ему пока не удавалось как следует разглядеть этих трупоедов.

Наконец луна вышла из-за облаков, и он смог удовлетворить свое любопытство: несколько маленьких клыкастых обезьянок злобно скалились на него, выглядывая из-за холмов человеческих тел, придавленных мертвыми тушами лошадей. Плотоядные обезьяны? Что ж, запомним, решил разведчик, впервые и со всей остротой почувствовав, что находится не на Земле.

Перебираясь где ползком, где на корточках – от одной кучи к другой, Блейд рассматривал одежду и амуницию погибших солдат. Вскоре он убедился, что воины враждующих сторон весьма сильно различались и телосложением. Обнаружив одну любопытную парочку бойцы лежали рядом, всадив друг другу в грудь клинки – он решил приглядеться к ней поближе.

Солдат из отряда, вышедшего из-за стены, был высоким и хорошо сложенным человеком; даже в мертвом виде он выглядел вполне пристойно. Его кожа в слабом свете луны отливала желтизной, а тускло блестевший меч Блейд счел бронзовым. Дотронувшись до клинка, он понял, что ошибся – меч был деревянным. Какая-то странная порода очень тяжелого и твердого дерева. Оружие было покрыто чем-то похожим на бронзовую краску.

Затем он повернулся ко второму трупу. Смуглая кожа, небольшой рост, кривые ноги... Прекрасно развитая мускулатура... Торс защищают кожаные доспехи, из-под остроконечного шлема выбиваются пряди жестких черных волос. Штаны тоже кожаные, на ногах – высокие сапоги из того же материала. Сильные кривые ноги – признак всадника! Варвара! Блейд выпрямился и удовлетворенно вздохнул.

Одна из обезьян посмелее принялась за мертвеца, лежавшего в пяти шагах от него. Разведчик поднял валявшийся рядом дротик и запустил в наглую тварь, которая с раздраженным визгом обратилась в бегство. Он рванулся было следом

– добить, – но внезапно его остановил блеск золота на трупе, который начало пожирать маленькое чудище.

Вероятно, это был какой-то военачальник из армии защитников стены. Его клинок сверкал золотой краской, панцирь украшал золотой круг, плечи – овальные пластинки, похожие на эполеты. Большой чин, возможно даже – генерал; не удивительно, что обезьяна сочла его лакомым кусочком! Грудь погибшего украшала массивная золотая цепь – ее блеск и привлек внимание Блейда. Он осторожно нащупал застежку и снял цепь с холодной шеи мертвеца. Прекрасная работа, золото чистейшей пробы... да, покойный был очень важной персоной!

Ухмыльнувшись, Блейд принялся разоблачать столь удачно попавшийся под руку труп. Если уж никак нельзя избавиться от подобной процедуры, почему бы не пропутешествовать первым классом? Возможно, блестящие золотом доспехи и массивная цепь на шее откроют ему дорогу за стену?

Стянув с мертвеца шелковую тунику, оказавшуюся под доспехами, он с удовольствием прикрыл наготу. Однако с панцирем произошла неувязка – погибший был примерно одинакового роста с ним, но его мускулатура оставляла желать лучшего, тесная кираса не сходилась на могучем торсе разведчика. Отбросив ее после нескольких неудачных попыток, Блейд подобрал шлем с золотым кругом, который пришелся ему впору. Шлем чем-то напоминал греческий

– такой же высокий гребень и пластинка, закрывающая лоб и нос. Блейд довольно кивнул: разглядеть его лицо под забралом будет непросто.

Закончив с одеждой, он решил покопаться в куче оружия, но вдруг у него за спиной раздались чьи-то неясные голоса. Проклиная себя за беспечность, разведчик припал к земле и, стараясь затаить дыхание, уставился на приближавшуюся цепочку факелов. Если удачно изобразить мертвого, солдаты, пожалуй, пройдут мимо, думал он, вытянувшись среди трупов.

Голоса постепенно становились все отчетливей. Наконец Блейд разобрал чей-то высокий певучий голос с командными интонациями:

– Эй, посмотрите вон там, за той кучей монгов. Да не рассматривайте каждое лицо, болваны, глядите на доспехи! Вы что, не помните, как был одет ваш император?

Ему было понятно каждое слово! Вероятно, попадая в миры Измерения Икс, он автоматически овладевал и местными языками. Во всяком случае, так было в Альбе, о которой у него сохранились только смутные воспоминания, и так случилось здесь. Что ж, хорошо, язык мог пригодиться не меньше, чем оружие.

Шаги солдат слышались все ближе, и внезапно до Блейда дошло, что он может попасть в серьезную переделку. Или нет? Конечно, нацепив этот роскошный шлем, он может в два счета очутиться за стеной, но что с ним произойдет дальше? Пожалуй, не слишком приятные вещи – как с любым человеком, ограбившим императорский труп.

Чей-то раздраженный голос произнес:

– Не думаю, что нам удастся сейчас отыскать тело императора, сир. Мы даже не знаем точно, где он упал. Если монги заметят наши факелы, они моментально заявятся сюда, а с меня уже хватит на сегодня их кислых рож.

Но командир не согласился.

– Делай, что тебе говорят, ленивый ублюдок! Иначе твоя кислая рожа присоединится к рожам тех монгов, которым завтра снимут головы! Это я тебе обещаю.

Раздался еще один голос.

– Интересно, почему императрица Мей так настаивала, чтобы мы отыскиали труп ее супруга?

– Чтобы отдать ему последние почести. Зачем же еще?

Собеседники громко расхохотались. Блейд, уткнувшийся подбородком в кровавую лужу, попытался нахмурить брови, но только еще больше вымазал лицо.

– Ну, кто здесь еще боится монгов? – воскликнул какой-то бахвал. – Они не нападают ночью. Эти грязные варвары боятся призраков павших воинов!

– Я вижу, вам не жалко своих голов, – вмешался командир, теперь Блейд уже мог отличить его высокий голос. – Прекрасно! Сейчас мы вернемся за стену, и я лично пригляжу, чтобы их без промедления отделили от плеч.

Болтуны притихли, разведчик, вдохновленный замечанием о трусости монгов в ночную пору, не шевелился. Он выглядел мертвее мертвого, и даже днем, на расстоянии пары ярдов, без труда обманул бы любого, но тут один из воинов споткнулся о его руку и радостно взвыл.

– Эй, все сюда! Я нашел императора!

«Если с меня снимут шлем, – с грустью подумал Блейд, – то голова последует за ним». Их было пятеро или шестеро, а он не успел разжиться даже деревянным мечом. Может быть, стоит заговорить с ними и выиграть время? Может быть, лучше...

– Да, это его цепь! Это император, – голос офицера раздался прямо над ухом Блейда.

– Скорее! Кладите его на носилки! Черт с ними, с монгами, но эти проклятые обезьяны заставляют меня нервничать!

Ричард Блейд по долгу службы был весьма неплохим актером, и тут он старался во всю, играя роль покойного героя-императора, которому не терпится попасть в скорбные объятия своей императрицы и получить все положенные посмертные почести. Его смущало лишь одно. Что мог означать тот глумливый солдатский хохот? Покачиваясь на носилках, он лихорадочно размышлял, какие «последние почести» ему будут оказаны, и наконец пришел к выводу, что здорово влип. Мысль эта, к сожалению, нисколько его не успокоила.

Тащили его довольно долго.

– Мне кажется, что император при жизни не был таким тяжелым, – пожаловался один из носильщиков. – Или трупы весят больше живых людей?

– Дурак, – отозвался начальственный голос. – Тебе-то какое дело до этого? Чем скорее выполнишь свою работу, тем быстрее вернешься в постель.

– К своей бабенке! – добавил кто-то, и вся компания опять разразилась хохотом.

Обмякнув в носилках, Блейд не осмелился приоткрыть глаза, чтобы полюбоваться на стену вблизи, зато он весь обратился в слух. Сначала скрипнули створки ворот, потом его долго тащили по холодному и сырому туннелю, где пахло плесенью и влагой. Минут через десять они снова выбрались на открытый воздух и быстро двинулись вперед. Решив, что кроме четырех его носильщиков и начальника с тонким голосом, вокруг никого нет, Блейд рискнул приподнять веки.

Его несли по огромному парку, деревья и кустарники в котором были тщательно подстрижены; нож садовника придавал им форму фантастических животных и гигантских человеческих фигур. Они миновали большой бассейн, наполненный темной водой – в ней отражался свет горящих факелов. Скосив глаза, Блейд посмотрел вниз, он мог бы поклясться, что дорожка, по которой шагали солдаты, выложена нефритовыми плитками.

– Торопитесь, идиоты, – не унимался командир. – Я хочу побыстрее оказаться в постели, а императрица – получить тело своего обожаемого супруга.

– Ну да? – захихикал один из солдат, и все четверо снова загоготали.

Недоумение и тревога Блейда возрастали с каждой минутой. Он не видел повода для веселья в таком печальном событии, как гибель императора. Интересно, что веселого может сделать с ним безутешная вдова, когда он предстанет перед ней в качестве трупа?

– Смотрите, посшибают вам головы, – проворчал в ответ на смешки начальственный голос.

Блейд поморщился. Видимо, в этом мире у людей была патологическая тяга к отсечению голов и прочих частей тела.

– Я никогда не видел лица нашей императрицы, сир, – признался один из

носильщиков. – А вы?

– Нет! Ее лицо не для глаз простых смертных, дурак. И она не появится в Храме Смерти до тех пор, пока мы не закончим свое дело. А теперь – пошевеливайся!

Носилки взлетели вверх, солдаты, гулко топая, с завидной резвостью поднимались по широким каменным ступеням, возносящимся к фронту огромного сооружения. Свет факелов, укрепленных в подставках по обе стороны лестницы, играл на полированных зеленоватых плитах. Блейд прикрыл глаза. Похоже, По эту сторону стены все здания выстроены из нефрита!

Императрица нефритовой страны! Несмотря на то, что через десять минут Блейд вполне мог оказаться настоящим трупом, он испытывал непреодолимое желание увидеть эту женщину.

Подъем по лестнице завершился. Его внесли в гулкий пустой зал и оставили лежать на глыбе нефрита, служившей, повидимому, алтарем.

Когда шаги его невольных провожатых затихли вдали, воцарилась полная тишина; лишь потрескивание единственного факела, висящего на стене, изредка прерывало ее.

Лежа на спине и ощущая лопатками холод каменного алтаря, Блейд чуть приподнял веки и начал осматриваться. Зал, очевидно, был очень длинным. Он видел две голые стены по бокам – значит, дверь находится где-то сзади, а факел, судя по отбрасываемому им свету, висит высоко над ней. Наверняка, оттуда и появится императрица... как ее?... ах, да – императрица Мей.

Внезапно часть боковой стены бесшумно отошла в сторону. Блейд замер на своем каменном ложе, прикрыв глаза; неясные тени плясали под ресницами. Вот их колыхание стало сильнее... Так. Теперь он явно не один в Храме Смерти.

Стараясь успокоить дыхание, разведчик сквозь неплотно сомкнутые веки наблюдал за светлым пятном, проникшим в комнату через проход в стене.

Почему его сердце стремится выпрыгнуть из груди? Вполне естественно, что вдова-императрица хочет оплакать своего царственного супруга... к которому он не имеет ни малейшего отношения... Однако Блейд был так взволнован, словно ему предстояла битва или любовное приключение.

Женщина направилась к алтарю, и он приоткрыл глаза пошире. Свет факела струился по шелковому полупрозрачному одеянию императрицы, облежавшему ее стройную фигурку, словно вторая кожа; в руке у нее поблескивал длинный изогнутый кинжал. Блейд напрягся. Интересно, что собирается делать эта безутешная вдовушка с телом своего мужа?

Она остановилась в пяти шагах от алтаря. Лицо ее было бесстрастно, грудь под легким шелком туники чуть колебалась в такт спокойному дыханию. Скользнув взглядом по телу императрицы, Блейд не смог заметить ни малейшего изъяна. Венера! Нефритовая Венера!

Женщина направила на него кинжал.

– Ну что, Сака Мей, – негромко произнесла она, – вот мы и встретились в последний раз. Ты здесь, в Храме Смерти... и я должна оказать тебе последние почести, как будто ты в своей никчемной жизни заслужил их. Впрочем, ты мертв, и это уже не важно, все и так знают, каким человеком был Сака Мей!

Не моргая, Блейд внимательно следил за лицом женщины. Эти черты могли пригрезиться только во сне, когда просыпаешься и не можешь вспомнить лица прекрасной незнакомки, но знаешь, чувствуешь, что видел девушку, которую любил вечно.

Мечта юности Блейда стояла перед ним во плоти. Ее черты были гармоничны и прекрасны: правильный благородный овал лица, высокие, словно прорисованные кисточкой, брови, прелестной формы носик с перламутровыми ноздрями, алые влажные губы. Боже! Что за женщина! Блейд понял, что не долго сумеет выдержать роль мертвеца.

Императрица сделала скользкий шаг вперед и занесла кинжал.

– Я убью тебя еще раз, Сака Мей! И я сделаю это с удовольствием. Мудрые говорят, что мужчина умирает лишь однажды, и если так, ты уже давно мертв для меня... И все же я проколю кинжалом твое сердце, ибо только тогда я смогу отдохнуть, насладиться мстью и

свободой, найти забвение в объятиях другого...

Еще один шаг вперед. Ее тело под полупрозрачным хитоном напряглось, дыхание стало громче и прерывистей.

– Как я бы хотела, чтобы ты услышал меня – там, где находится сейчас твоя темная душа. Знай же – это я убила тебя! Это я подослала человека, ударившего тебя в спину, и все твои коварные замыслы теперь провалятся под землю! – она потрясла кинжалом. – А полчаса назад я перерезала горло твоему убийце, и он никогда не сможет выдать меня!

Глаза Блейда задержались на кинжале. Опасная женщина, очень опасная! Пора брать инициативу в свои руки, иначе она вскоре выпустит ему кишки. Но если все пойдет как надо, ему обеспечено великолепное прикрытие. Женщина с таким положением... Ну, ладно, мечты оставим на завтра, сейчас же главное – не спешить. И действовать крайне осмотрительно.

Еще шаг. В свете факела кинжал искрился золотом; теперь Блейд хорошо рассмотрел ее глаза. Он ужаснулся, и в то же время затрепетал от нежности.

За частоколом длинных густых ресниц – бездонные зеленоголубые зрачки-озера, в глубине которых горит ненависть. Широко расставленные огромные глаза нефритовой императрицы одновременно и манили, и обжигали леденящим холодом. Блейд невольно содрогнулся под этим холодным взглядом.

– Я чувствую, что ты слышишь меня, дорогой супруг, – императрица хищно улыбнулась. – Первый раз я убила тебя, чтобы спасти Кат. Теперь я, императрица Мей, убиваю тебя во второй раз – своими собственными руками!

Блейд чуть не проморгал начало атаки. Женщина рванулась к алтарю как молния, намереваясь вонзить кинжал ему в сердце. Он с трудом увернулся от удара и, захватив ее кисть, дернул императрицу на себя.

Ее огромные таинственные глаза внезапно оказались совсем близко от его лица.

– Тихо, – прошептал он, – не надо кричать. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Мей затрепетала от ужаса. Алый рот медленно приоткрылся в невысказанном вопросе, и Блейд нежно прикрыл ладонью ее губы.

– Потом. Сейчас говорить буду я.

Бездонные глаза закрылись, и нефритовая императрица, потеряв сознание, обмякла на его груди, словно обычная, до смерти перепуганная женщина.

Глава 4

Блейд соскользнул с каменного алтаря и осторожно положил па него лишившуюся чувств императрицу. Он с облегчением вздохнул – колдовские глаза были закрыты, и напряжение, сковавшее его под их пристальным взглядом, прошло. Подняв с пола кинжал, он попробовал пальцев лезвие. Никакого дерева

– отличная сталь! Секунда промедления, и эта штука красовалась бы у него между ребер.

Заткнув кинжал за пояс, он пристально посмотрел на бледное лицо женщины. Убедившись, что она действительно в обмороке и не обманывает его, Блейд криво усмехнулся. Похоже, он здорово ее напугал... Еще бы! Она всего лишь собиралась поставить точку в давнем семейном споре – а тут весьма некстати подвернулся оживший труп, с ног до головы перемазанный кровью! Не каждая царственная особа в состоянии выдержать такое потрясение.

Неплохо бы выглянуть наружу, решил он и, скользнув к входу в Храм, осмотрелся. Никого. Никакой стражи. Да и нужна ли она мертвецу?

Немного успокоившись, он стал внимательно вглядываться в темноту. Внизу дышал покоем погруженный в сон парк. Спустившись, Блейд произвел небольшую рекогносцировку, тенью скользя между деревьями, он не обнаружил ничего подозрительного. Инстинктивное предчувствие опасности, не раз выручавшее его из смертельных передряг, на этот раз молчало. Ободренный результатами первой разведки,

Блейд вернулся обратно к Храму.

Видимо, императрица была столь важной персоной, что никто не рисковал нарушить ее уединение. Весь этот огромный сад, не говоря уже о Храме, пуст! Великолепно! Если теперь ему удастся найти с Мей общий язык, то его рискованная миссия в этом измерении будет успешной. Другое дело, что на подобное везение трудно было рассчитывать; ведь оставался небольшой нюанс – как найти общий язык? Впрочем, первый контакт прошел неплохо, грубых ошибок он не допустил, если не считать главного прокола – то, что он вообще оказался в этом гостеприимном местечке, попав в цепкие лапы лорда Лейтона. Но в данный момент его будущее зависит только от этой женщины на нефритовом алтаре. Он должен понравиться ей; иного выхода нет.

Сняв шлем, Блейд пригладил волосы и с досадой потер пробившуюся на подбородке щетину. Пройдет неделя, пока он обзаведется бородой, а пока ему предстоит щеголять с небритой физиономией. Нахмурившись, он пощупал краешек странной одежды Мей. Похоже на шелк, но не шелк... на ощупь скорее напоминает кожу.

Изучив все, что только можно было здесь найти, он присел на краешек алтаря и начал терпеливо ждать, когда очнется предмет его чаяний. Прежде всего он собирался выяснить, кто такой Кат. Или что такое. Он чувствовал, что это самый насущный вопрос из сотни остальных, обуревавших его в эту минуту.

Блейд еще раз взглянул на юную женщину, застывшую на зеленоватой полупрозрачной плите. Легкое воздушное одеяние лишь подчеркивало безупречность ее фигуры – тонкой талии, изящных очертаний груди, длинных стройных ног. Да, покойный император сделал недурной выбор!

Наконец ресницы Мей дрогнули, и Блейд быстро прижал ладонь к ее губам. Он уже пытался рукавом своей туники стереть кровь с лица, но подозревал, что по-прежнему выглядит довольно устрашающе. Жаль! Ведь все решится в эти первые минуты. Но, к сожалению, на ванну и хорошего парикмахера рассчитывать не приходилось.

Перламутровые веки дрогнули, и огромные зеленые глаза удивленно уставились на него. Блейд, прижав свободной рукой императрицу к поверхности алтаря, нагнулся к ней и негромко произнес:

– Ты слышишь меня? Ты понимаешь то, что я говорю?

Зеленые глаза моргнули. Императрица попыталась приподняться на каменном ложе, и Блейд надавил чуть сильнее.

– Я не причиню тебе вреда, императрица. Я пришел в вашу страну как друг. Более того, мне нужна твоя помощь. Ты ведь не начнешь кричать и разрешишь мне поговорить с тобой?

Она прекратила извиваться под его рукой и слабо кивнула. Продолжая зажимать ей рот, Блейд расслабил другую руку.

– Хорошо. Мое имя – Ричард Блейд. Я случайно попал в эту страну; у меня нет здесь ни друзей, ни врагов, ни имущества кроме того, что надето на мне, да твоего кинжала, – он вытащил из-за пояса стальной клинок. – Я готов служить тебе, если ты почтишь меня своим доверием.

Бездонные глаза императрицы с испугом следили за сверкающим лезвием, и Блейд, заметив это, вернул кинжал на прежнее место.

– Сейчас я уберу руку, – сказал он, – если ты пообещаешь вести себя тихо. Кивни, если ты согласна.

Снова легкий кивок. Он убрал ладонь с губ женщины, продолжая удерживать ее на алтаре. Мей вытерла рот тыльной стороной кисти, ее глаза широко раскрылись.

– Говори шепотом, – предупредил Блейд.

Императрица усмехнулась.

– Ты действительно ничего не знаешь о стране Кат, пришелец. Никто не осмелится войти сюда без моего разрешения. Ведь я – императрица Мей!

Теперь, когда она успокоилась, ее голос звучал так же мелодично, как и речь других здешних обитателей, с которыми Блейд успел познакомиться.

– Ты уже потерял свою жизнь, пришелец, посмеив прикоснуться ко мне, – алый рот искривился. – Но наказание подождет. Говори же, я слушаю.

– Ты больше не боишься меня? – Блейда весьма интересовал этот вопрос; испуганной женщине нельзя доверять.

Она пожала плечами.

– Конечно, нет, чужестранец. Я испугалась лишь потому, что думала, будто Сака Мей притворился мертвым и теперь убьет меня.

– Твой муж действительно умер. Так получилось, что я надел его тунику и шлем, и твои солдаты принесли меня сюда. Тогда мне больше ничего не оставалось делать. Я готов попозже рассказать тебе все, но сейчас мне бы хотелось обзавестись какой-нибудь одеждой и подкрепиться.

– Эта туника весьма идет тебе, – императрица оценивающим взглядом окинула его могучую фигуру. – Ты выглядишь в ней гораздо лучше, чем мой покойный супруг.

– Благодарю за комплимент, – кивнул разведчик. – Так ты поможешь мне? И, прошу тебя, не бойся – я в самом деле не причиню тебе никакого вреда.

– Я верю в это, и я тебе помогу. А сейчас отпусти меня, незнакомец, и никогда больше не прикасайся ко мне!

Еще немного – и он остался бы в дураках. Присев на алтаре, Мей одарила его самой невинной улыбкой, ее прозрачные зеленоватые глаза казались спокойными, как сон младенца. Внезапно безошибочное чутье подсказало Блейду, что произойдет в следующий миг; он бросился на женщину, едва успев зажать ей рот.

Однако юная императрица сражалась с ним с завидным упорством. Мотнув головой, Мей сбросила его ладонь и вознамерилась соскочить с нефритовой плиты на пол; она была юркой и быстрой, как ящерка. Обхватив ее гибкое тело, Блейд почувствовал, как женщина сделала глубокий вдох, готовясь закричать. Руки у него были заняты, поэтому он пресек эту попытку самым быстрым способом, который оставался в его распоряжении: он прижался губами к ее рту.

Внезапно Мей обмякла в его объятиях, ее нежные губы раскрылись, и разведчик, который хотел лишь заставить ее замолчать, вдруг понял, что яростно целует этот капризный алый ротик и уже не может остановиться. Он словно проваливается в какой-то колодец со стенками из трепещущей теплой пунцовой плоти; влажная бездна засасывала его все глубже и глубже – туда, откуда нет возврата.

С минуту императрица не отвечала на его ласки, но и не противилась им. Наконец пылкие поцелуи Блейда разожгли в ней ответный огонь – гибкие руки порхнули вверх, обхватив его шею. Не переставая целовать Мей, Блейд уложил ее на алтарь. Он чувствовал как ожил ее язычок, пылающим бутоном скользнув меж его губами.

Они больше не разговаривали. Они даже не смотрели друг на друга. Два прекрасных зверя, стремительных и гибких, сливались в одно существо; здесь не было места для нежности и любви – они боролись друг с другом, стараясь получить наслаждение, и только.

Мей тоненько вскрикнула, когда он вошел в нее; потом трепещущая мраморная плоть бедер коснулась его поясницы, сжимаясь тугим капканом. Истекая потом, они возились на холодном и неудобном каменном постаменте, словно на воздушных пуховых подушках.

Они закончили одновременно. Видимо, парк на самом деле был пуст, иначе все стражники сбежали бы к Храму на крики и стоны их владычицы.

Блейд, первым пришел в себя. На миг ему показались, что она уже не дышит под грузом его тела, но вот грудь Мей всколыхнулась, она открыла глаза, легкая улыбка скользнула по ее губам.

– Теперь ты поможешь мне, императрица? – прошептал Блейд.

Она снова улыбнулась и погладила его по щеке:

– Я помогу тебе, незнакомец. А ты расскажешь мне всю правду.

Блейд слез с алтаря и натянул свою тунику.

– Нам лучше уйти отсюда, императрица. Здесь слишком опасно. Для меня, по крайней

мере.

– Сейчас мы уйдем, Блейд, – царственным жестом она протянула ему руку, – ни тебе не стоит беспокоиться. В Кате мое слово закон. Может, и твое скоро получит такую же силу.

Не без гордости Блейд отметил, что его мужское обаяние, кажется, не пострадало из-за небритого подбородка. Все вышло даже проще, чем он предполагал.

– Но хочу предупредить, – не называй меня больше императрицей, – продолжала Мей. – Никогда!

– Как же мне звать тебя? – поинтересовался Блейд, поднимая с пола ее прозрачные одежды.

Она на секунду задумалась, потом мягко рассмеялась.

– Зови меня Лали. Это имя дал мне отец. С тех пор, как его убили монги, никто не называл меня так.

– Хорошо, Лали. Я готов согласиться, что это – очаровательное имя, очень подходящее для тебя, только давай уйдем из храма. Подумай, ведь тебе придется объяснять страже, как я тут очутился.

Ее глаза заискрились смехом.

– Это серьезный вопрос! Как же мне объяснить твое появление? Моим охранникам, моим служанкам, моим советникам, офицерам и придворным, – она сморщила носик. – Пока что я не могу объяснить этого даже себе... и сейчас мне не хочется об этом думать. Что касается прочих... Возможно, придется дватри раза соврать. Знаешь, Блейд, я очень хорошо владею этим искусством.

– Я тоже, – успокоил ее Блейд. – Вдвоем мы составим прекрасную пару. Только я предпочитаю врать на сытый желудок. Мы пойдем, или я тебя понесу?

– Мы пойдем, – она повернулась и чмокнула его в щеку.

За потайной дверью в стене оказался длинный, хорошо освещенный туннель, уходящий куда-то вниз.

– Он ведет прямо в мои покои, – проворковала Лали. – Сейчас мы примем ванну и побеседуем.

– И перекусим? – с надеждой поинтересовался разведчик, спускаясь вслед за ней по ступенькам.

– И перекусим, – Лали остановилась и похлопала его по мускулистому животу. – А потом ты снова будешь любить меня.

Блейда вполне удовлетворила такая программа.

– Ты точно уверен, что мой муж мертв? – спросила Лали, продолжая шагать по коридору. – Если это не так, нас ждут большие неприятности. А мне пока что хватает этих грязных монгов у ворот моего города.

– Я неплохо разбираюсь в покойниках, – Блейд пожал плечами. – Клянусь, я снял доспехи с совершенно мертвого тела. Ты можешь не беспокоиться.

Она быстро шла впереди, и он, поспевая следом, невольно любовался игрой мышц под нежной кожей. Его мучил сейчас только один вопрос: как этот недотепа Сака Мей ухитрился поссориться с такой женщиной?

– Ну и прекрасно, – кивнула Лали. – Значит, мой наемник постарался на совесть. Жаль, что пришлось перерезать ему горло.

– А если завтра найдут настоящее тело императора? – встревожился Блейд. – Его могут опознать даже нагим, без одежды.

Она равнодушно повела плечами.

– Сомневаюсь, что к утру обезьяны что-нибудь от него оставят. Сложнее объяснить, куда исчезло тело из Храма Смерти. И совсем уж непросто – появление другого тела, живого и здорового; к тому же, ты совсем не похож на жителя Ката. Но ночь впереди долгая, так что нам хватит времени изобрести какую-нибудь правдоподобную байку.

Да, подумал Блейд, устало переставляя ноги, с таким апломбом ей все сойдет с рук. Мгновением позже он шагнул в просторный зал и, пораженный его роскошью, с изумлением

застыл на пороге.

Потом они долго плескались в небольшом бассейне с теплой ароматной водой. Вместо мыла Лали натерла его каким-то белым порошком – он пенился снежными хлопьями и легко удалял с тела грязь. В соседней комнате был накрыт стол. Блейд ел за троих, и утолив голод, обратил внимание на прислугу. Вокруг них суеилось с десяток хорошеньких девушек в полупрозрачных набедренных повязках. Лали уделяли им не больше внимания, чем мебели; ее приказы выполнялись мгновенно.

Блейд с некоторой тревогой спросил, можно ли доверять такому множеству прислужниц, но Лали успокоила его:

– Не бойся, они никому не скажут о тебе. Не осмелятся. Стоит мне сделать так, – она прищелкнула пальцами, – и любая из них расстанется с головой.

Разведчик кивнул; он все больше склонялся к мнению, что головы в Кате были весьма дешевым товаром.

После ужина Лали повела его в другую комнату, где на полу лежало что-то вроде огромного толстого шелкового матраса. Как она объяснила, здесь было принято спать на таких ложах.

Они с усердием занялись любовью, потом поговорили, потом снова вернулись к прежним утехам. К тому времени, когда в небе вспыхнуло солнце – так же неожиданно, как закатилось вечером, – Лали действительно удалось придумать вполне простую и логичную версию появления в Кате рослого темноволосого чужеземца. Откуда он взялся на самом деле, ее абсолютно не интересовало.

Еще раз подивившись женской хитрости и прагматизму, разведчик моментально уснул, засунув под голову шелковую подушку. В отличие от Альбы, его адаптация в этой реальности проходила на редкость успешно.

Глава 5

Меч палача сверкнул в воздухе и со свистом обрушился вниз. Еще одна голова отделилась от плеч и упала в почти уже заполненную яму. Следующий монг взошел на плаху. Хруп! – и его голова с застывшей гримасой на лице присоединилась к остальным.

Блейд, наблюдая за казнью с высокой башни, являвшийся частью стены, не мог не признать, что эти монги умирали вполне достойно. Сейчас казнь закончится, они с Лали оседлают лошадей и проедут по верху стены, чтобы осмотреть укрепления и еще раз взглянуть на вражеский лагерь, раскинувшийся в долине, засыпанной черным песком. Блейд уже третью неделю совершал такие прогулки и, надо признать, сложившаяся ситуация все больше тревожила его.

Квеко, капитан охраны императрицы Мей и один из высших военачальников армии Ката, стоял рядом с ним. Ростом он не уступал Блейду, но казался менее массивным и мускулистым. Суховатого телосложения, с открытыми привлекательными чертами лица, Квеко выглядел типичным обитателем Ката. Подбородок и верхнюю губу капитана украшала небольшая редкая борода и усы; у здешних жителей почти не росли волосы на лице. Сам Блейд к этому времени успел обзавестись густой черной бородой, которую ему приходилось теперь коротко подстригать.

Его взгляд снова обратился к заполненной головами яме. Да, монги умирали как настоящие воины, без жалоб и мольбы о пощаде! Это внушало уважение.

Должно быть, он высказал свою мысль вслух, и Квеко, который пока не проявлял ни враждебности, ни особых дружеских чувств к пришельцу, решил поддержать беседу:

– Это всего лишь варвары, – произнес он. – У них отсутствует воображение, а, значит, нет и страха. Почему бы им не умирать достойно? Они уверены, что рано или поздно победа будет за ними, так что монгом больше или меньше... – капитан пожал плечами. – Главное же в том, что они могут оказаться правы. Чем больше их убиваешь, тем больше их появляется. – Квеко говорил типичным для катайцев высоким голосом, музыкальным и хорошо

поставленным. Его глаза остановились на лице Блейда. – Возможно, сир, вы уже нашли решение нашей проблемы. Я очень на это надеюсь; ведь монги вцепились в Кат мертвой хваткой, и без сильной поддержки мы рано или поздно проиграем.

Блейд выдавил улыбку. Лорд Лейтон и Дж. пожалуй удивятся, когда узнают, что он самозванно причислил себя к благородному сословию. Дома дворянский титул был ему ни к чему, зато тут он значил немало.

Квеко коротко извинился и покинул его. Блейд остался в одиночестве, наблюдая за тем, как длинная шеренга пленных монгов движется к плахе. Какой-то парадокс! Монги пленных не брали; катайцы захватывали врагов в плен и, продержав дватри дня в темнице, отсекали им головы. Какой в этом смысл?

Вздыхнув, он отвернулся от процессии безмолвных варваров. Надо что-то предпринимать... Вот уже три недели он торчит в одном и том же месте, совершенно бесперспективном со всех точек зрения. Если не считать Лали Мей, конечно... Но это – его личное дело; лорд Лейтон будет очень недоволен, если интрижка с прелестной императрицей окажется единственным результатом его исследовательской работы. Но все дело в том, что он, фактически, такой же пленник, как и любой из монгов, которые выстроились сейчас на площади под стенами...

А вот и его тюремный надзиратель – очаровательная Лали. Капкан из мраморной плоти... Блейд поспешно спустился с башни на дорогу, проложенную по верху огромной стены.

Лали придержала коня и подняла в приветствии руку.

– Доброе утро, сир Блейд.

Сегодня ее высокую прическу украшала маленькая остроконечная шапочка; грудь и спину закрывал легкий деревянный панцирь, а кожаные лосины были заправлены в низкие сапожки – специально для верховой езды. Под всей этой амуницией скрывалось полупрозрачное шелковое одеяние, с которым Блейд уже успел познакомиться довольно близко.

– Доброе утро, Лали. – Они улыбнулись друг другу как два заговорщика. Звание нобиля и почетное обращение «сир» хотя бы частично компенсировало Блейду ту чудовищную ложь, которую они измыслили вместе с маленькой императрицей. Однако в глазах Лейтона это будет плохим оправданием.

Ему подвели лошадь, и он легко вскочил в седло.

– Давай, Лали, поедem к воротам, поглядим на твою пушку.

Кони помчали их по верху стены, мимо готовящихся к утреннему сражению солдат и офицеров. Появление Блейда все еще вызывало у них недоуменные взгляды, но вопросов никто не задавал. Лали Мей была здесь абсолютным монархом – любой из самых жестоких королей Европы по сравнению с ней казался бы оплотом демократии – и если ей нравился чужеземец, то какие тут могли быть вопросы?

– Я проснулась сегодня одна в пустой постели, – рукояткой хлыста Лали дотронулась до его колена. – Мне это не нравится. – Огромные зеленовато-льдиные глаза внимательно уставились на Блейда.

Он не стал извиняться. За свою жизнь он имел дело с множеством женщин и хорошо знал, как надо себя вести с ними – в зависимости от ситуации, характера и темперамента.

– Я был занят, – коротко ответил он. – Проводил утренний смотр. Должен же я помочь тебе избавиться от варваров! А их не победишь, лежа в постели.

Лали требовала любовных жертвоприношений и по утрам – а просыпалась она не слишком рано.

– Сака Мей не прикасался ко мне два года, – чуть порозовев, объяснила она. – Какая женщина может вынести это?

Они подъехали к гигантскому орудью и спешили.

– Сегодня я тебя прощаю, – твердо сказала императрица. – Но не в следующий раз!

Ничего не ответив, Блейд оглядел пушку с обычной смесью восторга и иронического

недоумения. Лали не могла понять, почему он так восхищался этим огромным неуклюжим орудием. Пушка находилась здесь всегда, с тех пор, как помнила себя Лали; в детстве грохот выстрелов пугал ее так же сильно, как и глупых монгов.

Сейчас она нетерпеливо следила за тем, как ее спутник внимательно изучает задранный в небо ствол.

Блейд с удовлетворением выяснил, что почти не ошибся в своей первой прикидке: диаметр ствола был не меньше семи футов. Правда, длина этого монстра оказалась не тридцать пять, а пятьдесят футов. Рампа, на которой крепилось орудие, была установлена на гигантской колесной платформе: восемь колес, каждое – четыре ярда высотой. Требовалась целая гора пороха, чтобы пушка выбросила в зенит глыбу нефрита; почти пятьсот человек должны были крутить и поворачивать ее ствол, укрепленный на рампе. Блейд никак не мог понять, почему эта штуковина не взрывается, хотя пушку, сделанную из очень прочного дерева, стягивали широкие стальные обручи. В этой провинции железо встречалось редко, поэтому стальные изделия приходилось заказывать на юге страны, в большом городе под названием Пукка.

Он пожал плечами, кивнул своим невеселым мыслям и присоединился к Лали. К сожалению, нынешние мастера давно позабыли секрет изготовления таких стволов.

На равнине под ними строились орды монгов. Низкорослые мохнатые лошадки, помахивая хвостами, гарцевали по полю, поднимая тучи песка и пыли. Скоро варвары начнут обычный ритуал – утреннюю атаку стены. И так день за днем. Год за годом, как сказала ему Лали.

– Вождь всех монгов Кхад Тамбур поклялся захватить наше орудие. Если мы отдадим ему пушку, он мирно уйдет восвояси.

Разговор этот происходил в постели, и Блейд, позевывая, спросил:

– Так почему бы не отдать им эту реликвию? Она абсолютно бесполезна. Вы не прикончили из нее ни одного монга... только пугаете их до судорог. Потом, отлежавшись, они приходят в себя и опять лезут на стену.

И тут в первый раз Лали разгневалась по-настоящему.

– Отдать им нашу пушку? Отдать ее Кхаду Тамбуру? – Зеленые глаза метали молнии. – Ты сошел с ума! Хотя нет, я забыла, что ты чужестранец, Пушка – это символ и святыня Ката. Это легенда! Знаешь, как ее называют? Дракон Небесного Грома! Без нее моя страна обречена. Тот, кто владеет Драконом, правит миром! Только поэтому Кхад Тамбур и бросает легион за легионам на наши стены. А ты говоришь – отдай ее! Никогда! В этом случае даже я не смогу тебя спасти. Люди просто разорвут тебя на куски!

Блейд заметил, что этим утром монги ведут себя необычно. В лагере, как и в предыдущие дни, царил суета, и сизый дым от котлов с похлебкой низко стелился по земле, перемешиваясь с клубами пыли. Однако конные лучники на поле стояли без движения, не пытаясь выманить обороняющихся из-за стены, а отряды пехотинцев не бежали штурмовать укрепления, волоча по земле длинные лестницы.

Наверное, Кхад Тамбур внезапно поумнел, подумал Блейд. У него уже сложилось определенное впечатление о предводителе монгов; похоже, тот был бездарным военачальником, которого заботило только одно: уложить под стеной побольше воинов.

Лали, наморщив прелестный носик, уставилась на лагерь варваров.

– Что-то случилось, сир Блейд. Они никогда раньше так не поступали.

– Видно Кхад понял, что не стоит зря бросать воинов на стену, – улыбнулся Блейд. – Теперь он свернет свои шатры и уйдет. Я бы на его месте не колебался.

Лали закусила нижнюю губку.

– Это плохо. Мы должны перебить всех монгов. Как мы это сделаем, если они уйдут?

– Смотри, – Блейд вытянул руку в сторону вражеских шатров, – вот едет ответ на твой вопрос. Только что-то он ростом не вышел.

Одинокий всадник выехал из лагеря и поскакал к стене. Когда он оказался достаточно близко, чтобы можно было хорошо его рассмотреть, Блейд не удержался от улыбки. На

маленьком пони сидел карлик, гном, одетый в доспехи воина монгов. В руках он держал жезл с прикрепленным к верхушке пышным конским хвостом.

– Почему Тамбур послал к нам карлика? – спросил Блейд. – Разве у него нет больше представительных парламентариев?

Лицо императрицы побледнело, в огромных глазах горела ярость.

– Чтобы поиздеваться над нами, зачем же еще! Хотя я сомневаюсь, что это его затея. Наверно, все придумала эта сучка Садда, его сестра. Как раз в ее стиле!

Человечек на пони остановился напротив ворот, взмахнул жезлом и закричал на удивление громким, приятным и чистым голосом. Блейд быстро вскочил в седло и поскакал к воротам. Там уже стояло несколько офицеров с Квеко во главе.

Крохотный воин, как разглядел Блейд, ростом был чуть меньше четырех футов, но обладал вполне пропорциональным телосложением, и на его руках бугрились внушительные мускулы. Сейчас он встал в седле, легко удерживая равновесие и, сложив руки рупором, закричал;

– Люди провинции Серендин земли Кат! Императрица Мей, ее советники и воеводы! Слушайте! Великий Кхад Тамбур шлет вам послание. Слушайте меня, люди Ката, ибо это он сейчас говорит моими устами – сам Кхад Тамбур. Опора Мира и Сотрясатель Вселенной.

– Давай к делу, коротышка! – закричали солдаты со стены. – Иначе наше терпение лопнет, и стрела проткнет твою тощую задницу!

Один из офицеров, размахивая дубинкой, бросился приводить крикунов в чувство.

– Великий и могущественный Кхад Тамбур имеет много ушей за вашей стеной, – заявил посланец.

– Тут он совершенно прав! – нахмурилась Лали. – От шпионов нет прохода!

Блейд подмигнул ей.

– Не шуми, Лали. Я хочу послушать, что он скажет.

Императрица замолчала и нахмурилась еще сильнее.

– Великий Кхад услышал, что среди вас появился чужестранец, сир Блейд, прибывший из Пукки, чтобы выяснить, почему северная провинция никак не может одолеть монгов. Он приехал сюда тайно, под покровом ночи, около трех недель назад. Это правда?

Блейд и Лали переглянулись. Та самая байка, что они придумали – слово в слово. У Кхада Тамбура были хорошие информаторы.

Ричард Блейд внезапно понял, что должен сделать сейчас. Лали, заподозрив неладное, попыталась удержать его, но он легко стряхнул ее руку и вспрыгнул на ближайший зубец стены.

– Да, это правда! – выкрикнул он. Я – сир Блейд! А теперь говори, что тебе нужно от меня.

Карлик дружелюбно осклабился, задрал голову вверх. Вздернутый нос уставился в небо, из-под темных бровей насмешливо блеснули черные глаза. Кожа его оказалась смуглой и, в отличие от остальных монгов, он был чисто выбрит.

Маленький воин махнул Блейду конским хвостом.

– Привет тебе от могущественнейшего Кхада Тамбура! Я вижу, что ты и вправду большой и сильный мужчина, и поэтому не сомневаюсь, что ты примешь его предложение.

Блейд почувствовал, что ему определенно нравится этот жизнерадостный коротышка.

– Ну, какое предложение? Давай, не тяни, – закричал он в ответ.

Он услышал, как внизу Лали о чем-то спорит со своими офицерами. Им явно не нравилось то, что он сейчас вытворял.

Карлик завертелся в седле.

– Тебе, сир Блейд, предстоит сразиться с нашим сильнейшим воином один на один, прямо под этой стеной. Если ты победишь, Кхад Тамбур обещает увести свое войско и никогда больше не возвращаться в Серендин. Если же ты проиграешь, то мы заберем Дракона.

За спиной Блейда отчаянно зашумели.

– Подожди! Сейчас ты получишь ответ.

Блейд повернулся и прыгнул вниз. Лали стояла молча, в окружении офицеров. Только Квеко осмелился подать голос.

– Почему бы и нет, сиятельная императрица? Может быть, это самый удачный выход из положения. Конечно, сир Блейд убьет любого воина монгов. Он такой сильный и высокий, а они – щуплые и низкорослые. Тем более, что он весьма искусен во владении оружием – мы все это видели.

Лали пришла в бешенство и стегнула капитана своим хлыстом.

– Я не позволю! Сир Блейд слишком ценный человек, чтобы рисковать его жизнью в этой глупой затее! Он должен находиться при моей особе. Он не для того ехал сюда из Пукки. Я запрещаю! Нет...

Блейд протолкался к Лали сквозь кольцо офицеров. В голове у него уже созрел план.

– А я бы согласился, сиятельная императрица, – произнес он. – Квеко прав – я могу совладать с любым их воином; тогда у нас будет шанс закончить эту войну.

– Ты ничего не понимаешь, сир Блейд, – с раздражением ответила Лали.

– Кхад Тамбур никогда не сдержит своего слова. В лучшем случае, ничего не изменится, в худшем – ты погибнешь зря.

– Но тогда, если сир Блейд проиграет, – вмешался в разговор наиболее смелый из военачальников, – мы тоже не сдержим своего слова!

Офицеры нервно засмеялись. Лали повела рукой, и снова наступила тишина.

Зеленые глаза испытующе уставились в лицо разведчика.

– Чего же ты добьешься, сир Блейд? Только одного – пропадешь зря, исчезнешь...

Блейд прекрасно понимал – ей очень не хочется, чтобы он исчезал. Ни из ее жизни, ни из ее постели.

Из-под стены донеслись какие-то странные звуки – неразборчивая, режущая слух речь. Пораженные солдаты свесились вниз. Чудо! Пони заговорил!

– Эти серендинцы редкостные болваны и трусы, – заявил мохнатый конек.

– Даже ослу, моему двоюродному брату, и то понадобилось бы меньше времени, чтоб дать ответ!

Хотя солдаты перепугались при виде говорящего животного, это небольшое представление каким-то образом сняло воцарившуюся на стене напряженность.

Блейд положил руку на плечо Лали:

– Доверься мне, императрица. Я дам ему достойный ответ. – Он снова вскочил на коня и подъехал к краю стены. Пони внизу заливался соловьем:

– Торопись, сир Блейд! Иначе этот несносный коротышка, танцующий у меня на спине, сломает мой хребет!

Блейд ухмыльнулся маленькому человечку. Приплясывая в седле, тот дергал пони за уздечку, заставляя его мотать головой и разевать пасть. Что касается пришедших в трепет солдат, то они, видимо, никогда раньше не сталкивались с чревовещанием.

– Ладно, кончай! – крикнул Блейд. – Я хочу разговаривать с тобой, малыш, так что пусть твоя скотинка заткнется.

Пони тут же замолчал; карлик ослабил узду и ухмыльнулся Блейду, растянув широкий рот от уха до уха.

– Хорошая шуточка, – заметил разведчик, – только я знаю ее секрет. А теперь слушай меня внимательно.

Гном, стоя в седле, отдал ему салют:

– Я весь внимание, сир!

– Итак, я готов сразиться с вашим воином. Если он победит меня, мы отдадим вам Дракона Небесного Грома. Но если я его одолею, Кхад Тамбур должен отдать мне свою сестру, Садду. Меня совершенно не беспокоит, останетесь ли вы после этого под нашими стенами или уйдете – в случае моей победы я хочу получить эту женщину. Передай мое послание Кхаду Тамбуру, и как можно быстрее постарайся доставить его ответ. Понял,

малыш?

Карлик продолжал улыбаться, но новое выражение появилось на его лице – удивление и, кажется, уважение к противнику. Он взмахнул жезлом и свалился в седло.

– Я понял вас, сир. Лечу как ветер! – И он пустил пони в галоп, управляя им с непринужденным изяществом и грацией, присущей всем опытным наездникам.

Вечером, пока Лали с помощью своих девушек принимала ванну и приводила себя в порядок, Блейд смог немного поразмыслить. Обычно они плескались в ванне вместе, и тут было не до раздумий, но сегодня маленькая императрица, видимо, слишком перенервничала и решила заняться водными процедурами в одиночестве.

Солнце погасло в небе, и сладкий запах деревьев, которые местные жители называли банио, наполнил зал. Банио цветут круглый год – их огромные красные и желтые цветы своим благоуханием придают воздуху северного Ката остроту и свежесть, а плоды вкусом напоминают ананас.

Блейд устроился у окна, наблюдая за огоньками факелов далеко внизу. Как он и ожидал, Кхад Тамбур согласился на его предложение. Другой вопрос, сдержит ли он свое слово, если его человек проиграет, но разведчик, считал, что это-то как раз вполне возможно. Пробыв здесь три недели, он держал глаза и уши открытыми, и ему, эксперту по части получения и обработки информации, не составило труда кое-что разведать. Оказывается, ходили упорные слухи, что Кхад не в ладах со своей строптивой сестрицей. Еще поговаривали, что раньше они были любовниками.

Блейд пожал плечами, сбросил тунику и обернул вокруг бедер кусок шелковой ткани. Его не слишком интересовала личная жизнь Садды, даже если все, что про нее болтают, правда. Поразительно, сколь многое монги и катайцы узнали друг о друге за время этой войны! Стоит приложить лишь немного старания, и ты узнаешь ответ на любой вопрос: какого цвета исподнее у Кхада Тамбура, что он предпочитает на обед и сколько кружек спиртного одолел за вчерашний день.

Да, Кхад не откажется выполнить свою часть договора!

Отделавшись от Садды, он сможет расширить свою власть, а заодно завоюет репутацию достойного правителя, который всегда держит слово. Лали же получит еще одну игрушку и сможет терзать ее, сколько захочет. Блейд рассчитал верно

– для Лали это было огромным искушением. Говорили, что именно из-за Садды император Сака Мей решил открыть ворота и едва не сдал стену монгам. Вот почему Лали так смертельно ненавидела их обоих. И вот почему она согласилась на этот поединок. Блейд был уверен: если бы не желание заполучить Садду в свои руки, Лали ни за что не отпустила бы его. Она скорее сунула бы возлюбленного сира из Пукки за решетку или прирезала во сне. Блейд не сомневался, что ей ничего не стоит сделать и то, и другое,

Лали задерживалась. Блейд вздохнул и перешел к другому окну. Над нефритовыми горами далеко на юге разразилась гроза, и какое-то время он бездумно следил за вспышками молний. Нет, все-таки нефрит не то сокровище, которое обрадовало бы Дж. и лорда Лейтона... Все дело в том, что он застрял у этой проклятой стены, сидит здесь уже почти месяц и не видит ничего, кроме нефритовых глыб. Он должен как-то покончить с этой нелепой войной и получить свободу передвижения. Ведь неизвестно, когда Лейтону вздумается выдернуть его обратно.

Так, Лали все еще нет. Может, она что-нибудь замыслила? Блейд подошел к покрытому шелком ложу и отогнул краешек. Кинжал все еще здесь. Единственное его оружие... Но если на него навалится десяток охранников? Двоих-троих он зарежет, а что дальше? Увы, эта перспектива казалась довольно мрачной.

После одного неприятного инцидента с полмесяца назад Блейд старался вести себя очень осторожно. Он всегда был человеком предусмотрительным; но, видимо, неделя сладкой жизни слегка притупила его рефлексy, и он совершил небольшую ошибку: одна из очаровательных девушек-служанок улыбнулась ему, и он рассеяно улыбнулся ей в ответ. Лали при сем эпизоде не присутствовала. Однако на следующий день голова бедной девушки

уже висела в таком месте, где не заметить ее мог только слепой. Маленькая императрица ничего не сказала ему, но Блейд понял намек.

Наконец, на пороге комнаты появилась Лали в своем излюбленном шелковом одеянии. Ее волосы, перехваченные нефритовым венцом, темные водопадом струились по плечам, бездонные зеленые глаза пристально вглядывались в его лицо. Она подошла и повернулась к Блейду спиной; значит, привилегия расстегнуть пуговицы на ее хитоне сохранена за ним.

– Я решила, что ты должен биться, с воином Кхада. Я посоветовалась со своими людьми, и они одобрили твоё предложение.

Шелковый хитон разошелся на две половинки, упав к ее ногам. Блейд поцеловал перламутровое ушко и из-за спины потянулся к ее грудям – так ей больше нравилось. Его пальцы нежно гладили заостренные розовые соски.

– Ты решила правильно, – Блейд прикрыл глаза. – Я убью монга, а там посмотрим. Возможно, у Кхада улучшится характер, когда он сбудет с рук свою сестрицу.

Лали слегка развернулась в его объятиях. Блейд продолжал ласкать ее груди. Иногда одно это вызывало у нее оргазм, а сегодня он не хотел, чтобы она думала о чем-нибудь серьезном перед сном. Монархи капризны, а женщины – тем более; как бы его тщательно задуманный план не развалился с треском.

Лали откинула головку ему на плечо, ее влажные губы коснулись его уха:

– Я сегодня получила донесение от своих шпионов в лагере Кхада... Ты же знаешь, у меня есть там свои люди.

– Да, – Блейд замер от нетерпения.

– Они сообщают, что Кхад Тамбур держит свою сестру под замком. Пообещал снести голову часовым, если ей удастся ускользнуть.

Лали полуобернулась назад, чтобы увидеть его лицо.

– Постарайся победить завтра, Блейд. Если ты проиграешь, а мы откажемся отдать им пушку, лучше, чтобы ты был уже мертв... И не сдавайся живым! Я слишком люблю тебя, чтобы смотреть, как твоё окровавленное тело протащат под стеной.

Она развернулась совсем и начала целовать его в губы. Со времени их первого знакомства в Храме пыл страсти несколько поутих, и теперь они могли нежнее любить друг друга.

Лали увлекла Блейда на ложе, сдернув с его бедер шелковую повязку.

– Я уверена, что ты победишь завтра... И я уже приготовила для Садды достойные апартаменты. Сначала посажу ее в клетку с гвоздями... потом, когда наиграюсь, – в другую, с голодными обезьянами.

– Надеюсь, что обезьянам останется чем полакомиться после твоих игр,

– заметил Блейд.

Она засмеялась и потянула его к себе.

Глава 6

Копыта коня медленно ступали по черному песку. Блейд выехал из ворот и зажмурился от ярких солнечных лучей. Верхушка стены за его спиной была облеплена людьми. Где-то там, на самой высокой башне, стоит сейчас Лали в компании своих офицеров и советников.

Отряды монгов выстроились безмолвной темной шеренгой, протянувшейся от лагерных палаток до ближайших холмов. Перед самым большим шатром, вынесенным далеко вперед, стоял богато украшенный трон, на котором виднелась скрюченная фигура Кхада Тамбура – Опоры Мира и Сотрясателя Вселенной.

Блейд подъехал к торчащему из песка копыю и натянул поводья. Где же его противник?

Как только взошло солнце, у него состоялись последние переговоры с карликом – они обсудили все необходимые детали, и разведчик снова почувствовал, что этот малыш чем-то ему симпатичен.

Перед тем, как расстаться, человечек пристально заглянул Блейду в лицо. Несмотря на

растянутый до ушей рот, глаза его были серьезны.

– Смотри себе под ноги, сир Блейд, – сказал он и повернул свою лошаденку.

Смотри себе под ноги. Эти слова вдруг всплыли в его памяти, и Блейд принялся внимательно осматривать равнину, раскинувшуюся перед ним. Ничего особенного: земля как земля – песок, мелкие камешки да кустики чахлой травы.

От темной линии отделился всадник и понесся ему навстречу. Блейд успокоил своего серого жеребчика и крепче сжал рукоять боевого цепа. Эту штуковину придворные мастеровые изготовили специально по его заказу: к короткой, но толстой деревянной ручке крепилась длинная цепь, на конце которой висел тяжелый металлический шар, утыканный острыми, как бритва, нефритовыми лезвиями. Страшное оружие, если уметь им правильно пользоваться. Блейд умел. Кроме того, он заказал себе квадратный деревянный щит и короткий меч. Щит он держал сейчас в левой руке, а меч вместе с кинжалом заткнул за пояс.

Всадник, приблизившись, начал с режущим уши визгом кружить вокруг разведчика. Тот не двинулся с места, лишь старался повернуть коня головой к противнику. Пусть монг нападает первым; торопливость – враг победы.

Но воин не спешил атаковать его. Придержав свою мохнатую лошадку, он отсалютовал Блейду копьем.

– Меня зовут Косса, и я лучший боец в орде. Я принесу твою голову моему повелителю! – Как и сам Блейд, монг теперь внимательно разглядывал соперника, его быстрые черные глаза не упускали ни одной подробности. Он был облачен в кожаный панцирь и короткие штаны, кривые мускулистые ноги в невысоких кожаных сапогах уверенно сжимали мохнатые бока лошади; на голове красовался остроконечный шлем. Невысокий, как все варвары, воин обладал прекрасной мускулатурой; когда он управлял конем, под темной кожей перекачивались стальные шары мышц.

Но больше всего изумили Блейда его огромные, тщательно ухоженные усы – они топорщились на загорелом лице монга словно два кинжала.

Закончив изучать своего врага, Блейд нетерпеливо крикнул:

– Ладно, давай приступать к делу! А то твой хозяин уже заждался.

Монг моментально поднял коня на дыбы и, сдернув с плеча короткий лук, наложил стрелу на тетиву. Блейд, слегка развернув щит, вонзил шпоры в бока серого жеребца. Его конь был гораздо массивнее темногривой лошадки Коссы. Нужно использовать это – разогнав своего скакуна, он сможет опрокинуть монга вместе с лошадьёю.

Косса завопил и неуловимым движением выпустил стрелу. Она прошла ниже щита и, попав в твердую кожаную попону, прикрывавшую спину серого, застряла в ней. Вот оно что! Он тоже не прочь спешить Блейда! Видимо, как все конные варвары, Косса считал, что человек без лошади – легкая добыча.

Монг кружил вокруг соперника, небрежно пуская стрелы от пояса. Одна из них все-таки пробила попону и уколола коня. Серый испуганно заржал, и Блейд успокаивающе похлопал его по шее. Сейчас он никак не мог достать Коссу – тот оказался превосходным наездником; пару раз промахнувшись цепом мимо ускользящей цели, разведчик решил подождать.

Монг вскоре опустил лук, озадаченный поведением этого великана: вместо того, чтобы в ярости бросаться за его верткой лошадкой, он спокойно сидит в седле и ровным счетом ничего не предпринимает.

Блейд привстал в стременах и беззлобно погрозил Коссе кулаком:

– Слушай, монг. Ты сказал, тебя зовут Косса. Что это значит на вашем языке? Трус?

Смутный воин снова вздыбил коня и ринулся к темной липни своих соплеменников. Блейд терпеливо ждал, позванивая цепью.

Всадник помчался обратно; теперь он был вооружен щитом и длинным копьем. Блейд улыбнулся. Пока все шло по плану.

Монг направил лошадь прямо на серого, угрожающе нацелив наконечник копья в горло противника. Блейд принял копьё на щит и послал вперед стальной шар. Но вместо

вражеского шлема смертоносное оружие пронзило пустоту, Косса усмехнулся и, развернув коня, ринулся в новую атаку.

Копье сломалось, не выдержав столкновения со щитом. Блейд, не пытаясь достать противника своим кистенем, пришпорил серого, и тот грудью ударил лошадь монга в бок. Заржав от боли, скакун варвара пошатнулся, но сумел сохранить равновесие и жизнь своего хозяина.

И тут Косса попытался надуть Ричарда Блейда. Вместо того, чтобы отъехать подальше и успокоить свою лошадь, он швырнул в противника обломок копья, выхватил из ножен кривой клинок и мгновенно атаковал. Блейд перебросил через седло цеп, закрылся щитом и ухватил Коссу за кожаный панцирь, стараясь выбросить его из седла. Однако монг был дьявольски увертлив; он моментально вырвался из рук противника и понесся к своему лагерю за новым копьем. Холодный пот прошиб Блейда под деревянными доспехами. Этот варвар передвигался с невероятной скоростью и не хотел вступать в ближний бой. Надо что-то изобрести, иначе с таким выюном не сладить.

Пока Косса выбирал копье, Блейд смог отдышаться и немного подумать. Он пошептал на ухо своему серому и начал потихоньку, медленно приближаться к лагерю.

Пора! Монг обернулся, увидел его и, взвыв, послал своего скакуна вперед. Блейд вонзил шпоры серому в бока, и тот рванулся наперерез мохнатой лошадке.

Косса слишком поздно понял, в чем дело. Лошади сшиблись. Блейд покачнулся, с трудом сохранив равновесие, зато мохнатая Косса с пронзительным ржанием покатила по земле, беспомощно перебирая ногами.

Монг выпрыгнул из седла за секунду до того, как лошадь упала, и приземлился на обе ноги. Блейд тут же припустил к нему, раскручивая тяжелый шар над головой. Люди на стене радостно завопили; шеренги конных воинов оставались столь же безмолвными, как и в начале состязания.

Блейд развернул коня, отрезав Коссе путь к большому шатру, где находилась стойка с запасными копьями. Сейчас его совершенно не тревожило то, что он оказался один в опасной близости к чужому войску. Он начисто забыл о шеренгах смуглых всадников, перегородивших равнину; все его помыслы сосредоточились на том, чтобы добраться до этого прыткого монга. Блейд расстегнул ремешок и снял с головы шлем.

Косса остался около стены, воткнул копье в землю и опустил на одно колено. Сбросив с плеча лук и наложив на него стрелу, он застыл в ожидании. Где-то сбоку с визгом каталась по песку его лошадь; очевидно, у нее были сломаны передние ноги.

Блейд почувствовал, что серый под ним дрожит, и принялся успокаивать своего скакуна. Убедившись, что конь невредим, он медленно подъехал поближе к тому месту, где устроился монг.

– Чего ты ждешь, сир Блейд? – закричал тот. – Ты – на коне, я – пеший. Скачи же сюда и убей меня!

– К чему торопиться, – отозвался Блейд. – Я должен подумать, как лучше выпустить из тебя кишки.

Маленький воин издевательски захохотал:

– Думай сколько хочешь! Я не спешу умирать!

К этому времени Блейд был так близки от монга, что мог пересчитать стрелы у него в колчане. Три стрелы. Если атаковать верхом, то меткий лучник прикончит под ним коня, а потом, пожалуй, прирежет его самого, грянувшего оземь... Блейд спрыгнул с лошади, похлопал серого по крупу и, закрывшись щитом, устремился на монга.

Косса выждал, пока соперник не подойдет совсем близко, и спустил тетиву. Разведчик вытащил из щита стрелу, небрежно отбросил в сторону.

– Всего две остались, Косса.

– Тебе хватит и одной, сир Блейд.

Волоча цеп по земле, Блейд продолжал подкрадываться к замершему на колене лучнику.

– Однако ты храбрый человек, – разглагольствовал монг. – Слез с коня, чтобы драться со мной на равных! Ни один ваш солдат не рискнул бы на такое.

Блейд подошел еще чуть-чуть поближе.

– Да ты и не похож на этих ублюдков за стеной – продолжал Косса. – Ты похож на нас – у тебя темные волосы и борода. Ты должен быть с нами, с монгами...

Косса выстрелил так быстро, что Блейд не успел опустить щит-стрела попала ему в икру левой ноги. Сжав зубы, он выдрал ее.

– Теперь у тебя осталась только одна стрела, Косса.

– Может, и ее будет достаточно! – расхохотался монг.

Три ярда разделяли их, Косса бросился вперед, впустив свою последнюю стрелу; он решил не рисковать, и целился Блейду в живот. Разведчик быстро выставил щит, и стрела застряла меж деревянных пластин.

Отбросив щит в сторону, он увернулся от удара Коссы и вытащил из ножен меч. Держа цеп в правой руке, он двинулся навстречу монгу.

Несколько минут они обменивались ударами. Косса яростно атаковал, перекидывая из руки в руку кривой клинок; Блейд чувствовал на щеке тяжелое жаркое дыхание врага. Он двинул его ногой в пах и раскрутил цеп для смертельного удара, но Косса опять увернулся и сделал стремительный выпад; острое кривого меча сверкнуло у самого горла Блейда.

Он едва успел отбить удар, и судорожно втянул воздух. Пот заливал глаза. Монгу приходилось не лучше – его загорелое лицо почернело и тоже покрылось каплями пота. Цеп, который раньше казался Блейду невесомым, оттягивал руку. Он опустил шар на землю и сделал глубокий выпад мечом. Косса отскочил, и Блейд использовал этот момент, чтобы снять с пояса кинжал. Если они снова сцепятся, увертливый монг может вытащить клинок и распороть ему живот. Косса, заметив его замешательство, не раздумывая пошел в атаку.

– Я убивал людей посильнее и повыше тебя! – закричал он. – Сейчас их кости грызут обезьяны!

Кривой меч мелькнул в воздухе, по лицу воина покрытому пылью, ручьем струился пот, оставляя грязные бороздки. Блейд понял, что монг держится из последних сил, он был готов умереть с радостью, если б ухитрился прихватить с собой противника.

Блейд уклонился от выпада, присел и, раскрутив цеп, ударил нападающего по коленям. Тяжелый шар раздробил монгу обе ноги, и он рухнул на спину, испустив вопль ярости и боли. Валяясь в пыли, Косса все еще пытался нанести удар, но Блейд легко выбил у него из рук меч и воткнул свой клинок в жилистую шею.

Он подошел к серому, взобрался в седло, смахнул со лба испарину. Ну что ж, время сеять и время собирать; он выиграл и теперь должен востребовать свой трофей. Блейд подобрал поводья и вложил в ножны меч. Конь медленно понес его к большому шатру, перед которым восседал на троне Кхад Тамбур, окруженный воеводами, стражниками и знаменосцами. Монги не чинили ему препятствий, лишь молча бросая на победителя угрюмые взгляды. По-видимому, Квеко был прав, варвары ценят отвагу и воинскую удаль и не причинят ему вреда. После такой блестящей победы он может смело приблизиться к их вождю и потребовать обещанную награду.

Блейд проехал между двумя линиями знаменосцев к трону, на котором скорчился Кхад. Серый остановился. Разведчик повесил цеп себе на шею; холодно блеснули смертоносные нефритовые лезвия. Ну, а теперь он произнесет небольшую речь, заготовленную для такого случая. Варвары ценят острое слово не меньше, чем доблесть в бою.

– Приветствую тебя, Кхад Тамбур, Сотрясатель Вселенной! Я победил в честном бою и требую, чтобы ты выполнил наш уговор и отдал мне свою сестру Садду. После этого ты и твои воины можете убираться отсюда ко всем...

Вдруг непонятно откуда возникший гибкий древесный ствол хлестнул по передним ногам коня. Колени серого с хрустом подломились, и Блейд головой вперед вылетел из седла. Черная равнина и шеренги безмолвных монгов исчезли в ослепительной алой вспышке.

Глава 7

Блейд очнулся в полумраке. Из одежды на нем остались только кожаные штаны, лодыжки и запястья охватывали стальные браслеты; тянувшиеся от них цепи были прикреплены к чему-то массивному, тяжелому. Голова у него наливалась тупой болью, под глазом саднило – очевидно, там был здоровенный синяк. Блейд повернулся, и сразу же закололо в ногу, он вспомнил стрелу, пронзившую икру.

Потолок над ним чуть всколыхнулся под ветром. Значит, его бросили в один из этих черных шатров. Да, он повел себя как последний кретин! Так глупо угодить в ловушку! Теперь надо как-то выбираться отсюда если получится! Одно хорошо – пока что он еще жив.

Разведчик нашарил в темноте цепи и убедился, что разорвать их ему не под силу. Тогда он затих на своем ложе, закрыл глаза и начал вслушиваться в звуки суетливой жизни воинского лагеря, доносившиеся снаружи. Вот кто-то запел песню, и ее подхватил нестройный хор хриплых голосов, завопили дети – наверно, играют в войну, как мальчишки во всех странах и мирах, где случилось ему побывать; наконец, раздался топот копыт – мимо промчались всадники и остальные звуки на мгновение стихли.

Зачесалась спина. Блейд приподнялся, потрогал подстилку, на которой лежал. Старая лошадиная шкура... Наверняка, полно блох.

Вдруг неясный лик луны на секунду заглянул в палатку – кто-то откинул покрывало, занавешивающее вход, и шагнул внутрь. Человек стоял в темноте, чуть слышно дыша, и наблюдал за пленником.

Ричард Блейд приподнялся, зазвенев цепями.

– Ну, кого там еще принесло?

В темном углу закопошились, и появился свет. Фитиль, плавающий в глиняном сосуде с маслом, сильно чадил. Человек приподнял лампу, тени заматались по стенкам шатра – странные, слишком маленькие тени. Карлик!

Блейд невольно улыбнулся.

– Привет, коротышка. Видишь, я не послушался твоего совета. Я...

М-да, опять ошибка... Гном придвинулся ближе, указательный палец прижался к растянутому в глупой ухмылке рту, глаза испуганно заблестели. Блейд замолчал, печально размышляя о том, что полет с лошади головой в землю не прибавил ему ума. Скорее наоборот.

Карлик поставил лампу на пол, скрывшись на миг в тени. Затем, шагнув к скованному цепями разведчику, он вновь очутился в круге света.

– На этот раз нам повезло, сир Блейд, – тихо прошептал гном, – но в дальнейшем тебе стоит следить за своим языком. Иначе я вскоре разделю твою участь, а мне этого совсем не хочется. Пока что я не в силах облегчить твоё положение, зато ты можешь кое-чем мне помочь. И прежде всего – забудь о том, что я тебе говорил.

– Уже забыл, – кивнул Блейд.

– Сейчас я служу Садде, и эта женщина доверяет мне настолько, насколько она вообще в силах кому-нибудь доверять.

Он на минуту замолк, внимательно разглядывая Блейда; тот, в свою очередь, не без интереса смотрел на карлика. Теперь на маленьком человечке был совершенно другой наряд – высокий заостренный колпак с бубенчиком на конце украшал его голову, на теле – полосатый камзолчик с неуклюжим стоячим воротником и обтягивающие кожаные штаны. Крохотные кожаные башками опоясывала меховая оторочка, они были невероятно узкими, с загнутыми вверх носками.

Блейд откинулся на подстилку и тихо застонал. Шут! Обычный шут! Ну и союзник! Однако он сказал, что служит Садде... Ладно, шут так шут! Сейчас важнее обзавестись другом, а этот коротышка, кажется, единственный, кто проявил к нему сочувствие.

– Кхад знает, что ты здесь? – прошептал Блейд. – Или тебя подослала Садда?

Гном легко перекувырнулся в воздухе, приземлившись точно на то же самое место.

– Нет – на первый вопрос, да – на второй, – раздался из темноты утробный голос. – Кто ты такой, сир Блейд, чтобы меня допрашивать? Наоборот, я буду допрашивать тебя.

Блейд вздрогнул. Он совсем забыл, что коротышка к тому же еще и чревовещатель. И весьма неплохой – на его ухмыляющейся физиономии не дрогнул ни один мускул.

– Допрашивать меня? Тогда скажи хоть, как тебя зовут?

Гном улыбнулся еще шире:

– Зови меня Морфо. А также учти – Садда послала меня посмотреть, на что ты сгодишься, и доложить ей. Затем она решит, что с тобой делать.

Блейд заворочался на старой шкуре, цепи обиженно зазвенели. Пока он не слишком хорошо понимал, куда клонит собеседник, но, может быть, после этой беседы у него появится шанс? Кто знает?

– Ну, тогда смотри и спрашивай, – произнес он. – Если ты поможешь мне остаться в живых, я сумею отблагодарить тебя.

Морфо вновь поднес палец к губам и покачал головой.

– Не надо, сир Блейд. Не всегда в дурацкие одежды одеты только дураки,

– в утробном голосе явно послышались грустные нотки.

Гном встал на руки и пару раз прошелся вокруг ложа Блейда, держась, правда, на почтительном расстоянии от него. Даже разгуливая вниз головой, он не переставал улыбаться. Блейда уже начала тревожить эта ухмылка, словно приклеившаяся к лицу карлика.

– Послушай, приятель, ты не мог бы перестать улыбаться? – спросил он.

– Нет, – Морфо опять стоял на ногах. – Я должен улыбаться всегда, сир Блейд. Я шут, и появился на свет в семье таких же шутов. В детстве мое лицо слегка подправили... и теперь я улыбаюсь, и буду улыбаться до конца жизни. Взгляни, если хочешь, – шрамы еще видны.

Гном приблизил лицо к лампе, и Блейд действительно разглядел тонкие шрамики в уголках его рта.

Морфо в раздумьи почесал нос, нахмурил брови и зашептал опять:

– Буду с тобой откровенным, сир Блейд. Человек в твоём положении может рассчитывать на откровенность... Нас весьма интересует, откуда ты взялся. Ты не похож ни на катайцев, ни на монгов. Разведчики донесли, что ты якобы прибыл из Пукки с важным поручением. Готов поверить. Но случилось это при весьма странных обстоятельствах: император Сака Мей убит, вдруг появляешься ты, и императрица, вместо того, чтобы надеть желтые траурные одежды, носится за тобой по стенам крепости. Вероятно, ты сумел как следует ублажить ее... Ну, что скажешь, сир Блейд? – Карлик панибратски подмигнул разведчику.

Блейд лихорадочно соображал, что сейчас сулит ему большую безопасность

– правда или ложь. Наконец он сказал:

– Ваши шпионы не лгут. Сака Мей действительно убит, и я приехал из Пукки с приказом Верховного Владыки заменить его и выяснить, почему Кат не может покончить с этой затянувшейся войной. В столице уже давно проявляют нетерпение.

Морфо ухмыльнулся и поглядел на Блейда темными веселыми глазками, в которых не мелькнуло даже тени доверия к тому что он услышал. Однако гном важно кивнул и заметил:

– Ладно, сир Блейд, как скажешь. Я передам Садде твой ответ, – теперь карлик ощупывал взглядом его мощную фигуру. – А еще я скажу ей, что из тебя получится великолепный раб. Просто превосходный – во многих отношениях. Возможно, ей удастся отспорить тебя у Кхада Тамбура.

– Интересно, на что она рассчитывает, – удивился Блейд. – Наши шпионы сообщили, что Кхад держит ее под охраной как пленницу – видимо, он собирался отдать ее мне. Какой же помощи ждать от нее? Ведь Кхад ненавидит Садду, и она платит ему тем же.

– Ненавидит? – высокий колпак дрогнул, на макушке тихо звякнул бубенчик. – Да, такое случается. Это было, и это будет еще не раз. Но они все-таки брат и сестра и

вынуждены править вместе. У каждого – свои слуги, свои воины и свои шпионы: они часто ругаются друг с другом, и столь же часто мирятся. И, конечно, оба постоянно настороже. Теперь, когда ты проиграл, не успев насладиться своей победой, они опять помирились; ссоре – конец, и сегодня они отпразднуют это событие.

Ах, если бы ты вел себя поосторожнее, сир Блейд! Еще немного – и Кхад отдал бы тебе сестру. Но все случилось иначе... Кхад понимает, что обошелся с Саддой крутовато, и он не прочь загладить вину. Думаю, если она чего-нибудь попросит, Кхад не станет торговаться... Вот я и пришел сюда, чтобы выяснить, достоин ли ты милостей Садды. Говоря откровенно, Садда хочет знать: стоит ли подарить жизнь такому ценному рабу или все же укоротить тебя ровно на одну голову.

– Ты думаешь, она выпросит меня у Кхада? – мрачно спросил Блейд.

– Если тебе повезет, сир Блейд, – Морфо перевернулся в воздухе, – если тебе очень повезет. Иначе тебя казнят. Прямо перед главными воротами – там все уже готово. Кхад в очередной раз потребует у императрицы Громового Дракона, катайскую святыню, и в очередной раз получит отказ. Тебя укоротят, и все начнется сначала.

Блейд печально кивнул. Да, с пушкой серендинцы не расстанутся, Лали тут бессильна. И монги прикончат его – там, перед воротами.

– Кхад, – Морфо приблизил к нему лицо, – приготовил тебе очень почетную смерть. Рассказать?

– Давай, – пожал плечами Блейд. – Слова – это только слова; какой от них вред? – он внезапно понял, что вопрос о способе казни никак не связан с основным поручением гнома. Скорее это похоже на проверку... или Морфо хочет выяснить что-то для себя?

– Ты будешь привязан к столбу, а затем палач разрежет тебе живот, так что внутренности вылезут наружу, – невозмутимо сказал карлик. – Потом отрубят голову. Здорово, не так ли? – голос карлика дрогнул от ненависти.

Интересно, подумал Блейд. Может быть, он не обрел друга, но, по крайней мере, нашел врага своего врага.

Чье-то уродливое угольно-черное лицо высунулось из-за входного занавеса, темные глаза обежали убогий шатер, задержавшись на фигуре Блейда. Тот в изумлении уставился на незванного гостя – он полагал, что снаружи никого нет.

На голове чернокожего возвышался шелковый тюрбан, вокруг бедер был обмотан кусок пестрой ткани. В руках он сжимал огромный меч, которым ткнул в сторону гнома. Морфо махнул в ответ рукой, и черный моментально исчез. Блейд протер глаза. Неужели все это ему почудилось?

– Это евнух, – пояснил карлик. – Он тоже служит Садде. Кхад позволил ее воинам нести охрану у твоего шатра. И это тоже добрый знак. Ну, ладно, время мое подошло к концу. – Карлик поднялся и запрыгал к выходу. – Я скажу Садде, что из тебя получится превосходный раб – во всех отношениях. Ты понял меня, сир Блейд?

Блейд кивнул головой. Кажется, его снова ожидало сражение в постели.

Морфо вновь растянул рот до ушей.

– Прими мой совет: не показывай страха. Будь смелым, но не наглым. А я уж постараюсь для тебя, – и гном пропал.

Скоро за Блейдом пришли три огромных черных невольника с пылающими факелами. Он быстро понял, почему Морфо не опасался разговаривать с ним в присутствии евнухов – эти чернокожие были глухонемыми.

Разведчика поставили на ноги, потом умелые руки проверили, что он по-прежнему надежно скован. Ему сунули старую потертую шкуру и знаками приказали набросить ее на плечи. Блейд уже почти справился с этой задачей, когда полог шатра отдернулся, и внутрь шагнул высокий воин. Он подошел к пленнику вплотную и уставился на него пронзительным взглядом.

– Я Растум, – гордо провозгласил воин, – главный воевода войска монгов и верный слуга непобедимого Кхада Тамбура, Опоры Мира и Сотрясателя Вселенной. Мой повелитель

и его сестра Садда Великолепная желают видеть тебя. Ты готов, незнакомец?

Блейд не сомневался, что этот монг занимает самое высокое положение – достаточно было взглянуть на его богато украшенный панцирь из толстой кожи и инкрустированный серебром островерхий шлем. Главнокомандующий носил на груди тяжелую серебряную цепь, с плеч его кожаного доспеха свешивались длинные лошадиные хвосты. Странно, но воевода не походил на монга: он был выше, его глаза казались скорее серыми, чем карими или черными, как у большинства воинов, густая борода светлыми прядями падала на грудь. Военачальник молча глядел на Блейда, в глазах его светилось неподдельное любопытство.

Разведчик решил, что пора прислушаться к совету Морфо и показать характер. Он холодно осмотрел щеголеватого воеводу – от загнутых кончиков сапог до пышного султана на шлеме – и произнес:

– Меня зовут сир Блейд, и я требую, чтобы ко мне обращались именно так. Я тайный советник при дворе его императорского величества в Пукке, и за меня вам будет заплачен огромный выкуп. А посему хочу заметить, что человеку моего ранга не пристало находиться в таких скотских условиях, – Блейд обвел рукой шатер. – Как бы вам не пришлось пожалеть об этом.

Серые глаза Растума невольно расширились от удивления, затем он громко расхохотался.

– О, сир Блейд, не обижайся за столь холодный прием! Надеюсь, ты скоро убедишься в гостеприимстве моего повелителя, – он склонил голову в остроконечном шлеме. – Но прости мое невежество и скажи, что означает приставка «сир» перед твоим именем?

Блейд решил, что воевода весьма неглуп и хорошо воспитан; без сомнения, он не был монгом. Но чем вызван его странный вопрос? Что это – просто любопытство или нечто большее?

– Этим титулом, – начал свою импровизацию Блейд, – обладают лица, особо приближенные к верховному владыке Ката и пользующиеся его безграничным доверием. Я из их числа. И не удивляйся, что я не похож на катаяца – таково предназначение богов и веление судеб. Я пришел сюда из тайного места на краю мира, где воды жизни смешиваются с песками смерти. Оттуда я появился, туда же и вернусь, когда мне будет приказано. Вот все о чем мне дозволено тебе сообщить, – Блейд говорил звенящим, твердым голосом. Эта наспех выдуманная белиберда скорее походила на заклинания, но он остался собой доволен.

Его речь не произвела большого впечатления на воеводу, но солдаты за его спиной испуганно зашептались. Растум коротко хмыкнул и произнес:

– Расскажи это Кхаду, сир Блейд. Может быть, владыка поверит тебе. – Он повернулся к воинам и резко приказал: – Отведите его к Всемогущему, болваны! Но не разговаривайте с ним по дороге и не давайте болтать ему – он может наслать на вас порчу, – главнокомандующий развернулся на каблуках и вышел из палатки.

Разведчика повели меж шатров, и он принялся жадно озираться вокруг. Со всех сторон его окружали стражники, так что вырваться было невозможно. На миг Блейда охватило сожаление – стена маячила совсем близко, всего в миле к югу.

Они вышли на небольшую открытую площадку с рядом высоких столбов, вкопанных в песок; несколько голых монгов висело на них, привязанные за шею или за ноги. Все мертвые. Невдалеке Блейд заметил еще один труп, посаженный на кол.

Растум заметил его взгляд и криво усмехнулся:

– Вот справедливость Великого Кхада. Воры, убийцы, дезертиры и те, кто болтает лишнее. Так какой выкуп готовы заплатить твои друзья? – и Растум снова громко расхохотался.

Этот смех заставил Блейда похолодеть. Впервые за все время пребывания в плену, он почувствовал, что испуган понастоящему. Не стоило так внимательно разглядывать виселицы... Он глубоко вздохнул и сконцентрировал сознание только на одной мысли – ему надо выжить! К черту страх, сейчас главное – остаться в живых!

Они миновали группу палаток на самом краю лагеря. Оттуда поднимались клубы дыма,

тянуло запахом жареного мяса и чеснока, доносилась перебранка женщин и истошные вопли детей. После кухонь отряд выбрался на огромную луговину, где паслись тысячи небольших лохматых лошадок.

Сразу за пастбищем выстроилась длинная цепь странных сооружений – грубо сколоченные деревянные клетки на телегах с массивными деревянными кругляшами вместо колес. Некоторые из клеток были накрыты вонючими шкурами, другие просматривались насквозь. Из них до ушей разведчика долетали самые разные звуки – пение, стоны, неразборчивая ругань.

Растум ткнул в сторону телег обнаженным мечом:

– Клетки рабов, сир Блейд. Возможно, что ты познакомишься с ними поближе, если тебе улыбнется удача.

Огромный шатер Кхада Тамбура стоял на небольшом холме, с которого открывался вид на весь лагерь. Вокруг шатра горели яркие фонари, из его недр раздавалась какая-то дикая, пугающая и на редкость неритмичная музыка: завывание рожков и труб, пронзительный скрип струнных инструментов, торопливый ломаный барабанный бой и звяканье колокольчиков.

У входа в шатер стояли два копыеносца. Череп, насаженный на острие копья, по-приятельски ухмыльнулся Блейду, и у того вновь побежали мурашки по спине.

Растум отправил одного из своих воинов в шатер. Когда на мгновение откинулся полог, Блейд успел различить озаренный неярким светом помост в глубине и танцующую перед ним девушку. Облаченная лишь в узенькую набедренную повязку, она кружилась под звуки этой варварской музыки. Ее упругий живот, казалось, жил отдельной жизнью и шевелился, словно клубок растревоженных змей.

– Монга сегодня хорошо танцует, – заметил один из стражей.

– Все остальное она тоже неплохо делает, – отозвался второй, и оба заржали.

– Слышали, слышали, – встрял кто-то из охранников Блейда. – Надо копить денежки! Тогда, может, она и согласится сделать все остальное со мной.

Теперь уже хохотали все вокруг.

– Согласится сделать с тобой?! Ну и дурак! Копи деньги хоть тысячу лет, их все равно не хватит, чтобы ее ублажить!

Тут воин, посланный Растумом, вернулся, и воевода нетерпеливым жестом приказал всем замолчать. Потом он крепко взял Блейда за локоть и подтолкнул к входу в шатер. Они сделали вместе шесть шагов к помосту, после чего Растум разжал пальцы и опустил на колени, затем простерся ниц. Блейд стоял рядом, позванивая цепями и бросая по сторонам надменные взгляды.

Музыка замерла, и на несколько минут в шатре воцарилось молчание; горящие ненавистью лица монголов окружали разведчика со всех сторон. Внезапно Блейд с ужасом ощутил, насколько он тут одинок и беспомощен,

Наконец с возвышения послышался негромкий голос:

– Подведите его ближе. Я хочу посмотреть на человека, который справился с моим лучшим бойцом.

Растум приподнялся и подтолкнул Блейда вперед, прошептав ему в ухо:

– Подойди к трону и опустишь на колени. Молчи и не поднимай головы.

Расправив плечи, Блейд неторопливо прошествовал к трону и увидел там Морфо. Гном сидел в ногах у своего господина на небольшой шелковой подушечке; в его глазах светилось лишь идиотское любопытство.

Остановившись в трех шагах пред помостом, разведчик с вызовом заглянул в лицо скрючившегося на троне человека. Тощий и узкоплечий, Кхад Тамбур сидел в огромном кресле, неестественно наклонившись вперед. Артрит позвоночника; отметил про себя Блейд. Единственный здоровый глаз Всемогушего буравил его со злобным любопытством; второй был скрыт под расшитой золотом повязкой.

Кхад шевельнулся на троне.

– Ты осмеливаешься стоять передо мной? – в голосе его сквозило удивление.

Блейд гордо выпрямился.

– Я ни перед кем не склоняю головы!

Легкий вздох пролетел по шатру, кто-то нервно засмеялся.

Кхад моргнул и повернулся к сидевшей рядом с ним женщине. Ее трон был поскромнее и стоял на ступень ниже, чем кресло Всемогущего.

– Ну что, сестра? Ты хочешь сделать из него раба? Какой в этом смысл?

Карие глаза женщины изучающе уставились на Блейда из-под вуали. Садда... Так вот она какая! Значит, вот кого Лали ненавидит так, что готова, не моргнув глазом, запихать в клетку с голодными обезьянами!

Женщина молча изучала мощную фигуру Блейда.

– Ладно, – потерял терпение Кхад, – мы научим тебя хорошим манерам, сир Блейд. – Эй, стража! Помогите-ка ему принять надлежащую позу!

Воины с копьями наперевес рванулись к пленнику, и он инстинктивно напрягся в ожидании ударов.

Внезапно женщина подняла руку; ее длинные ногти, выкрашенные в кроваво-красный цвет, сверкнули в пламени факелов.

– Не трогайте его, – властно произнесла она. – Не стоит зря бить раба. Хотя он еще не мой раб, но может скоро им стать. Так что не прикасайтесь к нему.

Кхад недовольно нахмурился. Садда приподнялась в кресле и стала что-то нашептывать ему на ухо. Владыка мрачно покачал головой, но женщина, ласково похлопав его по руке, продолжала свои уговоры, ее губы быстро двигались, извивались, как две крохотные коралловые змейки.

Блейд следил за ней краем глаза; лицо разведчика застыло в надменном спокойствии. Он поднял голову и гордо скрестил на груди обмотанные цепями руки.

Черты Садды были почти неразличимы под плотной вуалью. Ее длинные волосы, обильно смазанные маслом и уложенные причудливой башней, казались темнее крыла ворона. Как у всех женщин в лагере, ее расшитая золотыми узорами жилетка оставляла открытыми груди – маленькие, упругие, с алыми пятнышками сосков. Тонкая талия, округлые бедра, стройные, едва скрытые прозрачными шароварами ноги... Туфель Садда не носила; ногти на пальцах босых ступней отливали тем же ярким кровавокрасным пламенем.

Кхад все еще мотал головой. Садда спорила с ним. Блейд рискнул бросить взгляд на Морфо, но тот отвернулся, с глупой улыбкой перекатывая в ладони маленькие стальные шарики.

Наконец Кхад выпрямил спину и посмотрел на Блейда.

– Хорошо, – произнес владыка монгов, – я отдам его тебе – до тех пор, пока за него не выплатят выкупа; ведь он будет выплачен, не так ли, сир Блейд?

Разведчик кивнул:

– Не сомневайся, Кхад. Нужно только послать гонца в Пукку.

– Знаю, – буркнул Кхад, – я уже говорил с императрицей. И она вновь отказалась отдать пушку. За это ей придется отвалить целую гору золота.

В шатре возбужденно зашептались, и Кхад поднял руку, восстанавливая тишину.

– Слушайте все: я, Кхад Тамбур, отдаю этого человека моей сестре. Она может делать с ним все, что захочет – только не убивать его, – поморщившись от боли, он развернулся на троне. – Смотри, сестра! Он должен дышать, когда за него заплатят выкуп. – Кхад кивнул карлику, и тот быстро вытащил из наполненного льдом ведерка округлую спелую дыню, разрезал ее пополам и подал хозяину. Всемогущий жадно вгрызся в сочную мякоть.

– Ну, давай, – пробормотал он с набитым ртом, сделай из него раба. Только постарайся, чтобы при этом он не умер от потери крови.

Карие глаза снова принялись путешествовать по телу Блейда; Садда тщательно осматривала его с ног до головы. Наконец она удовлетворенно откинулась на спинку трона и мягким голосом произнесла.

– Ну-ка подойди сюда, раб. Теперь ты больше не сир Блейд. Может быть, я дам тебе когда-нибудь другое имя. А пока ты будешь просто рабом.

Блейд придвинулся к ее креслу. Их взгляды встретились, и женщина первая отвела глаза. Ее рука вытянулась в сторону коврика перед троном.

– А теперь, раб, ты встанешь передо мной на колени. Быстро! – она уже кричала. – На колени!

Блейду пришло в голову, что сейчас было бы очень кстати вернуться обратно, в свое родное измерение. К сожалению, лорд Лейтон пока еще не научился улавливать его мысли. Блейд понял, что теряет мужество, и постарался взять себя в руки. Монги оценят его стойкость, но если он выкажет страх, эти дикари забудут про любой выкуп и разорвут его на кусочки.

– Я не встал на колени перед мужчиной, – слова с трудом вырывались из его пересохшего горла. – Неужели ты надеешься, что я склонюсь перед женщиной? – и Блейд ласково улыбнулся ей.

Кхад Тамбур отшвырнул дыню и захохотал.

– Да, сестра, не слишком удачное начало! Но это даже интересно – сделать раба из такого человека.

Блейд следил за ее губами. Садда тоже улыбалась.

– На колени! – она вновь указала на коврик. Я даю тебе последний шанс.

– Я не буду тебе кланяться, – покачал головой Блейд. Он молил бога, чтобы женщина не услышала, как отчаянно колотится его сердце.

Садда сделала знак рукой и два черномазых евнуха подбежали к трону. Один нес небольшую деревянную подставку с глубоким желобком посередине, в руках второго сверкал огромный искривленный нож, похожий на те, которыми разделявают мясо.

– Подготовьте его, – кивнула Садда.

Черные установили подставку у ног разведчика, и Блейд с ужасом заметил, что желобок оказался как раз на уровне его гениталий.

– Ты встанешь на колени? – поинтересовалась Садда из-под вуали.

– Нет.

Она повернулась к черным.

– Покажите-ка, что с ним будет, если он ослушается приказа.

Один из чернокожих гигантов стянул набедренную повязку. Увы, она скрывала немного! Впервые в жизни Ричард увидел настоящего евнуха и, надо сказать, это зрелище ему не понравилось.

– Смотри, чтобы он не истек кровью, – заволновался Кхад, ворочаясь в кресле.

– Ничего, мы его вылечим, – Садда щелкнула пальцами, и третий великан притащил небольшую жаровню, на пылающих углях которой рдел раскаленный железный прут.

Холодный пот застилал Блейду глаза, тошнота подкатывала к горлу, слюна казалось соленой и горькой на вкус. Он умел спокойно смотреть в лицо смерти, но выдержать такое...

И все же инстинкт подсказывал ему, что Садда блефует и надо держаться до конца. Если он изъявит покорность, его судьба будет еще ужаснее. Надо держаться, держаться, держаться...

– Я не буду кланяться тебе.

Садда махнула рукой, и стражники моментально скрутили Блейда. Один из евнухов сорвал с него штаны и заботливо уложил пенис в желобок, другой занес сверкающий нож.

Блейд рванулся вперед, его выкрученные руки отозвались мучительной болью. Он не должен сдаваться! Еще минута – поле боя будет за ним.

– Ты встанешь на колени? – почти шепотом спросила Садда.

– Нет! – каким то образом слова все еще исторгались из его пересохшего горла.

Садда взмахнула рукой, и сознание покинуло Ричарда Блейда.

Глава 8

Всю первую неделю своего пребывания в деревянной клетке, где содержали рабов, Блейд по три раза в день с радостью убеждался, что его мужское естество не пострадало. Спор с Саддой завершился ее поражением – в последний момент она приказала чернокожим прекратить экзекуцию и вытащить обеспамятевшего пленника из шатра. Теперь, время от времени поглаживая гульфик своих кожаных штанов, Блейд с энтузиазмом ощущал, что первый раунд окончился без потерь. Садда частенько навевалась взглянуть на упрямца, но делала это всегда издали. Вдоволь налюбовавшись на свое новое приобретение, она прищипоривала коня и галопом мчалась прочь. Блейд обычно притворялся, что не замечает ее.

Телега с его клеткой стояла поодаль от обиталищ других рабов, в покрытой черным песком ложбине, совсем рядом с каменистым холмом, на вершине которого он очнулся месяц назад. Прутья клетки, несмотря на хлипкий вид, оказались очень прочными; правда, не настолько, чтобы Блейд не мог их выломать. Однако днем его телега была видна как на ладони, а ночью его стерегли шестеро вооруженных до зубов всадников. Все, что ему оставалось – сидеть на месте и любым способом убивать время.

Садда пока явно не спешила познакомиться с ним поближе. Гном Морфо тоже не заглядывал. Зато каждый день у клетки собирались толпы монгов, чтобы, потыкать в него палками да позубоскалить на его счет. Какое-то время Блейд терпеливо сносил и тычки, и насмешки, но однажды один неосторожный умник разозлил его не на шутку. Разведчик выдернул палку у него из рук и хорошенького огрел его насмешника по голове. Завопив от боли, монг юркнул в толпу, и минуту спустя все уже злословили на его счет. С тех пор монги стали относиться к Блейду с опасливым уважением и без особой нужды не подходили к клетке ближе, чем на пять ярдов.

Дважды в день его кормили. Обычно трапеза состояла из краюхи черного хлеба, куска жареной конины и большого кувшина с весьма распространенным здесь пойлом, называемым бросс. Бросс приготавливали из смеси лошадиной крови и молока с добавлением разных степных трав. Сначала Блейд никак не мог привыкнуть к его запаху и вкусу, но потом притерпелся и даже стал отдавать должное этому немудреному напитку, потребляя его в гигантских количествах.

Каждое утро монги вновь начинали, атаку стены, и каждый вечер вновь возвращались ни с чем. Огромная пушка, Дракон Небесного Грома, по-прежнему палила, вселяя благоговейный ужас в толпы варваров, колоссальный нефритовый шар все так же со свистом проносился над головами нападающих и разбивался вдребезги о груды валунов, не причиняя монгам ни малейшего вреда. Блейд надеялся, что воины Ката произведут ночную вылазку и отобьют его телегу, но потом решил, что Лали, видимо, не может склонить своих полководцев на столь рискованный маневр. Он с удивлением замечал, что все меньше и меньше вспоминает о маленькой императрице; его уже не особенно волновало, пустит она кого-нибудь в свою постель или сохранит ему верность.

Растум тоже иногда подъезжал к его телеге, чтобы перекинуться парой слов со стражей, но никогда не заговаривал с пленником, лишь время от времени бросая на него косые взгляды.

Отсидев неделю, Блейд начал беспокоиться и строить всевозможные планы побега, какими бы фантастическими они не казались. Обитая под открытым небом, он успел зарастить грязью с ног до головы, его, раньше ухоженная борода свисала неопрятными клоčьями. Охалка соломы, которую никто не удосуживался менять, после нескольких сильных ливней превратилась в сырое холодное месиво. Ночами Блейд расшатывал прутья клетки, стараясь не привлекать внимания охраны; это было весьма трудной задачей, так как стражники ему попадались на редкость глазастые.

В редкие дни, когда монги не штурмовали стену, они, выехав на открытое поле перед клеткой Блейда, по двенадцать часов занимались однообразной муштрой, то двигаясь плотной колонной, то, по сигналу трубы, мгновенно перестраивая ряды. Все маневры выполнялись с идеальной точностью. Блейд рассудил, что в открытой стычке солдаты Ката

не имеют никаких шансов справиться с такой армией. Монгов задержала только неприступная стена, под которой Кхад Тамбур положил уже не одну тысячу своих всадников.

Интересно, неужели Кхад никогда не пытался обойти стену? Должна же она где-то кончаться! Или гигантское орудие настолько соблазняет его, что владыка монгов, словно ребенок за игрушкой, лезет на стену именно в этом месте?

Блейд также наблюдал за развлечениями монгов. Они очень любили состязания; например, мчась на полном скаку, старались попасть копьем в небольшое, крутившееся на веревке колечко. И, надо заметить, промахивались лишь немногие. Неудачников прогоняли сквозь строй, и каждый мог бить их и пинать ногами; видимо, это служило дополнительной забавой.

Наконец, на девятый день, Растум спешил к у его клетки. Один из двух сопровождавших его воинов держал в руках квадратный деревянный ошейник. Блейд, скривившись, глянул на щеголеватого воеводу и вновь задал себе вопрос о его национальной принадлежности.

Растум уловил его неприязненный взгляд и усмехнулся в бороду:

– Похоже, ты неплохо себя чувствуешь, сир Блейд. – рассмеялся он. – Вот только пахнет от тебя скверно, – Растум сморщил нос. – Тебя хорошо кормят?

Блейд кивнул.

– Скажи Кхаду, чтобы мне почаще меняли солому. Остальным я вполне доволен.

Растум изумленно уставился на него, откинул назад голову и захохотал. Его спутники позволили себе лишь одобрительные ухмылки.

Отсмеявшись, воевода вытер глаза и продолжал:

– Вот сейчас я верю, что ты действительно сир. Сначала ты прилюдно оскорбил Кхада вместе с его разлюбезной сестрицей, а теперь жалуешься, что тебе соломки не постелили! – и он вновь зашелся от хохота.

Блейд терпеливо ждал, пока Растум закончит веселиться. Успокоившись, воевода велел отпереть клетку и вывести его наружу.

– Это шаг вперед в твоей судьбе, – напутствовал он Блейда, пощелкивая перед его носом половинками ошейника. – Сейчас ты наденешь это украшение и превратишься в одного из домашних рабов Садды. Смотри, сир Блейд, не ищи неприятностей – мы не слишком заинтересованы в твоей смерти. Будь потише, и когда-нибудь ты наденешь тонкий золотой ошейник. Понял?

Оба монга снова заухмылялись, но Растум, видимо, говорил совершенно серьезно.

Сопротивляться не стоило, и Блейд спокойно дал закрепить у себя на шее неуклюжий тяжелый ошейник, напоминавший колодку. Он надеялся от всей души, что вскоре натрет себе внушительную мозоль на загривке и перестанет замечать его шершавое прикосновение.

При транспортировке к новому месту службы ошейник уже не раздражал его. Гораздо больше мучений причинял сыромятный кожаный ремень, на котором его тащил один из всадников. Нога Блейда еще не зажила, и он, хромя, едва поспевал за норовистой лошадей. Один раз он споткнулся о булыжник и, к великой радости своих конвоиров, во всю длину растянулся на песке. Воевода, помрачнев, приказал остановить лошадей и позволил Блейду подняться и привести себя в порядок; видно, ему не хотелось держать ответ перед Саддой за изувеченного пленника.

Они покинули лагерь и направились к отдельно стоявшей группе шатров, окруженных высокой плетеной изгородью. Изгородь оказалась составленной из отдельных щитов, так что ее можно было легко разобрать и перевезти на новое место. За забором их встретили вооруженные всадники, одетые иначе, чем прочие воины – личная охрана сестры Всемогущего Кхада.

Растум перебросился с ними парой фраз, затем повернулся к Блейду. Холодная улыбка заиграла на его губах.

– Ну что ж, прощай, сир Блейд. Будь послушным рабом, и ты обязательно заслужишь

свой золотой ошейник.

Монги вокруг снова загоготали.

Блейда передали с рук на руки, и Растум умчался со своими людьми. Подталкивая разведчика древками копий в спину, стражи повели его к палаткам, окружавшим громадный высокий шатер с прикрепленными по углам конскими хвостами. Хромая мимо, Блейд явственно услышал высокие женские голоса и ощутил аромат молодой женской плоти, который невозможно было спутать ни с каким другим запахом. В стенках шатра виднелись маленькие круглые окошки, и ему показалось, что в одном из них промелькнуло закрытое вуалью лицо Садды. Взгляд его скользнул дальше. В западном углу огороженного пространства помещалось довольно занятое сооружение – загон, обнесенный острыми, глубоко забитыми в землю деревянными сваями, оплетенными лозой. По верху его были натянуты тонкие кожаные ремешки с подвязанными к ним колокольчиками.

Загон охранялся несколькими покалеченными в сече старыми ветеранами, одетыми так же просто, как остальные воины Кхада Тамбура. Блейд заметил, что ветераны Всемогущего и красивые щеголеватые охранники его сестры не испытывают друг к другу особых симпатий.

Блейда затолкали туда и захлопнули дверь; безразлично пожав плечами, он занялся неторопливым исследованием своего нового жилища. Хорошо еще, что с него сняли цепь, решил разведчик, поглаживая шершавое дерево тяжелой колодки.

Загон не поражал многолюдством. Вдоль двух его стен лепились низенькие грязные деревянные конурки, в которые даже ребенку пришлось бы входить нагнувшись. Блейд собрался было осмотреть одну из них, когда услышал странный голос, зовущий его по имени.

– Сир Блейд, не хочешь ли подойти и поболтать со мной? К сожалению, сам я не могу пробраться поближе. – Низкий грубоватый голос звучал весело, и Блейд завертелся на месте, пытаясь определить источник.

Голос шел из хижины слева от него. Он не рискнул протиснуться туда, а просто присел перед входом и заглянул внутрь. Хозяин грубоватого голоса возлежал на кипе грязной соломы; обе его ноги заканчивались чуть выше колен. Калека приподнялся навстречу Блейду на сильных мускулистых руках и радушно улыбнулся.

– Рад приветствовать тебя в моем замке, сир Блейд, – опершись на одну руку, незнакомец сделал приглашающий жест. – Вообще-то я очень гостеприимный человек, но сегодня все мои слуги как назло разбежались, и во всем дворце не сыскать ни крошки еды и ни капли вина. Я думаю, ты простишь меня?

– Откуда ты знаешь мое имя? – резко спросил Блейд.

Безногий рассмеялся и упал обратно на солому.

– Кто же не знает твоего имени? По обе стороны стены ходят легенды о твоих подвигах. Особенно о том, как ты отбрил Садду! Жаль, что в конце концов тебе придется дорого заплатить за это.

Инстинкт подсказывал Блейду, что можно безбоязненно довериться этому безногому весельчаку. Было что-то заразительное в его громком хриплом хохоте, и разведчик тоже засмеялся, потом, забравшись внутрь, удобно устроился на соломе рядом с хозяином конурки.

– Просто чудо, что ты жив до сих пор! – не унимался безногий. – А еще я слышал, что Садда положила на тебя глаз. Эго очень хорошо – если ты в постели так же силен, как на поле боя.

Блейд поскреб свою грязную всклокоченную бороду, которая, к тому же, ужасно пахла, и внимательно взгляделся в лицо своего соседа. Что-то очень знакомое было в этих резких ястребиных чертах и молочно-белой коже... Точно! Грязный безногий калека удивительно походил на Растума, главного воеводу монгов! Безусловно, этот человек не принадлежал к расе невысоких смуглых степняков.

Безногий тоже изучающе смотрел на Блейда. Его глаза, такого же, как у Растума, благородного светло-серого цвета, искрились неподдельным весельем.

– Меня называют Бейбером, – калека протянул разведчику мозолистую ладонь. – Как ты уже догадался, я не монг. Я из племени кауков. И еще ты думаешь, что я очень похож на Растума, нашего воеводу.

Блейд кивнул.

– Ничего удивительного, потому что Растум тоже из племени кауков. Когда-то мы сражались вместе и, поверишь ли, сир Блейд, я был его военачальником. Теперь по мне этого не скажешь, верно?

Блейд, соскучившийся по приятной компании за время своей отсидки в клетке, с удовольствием остался поболтать с новым знакомым. Этот человек был явно неглуп и мог поделиться полезными сведениями как об их хозяйке, так и о дальнейшей судьбе, ожидающей его.

Бейбер осторожно тронул его деревянный ошейник.

– Ты скоро поменяешь его на золотой, если научишься покорности и не наделаешь ошибок. Поверь мне, я давно сижу тут и неплохо изучил здешние порядки. Ты станешь ее новым фаворитом – когда твой дух будет сломлен или ей надоест издеваться над тобой.

– Не думаю, что смогу обучиться покорности, – нахмурился разведчик.

– Я не захотел кланяться ей даже под ножом и победил. Правда, у меня чуть сердце не разорвалось. Но сейчас то я жив! Ты считаешь, что все-таки лучше смириться?

Бейбер, лысый, с покрытыми седой щетиной висками, пристально посмотрел на нового приятеля и задумчиво проговорил:

– Да. Ты еще не понял, что стал рабом. И то, что тебе удалось один раз, может не получиться во второй. Терпению Садды тоже есть предел, так что я бы посоветовал тебе унять гордость и постараться прожить подольше. Хочешь, я расскажу тебе одну забавную историю?

Давным-давно, в одном королевстве придворный волшебник как-то попал в немилость к королю, – начал калека. – Все его предсказания не сбылись, заклинания не подействовали, и король совсем уже собрался отрубить ему голову, когда волшебник попросил у его величества год жизни. За этот год он пообещал научить любимую собачку короля говорить. Король был весьма заинтересован таким заманчивым предложением и согласился отложить казнь. Но если у волшебника ничего не выйдет, предупредил повелитель, то его заживо сварят в кипящем масле вместо того, чтобы милосердно и куда менее безболезненно обезглавить.

Так вот, один из друзей волшебника поинтересовался, почему он заключил с королем эту совершенно безнадежную сделку, и волшебник ответил так: «Потому что год жизни – величайшее сокровище. Все, что угодно, может случиться за год. Скажем, я могу умереть в своей постели. Может умереть король. Или, в конце концов, этот пес научится говорить!»

Бейбер захохотал и перекатился на другой бок на своем соломенном ложе.

– Видишь, сир Блейд, тебе все-таки стоит научиться покорности и прожить чуть-чуть подольше, а? Ведь все может произойти.

Это было верно. Блейд знал, что Кхад послал гонца в Пукку с требованием громадного выкупа за него. Что в связи с этим предпримет Лали? Он не знал, слышал только, что она согласилась выделить гонцу эскорт. Через два-три месяца посланец вернется ни с чем и тогда Кхад, без сомнения, отнимет Блейда у Садды и открутит ему голову. Правда, лорд Лейтон мог первым осуществить эту операцию.

Бейбер вновь остановил на госте взгляд своих серых пронизательных глаз.

– Ну что, я убедил тебя? – спросил он шепотом. – Будь послушным, изображай из себя дурака, и ты проживешь долго. Жди. Я чувствую, что назревают какие-то немаловажные события, которые перевернут твою судьбу.

Раньше Кхад и Садда были любовниками. Они поступили так против воли Оби

– их великого черного бога. Теперь же между ними только ненависть... Они вынуждены править вместе, но скоро, совсем скоро захотят избавиться друг от друга... Страдает, как всегда, простой люд. Думаю, эта глупая бесконечная война, когда тысячи

лучших воинов идут на смерть изза прихоти безумца, переполнит чашу терпения. Многие воины давно разочаровались в своих вождях, но Тамбуры правили монгами сотни лет, и они пока боятся...

Так что, сир Блейд, будь добр, послушайся совета старого безногого калеки, который тоже был когда-то воином... – Бейбер вдруг замолчал, стрельнув взглядом над левым плечом Блейда, и принялся торопливо зарываться в солому. – Аплоний идет. У него золотой ошейник, и он отвечает за нас перед Саддой. Так что держи себя в руках, сир Блейд. Этого парня стоит опасаться.

Блейд спокойно обернулся, чтобы поглядеть на парня, которого стоило опасаться. Аплоний как раз направился в их сторону.

Этот человек с длинной плеткой в руках определенно был монгом. Но каким! Блейд раньше не встречал среди степного народа таких великанов. Ростом Аплоний почти не уступал ему и, в отличие от прочих соплеменников, имел гораздо более пропорциональное сложение. Кожа его отливала непривычной белизной, а курносый нос и близко посаженные глаза тоже вызвали сомнения в чистоте крови. Цвет волос Блейду разобрать не удалось, так как они были густо смазаны какой-то помадой и уложены в сверкающую причудливую пагоду на самой макушке. Одежда Аплония тоже радовала глаз – богато расшитая безрукавка с поясом, тонкой выделки кожаные штаны, заправленные в крепкие невысокие сапожки. И главное – его шею обнимал прекрасной работы золотой ошейник с иероглифами, обозначавшими имя хозяйки.

И это возлюбленный Садды? С глупо свисавшими напوماженными усами и пучком темных волосков, стыдливо топорщившемся на безвольном подбородке? Блейд не мог поверить, что у сестры повелителя монгов оказался столь дурной вкус. То, что он видел перед собой, не слишком напоминало настоящего мужчину.

Изящный денди остановился рядом с Блейдом и поморщился.

– Ты – сир Блейд? Наш новый домашний раб? – близко посаженные глазки моргнули, и Блейд заметил в них страх, коварство и зависть.

– Да, – отозвался он, – стараясь не показать этому красавчику, что догадался о его чувствах.

Бац! Плетка с размаху опустилась на его лицо, оставив красный пылающий след.

– Встань, когда говоришь со мной! – пролаял денди. – Встань и кланяйся! Ниже. Еще ниже!

Получив еще два удара плеткой, Блейд начал кланяться как положено. Он жаждал разорвать в клочья этого напوماженного ублюдка, но отчаянным усилием воли сдерживал подступающее бешенство. Рот его наполнился кровью из рассеченной губы, а каждый мускул огромного тела дрожал от ярости. И все же он кланялся все ниже и ниже, надеясь, что Аплоний ни заметит гримасу ненависти, искажившую его лицо. Но тот, решив, что урок еще не закончен, отошел на два шага и с оттяжкой принялся стегать Блейда по голой спине. Разведчик сцепил зубы, аккуратно считая каждый удар. Бейбер прав, нужно остаться в живых. Он еще посчитается с этим клоуном!

Устав махать плетью, Аплоний со вздохом выпрямился и указал на соседнюю хижину.

– Будешь сидеть там. Не высовывайся, пока не прикажу! И не вздумай болтать с этим старым дураком, – он нашарил взглядом лысину Бейбера, торчавшую среди гнилых соломенных снопов. – Ты понял меня, свинья? Никакой болтовни! Еще раз тебя с ним увижу, пожалеешь, что родился на свет. Я не убью тебя, потому что госпожа Садда запретила это... но я сделаю так, что ты будешь молить о смерти, и он еще раз хлестнул Блейда по спине.

Стараясь не смотреть мучителю в лицо, Блейд дрожа от ярости, забрался в свою конуру и затих там.

Голос Аплония продолжал назойливо лезть ему в уши:

– У рабов нет имен. Я звал бы тебя просто свиньей, но госпоже Садде это может не понравиться. Поэтому я буду звать тебя Блейд, но с сиром тебе придется распрощаться. Завтра, Блейд, ты отправишься на работу. Ты будешь беспрекословно подчиняться мне и не

посмеешь даже поднять на меня глаза без приказа. Ты понял меня, свинья?

– Да, понял, – ухитрился выдать Блейд.

– А ты, старый болтун! – Аплоний залез в конуру Бейбера, и оттуда послышались звонкие звуки ударов. – Не понимаю, – негодовал Аплоний, орудуя плеткой, – почему мне не позволяют убить тебя. Почему, старик? Ведь за тобой нет ни могущественных друзей, ни покровителей! Почему же я не могу разделаться с тобой? – его голос сорвался на пронзительный визг, и Блейда передернуло от отвращения. Ему снова пришлось сдерживать себя, чтобы не ворваться в соседнюю каморку и не переломать хребет этому мерзавцу.

Аплоний закончил разбираться с Бейбером и заглянул в конуру Блейда.

– Завтра увидимся, – зловеще предупредил он. – Подумай пока над моими словами.

Усевшись на соломе, Блейд смотрел, как Аплоний, в сопровождении низко кланяющихся охранников, вышел за ворота, и вскочил на коня. Когда он скрылся из вида, по жестам стороживших их монгов разведчик заключил, что они тоже не испытывают особо теплых чувств к любимчику Садды.

– Эй, – шепнул ему через смежную стенку Бейбер, – прислонись сюда спиной и старайся говорить, не шевеля губами. Стражники знают, что мы болтаем, но не тронут нас, если не шуметь. К тому же, они ненавидят Аплония не меньше нас с тобой.

– Ну? И как он не утонул до сих пор в этом океане ненависти? – отозвался Блейд и услышал, как Бейбер глубоко вздохнул у себя за перегородкой.

– Откуда мне знать? – пожаловался он. – Иногда мне кажется, сир Блейд, что кроме ненависти в этом мире ничего больше не осталось. Если пройти весь материк, от широких степей монгов на юге до холодных северных гор Нимы, ты увидишь лишь то же самое. Но хватит об этом. Ты держался молодцом. Я уже решил, что ты не стерпишь и убьешь этого негодяя.

– Была такая мысль, – честно признался Блейд.

– Это могло бы все испортить. Ничего не поделаешь, на время надо смириться. Аплоний, конечно понимает, что он мертвец. Рано или поздно ты попадешь в постель Садды, и тогда... Ты заметил страх в его глазах?

Блейд утвердительно хмыкнул. Он наблюдал за тем, как солнце медленно скрывается за высоким тыном. Скоро его сияющий диск совсем исчезнет из вида.

Бейбер за стеной мстительно расхохотался

– Да, конечно, Аплоний знает, что ему не уйти от судьбы. Еще неделя-другая и он прискутит Садде. Придет твоя очередь. А он по натуре труслив и не мыслит другой судьбы, кроме рабской. Ошейник остается ошейником, неважно, из чего он сделан... Ладно, давай лучше потолкуем о других вещах.

– Давай, – согласился Блейд. – Знаешь, старик, я пока что плохо разбираюсь в том, что здесь творится. Ты мог бы просветить меня? И поподробней объясни, что ты имел в виду, когда сказал, что скоро произойдет нечто... нечто, способное изменить мою судьбу.

Тишина. Блейд почти воочию представил, как Бейбер возится на соломе, устранив для длинного разговора.

– Я сказал, что нечто может произойти, сир Блейд, но я не знаю наверняка. И прежде, чем делиться с тобой своими догадками – а все что я сейчас расскажу, родилось в моей голове – я должен взять с тебя слово, что ты не станешь торопить события и пытаться действовать в одиночку. Потому что если нечто и произойдет, то лишь в свое время. – Бейбер тихонько постучал по стене. – Так ты обещаешь, сир Блейд? Я всего лишь беспомощный безногий старик и скоро умру... но я не хочу умирать здесь.

– Хорошо, я обещаю, – отозвался Блейд. – И прошу тебя, забудь про сира Блейда. Ты помнишь, что говорил наш добрый друг Аплоний? Теперь я просто Блейд, до той поры, пока он не изобретет что-нибудь другое.

– Как скажешь, – согласился Бейбер. – А сейчас слушай. И помни о своем обещании.

Как ты уже знаешь, – начал он, – воевода Растум – мой соотечественник. Он превосходный солдат, но, как все кауки, он наемник и служит за плату. Я тоже был таким, но

ему повезло, а мне – нет. Я сражался против монгов и попал в плен. Тогдато Растум и спас мне жизнь, посоветовав Кхаду отрубить мои ноги – вместо того, чтобы отрубить голову.

Блейду это показалось весьма сомнительным актом милосердия, но он промолчал.

– Кхаду было все равно, что рубить – продолжал Бейбер, – он уважал Растума и согласился оказать ему эту милость. Итак, Растум оставил меня в живых, хотя и без ног. Я рассказываю тебе все это только затем, чтобы ты понял – я могу догадаться о мыслях Растума. В конце концов, мы оба кауки.

Из-за вражды между Кхадом и Саддой, Растум оказался в весьма щекотливом положении. Он великий воин, и Кхад это знает и ценит его. Даже простые солдаты его уважают. Однако Садда тоже старается оказывать ему всевозможные знаки внимания, чтобы он перешел на ее сторону, когда она двинется против Кхада. Понимаешь?

Блейд в ответ заметил, что не хотел бы сейчас поменяться местами с этим прославленным полководцем.

– Вот именно! – Бейбер захихикал. – Растуму сейчас приходится гораздо хуже, чем тебе, но его терпению и выдержке можно только позавидовать. Ведь он не должен проявлять ни к Всемогушему, ни к его сестре излишнего дружелюбия или враждебности – иначе его сотрут в порошок. И поэтому он терпеливо ждет, пока разразится буря.

– Ладно, – прервал старика Блейд, – предположим, ты прав. Но как это связано со мной?

– Ты же убил Коссу, верно? Даже Растум не способен на такой подвиг. Увидев тебя, я понял, что Садда, пожалуй, отведет тебе более важную роль, чем очередной грелке в ее постели.

– То есть, заполучив меня, она больше не нуждается в Растуме?

– Не совсем так. Думаю, она еще не раз тебя проверит до того, как посвятит в свои замыслы. Однако ни тебе, ни мне, ни самим монгам не станет лучше, если она прикончит Кхада. Или если победит ее безумный брат. Тут без разницы – оба они кровавые маньяки. И кто бы кого ни съел, мира не будет, и эта ужасная война все равно не прекратится. Нужно свалить обоих. Растум это прекрасно понимает, и я надеюсь, начнет действовать сам. Конечно, когда придет время, он захочет, чтобы ты оказался на его стороне. Понял?

Блейд с минуту обдумывал услышанное, затем спросил:

– Почему ты сказал, что Кхад безумен? Я ничего такого за ним не заметил.

– Поверь мне, он сумасшедший. Время от времени с ним случаются припадки, а между ними он выглядит вполне нормально. Как раз перед твоим появлением в лагере у него был продолжительный приступ, и теперь болезнь ненадолго оставила его. Но она вернется, обязательно вернется! В такие моменты никто не может чувствовать себя в безопасности – ни мужчина, ни женщина, ни ребенок... особенно маленькие девочки.

Холодок пробежал по спине Блейда. При чем здесь маленькие девочки? Он обратился к Бейберу за разъяснениями.

– Понимаешь, Садда безумна, как одержимая жаждой убийства ведьма, что наслаждается мучениями своих жертв. А душу Кхада грызет гораздо более опасный недуг, с которым не под силу справиться даже Оби, великому черному богу. Кхад стал бессильным и не может любить женщин. Ни одну из женщин, кроме маленьких, совсем маленьких девочек, еще не созревших для постели. Когда к нему подступает безумие, Кхад берет такую девочку и зверски насилует ее... потом – следующую, еще и еще, до тех пор, пока не кончится припадок.

– И что же, люди молчат и терпят? Почему отцы и матери этих несчастных детей не пытаются что-нибудь предпринять?

Безногий невесело рассмеялся.

– Нет, конечно. Они прячут своих ребятишек и молятся. Да еще проклинают Кхада – так, чтобы их никто не услышал. Тебя проводили мимо виселиц?

– Да. Больше недели назад.

– Ты видел там посаженного на кол человека?

– Видел. По-моему, он был уже мертв.

– Бедняга... Один из воевод. Хороший боец, и преданный Кхаду. До тех пор, пока во время недавнего приступа Сотрясатель Вселенной не изнасиловал его малолетнюю дочь. Потом, когда разум вернулся к нему, Кхад закатил девочке пышные похороны, осыпал золотом безутешного отца и принародно бил себя кулаками в грудь, умоляя Оби отпустить его грех. Он всегда так: сначала убьет, а потом плачет, молится и просит прощения у черного бога. Про Оби ничего сказать не могу, но отец девочки не простил Кхада и сразу после похорон попытался его прикончить. Ты уже видел, что из этого получилось.

Он слишком поторопился, – в голосе Бейбера звучало сожаление. – Слишком рано нанес удар. У нас, кауков, есть одна пословица: «Чем дольше ожидание, тем слаще месть». Хорошенько запомни ее, Блейд.

– А что скажешь насчет этого карлика Морфо? – помолчав, спросил Блейд. – Ты знаешь его?

Довольно долго Бейбер не отвечал. Когда же он, наконец, заговорил, голос его утратил всю теплоту и дружелюбие.

– Я знаю о нем, я видел его не рад, – признался он. – Но что с того?

Было ясно, что безногий не расположен говорить на эту тему, но Блейд продолжал упорствовать.

– Довольно странный человечек, – он попытался зайти с другого бока.

– Когда меня изловили, он приходил в шатер... намекал, что постарается сохранить мне жизнь. И еще он сказал, что служит Садде... хотя, я думаю, это не совсем так. Давно я его не видел, и теперь ломаю голову – кто же мне встретился? Друг? Враг? Или кто-то еще? На кого он работает? Мне показалось ты знаешь все о здешних людях.

Солнце уже совсем скрылось за изгородью. Под стеной Серендина вновь громко бабахнула пушка, и нефритовый шар, со свистом прорезав воздух, разлетелся грудой бесполезных осколков, никому не причинив вреда.

– Мы не будем говорить о карлике, – тяжело произнес Бейбер. – Я мало о нем знаю и не могу сказать ничего хорошего... впрочем, плохого тоже. Возможно, он настолько умен, что работает сам на себя... хотя, это было бы самой поразительной вещью на свете.

Этой скудной информацией Блейду и пришлось удовлетвориться. Охранники принесли еду – все тот же черствый хлеб и конину, а также неизменный кувшин с броссом. После еды и питья Блейда неудержимо потянуло ко сну, он прикрыл глаза и, привалившись к стене, задремал, едва прислушиваясь к быстрому шепоту Бейбера. По углам загона зажгли факелы, и все стихло, только свежий ночной ветер чуть слышно шевелил сторожевые колокольчики на заборе.

На калеку бросс не подействовал, разве что еще больше развязал язык. Слова его журчали как ручей, усыпляя Блейда. Краешком сознания он отметил, что Бейбер, оказывается, был у себя на родине скальдом. Кауки высоко ценили таких людей, наделенных даром выражать свои мысли и чувства в звонких строфах саг. Бейбер жаловался, что уже много лет не перебирал струн джадара. Это был, как понял Блейд, музыкальный инструмент, похожий на лиру.

Мягкий голос Бейбера одновременно баюкал разведчика и не давал ему соскочить в пропасть сновидений. В конце концов он совершенно потерял нить рассказа и стал думать о своем, мысли плыли медленно, лениво, словно подчиняясь равномерному напевному ритму речей скальда.

Интересно, обрадовался бы он сейчас возвращению в привычный мир Земли? Ведь его миссия только началась... Блейд не мог однозначно ответить на этот вопрос. Конечно, пытки и ужасная смерть в этом мире гораздо более реальны, чем в родном измерении. Но здесь его ждет то, чего он так страстно жаждал на Земле – приключение. Да, именно так – ПРИКЛЮЧЕНИЕ; Блейд подумал о нем, и слово, выписанное огромными пылающими буквами, проплыло под сомкнутыми веками. Приключение и надежда. Надежда что-то изменить, несмотря на смерть, опасности и страдания. Потому что шесть шагов вперед и

пять назад в итоге все равно продвигают тебя к цели. Здесь была надежда, а в его собственном мире от нее давно уже ничего не осталось. Странно, что он понял здесь то, чего никак не мог осознать там.

И Ричард Блейд, обрадованный приятным ощущением этого нового знания, мгновенно заснул глубоким беспробудным сном.

Глава 9

Прошла неделя. Блейд занимался тем, что выносил за служанками Садды ночные горшки, а после намывал их до блеска. Служанки все время потешались над ним, и, честно говоря, он их понимал. Он довольно часто видел Садду и карлика, один раз ему даже показалось, что голос Морфо доносится из ее покоев.

Ходили слухи, что Кхад снова потерял рассудок. Каждый день монги штурмовали стену, то выманивая защитников наружу, то теряя сотни воинов в бесплодных атаках.

Если Блейда не находилось работы в женских покоях, его посылали чистить нужник охранников, таскать бревна или чинить деревянные фургоны. Он присматривал также за табунами низкорослых лошадок, которых впрягали в телеги на огромных колесах, когда приходила пора перекочевывать на новое место.

И все это время его стерегли так, словно он был драгоценной статуей самого Оби, которая покоилась в черном, закрытом плотной тканью фургоне, куда мог заходить только Кхад. Даже Садде не разрешалось туда заглядывать.

Блейду нравилось работать подальше от женских покоев – там, где за спиной не маячил Аплоний со своей плетью. Ему, видимо, доставляло особое удовольствие хлестать Блейда на глазах у женщин. Ночами Блейд по-прежнему долго разговаривал со старым кауком. Вернее, говорил Бейбер, разведчик в основном слушал и задавал вопросы.

Так прошло семь дней. Блейд, удобно устроившись на куче мусора за огромным шатром Садды, собирался полакомиться объедками, которые бросил ему Аплоний. Сам Аплоний, напомаженный и надушенный, уже собрался было уходить, но тут появилась Садда, и он мгновенно согнулся в раболепном поклоне. Блейду почему-то стало его жаль.

Заметив, что Блейд спокойно разглядывает приближавшуюся владычицу, Аплоний тут же стегнул его по лицу.

– Вниз глаза, свинья!

Блейд опустил взгляд.

Садда, как всегда, было одета в короткую жилетку, оставлявшую грудь нагой, лицо женщины скрывала вуаль. Аплоний, наконец, выпрямился и отсалютовал ей плеткой.

– Хороший день сегодня, госпожа. Но ваша красота, как обычно, затмевает солнце. Чем верный Аплоний может услужить вам?

– Вымой его, – Садда указала на Блейда. – От него смердит, словно от сгнившего трупа. А потом подбери ему подходящую одежду. Мои служанки помогут тебе.

Она повернулась и пошла прочь. Аплоний поглядел на Блейда, и тот увидел ужас в его глазах.

– Твоя смена кончилась, приятель, – ухмыльнулся разведчик. – Теперь моя очередь.

Аплоний с яростью хлестал его, пока не выдохся вконец и не покрылся потом. Блейд стоически принял наказание, предчувствуя, что черные дни миновали.

Затем его сунули в чан с горячей водой и хорошенько отскребли и оттерли. Занимались этим служанки, которые раньше хихикали над ним. Теперь они уже не смеялись, а лезли вон из кожи, стараясь ему угодить. Их восхищали его гигантские мускулы, но они осмеливались касаться его тела только мочалкой.

Блейда надушили, подстригли волосы на голове и бороду, затем он был облачен в безрукавку и короткие кожаные штаны. Пока служанки вертелись вокруг него, подстригая, умащивая и ублажая, разведчик ухитрился стянуть стальной нож с кривым лезвием.

Вечером, когда его привели обратно к загону, стражники у ворот сняли с него

уродливый деревянный ошейник.

– Поздравляю, Блейд, – приветствовал его охранник, открывая замок колодки, – ты высоко взлетел. Правда, я не стал бы меняться с тобой – скоро ты все равно умрешь. Как Аплоний.

Блейд не обратил внимания на это краткое напутствие. Вцепившись в свой ошейник, ставший теперь ненужным, он спросил:

– Могу оставить его себе?

– Он так тебе понравился? – удивился страж. – Бери.

Охранники, видимо, уже получили распоряжения насчет Блейда – сегодня они вообще не обращали внимания на то, что он открыто болтает с Бейбером.

Безногий принялся к Блейду и, рассмеявшись, покачал лысой головой.

– Вот видишь, я же говорил тебе. Но зачем ты притащил сюда свой старый ошейник?

Блейд оглянулся и незаметно сунул ему под солому кривой нож. Бейбер снова покачал головой и восхищенно уставился на приятеля.

– Не очень-то разумно, сир. Зачем рисковать, добывая эту штуку? Что я, безногий, буду делать с ножом?

Блейд бросил ему на колени деревянный ошейник.

– Вырежешь из него четыре небольших колеса. Я постараюсь раздобыть доску для платформы и осей. Мы сделаем тебе тележку.

– Здорово, – кивнул Бейбер. – Я бы сам не догадался. Но что дальше?

Блейд изучающе поглядел на старика.

– Разве ты сам не говорил мне? Кое-что должно случиться. Причем скорее, чем ты думаешь. И ты должен быть готов к этому.

– Слышал что-нибудь? – Бейбер заерзал на соломенной подстилке.

– Нет. Но теперь у меня больше свободы, и я знаю, что с ней делать.

– Не торопись, Блейд, – Бейбер нахмурился. – Золотой ошейник не значит, что ты стал свободным человеком. Наоборот, ты будешь полностью зависеть от прихотей Садды, а она переменчива, как ветер зимой. Переспит с тобой разок-другой и велит резать.

Блейд, уверенный в своих талантах, усмехнулся:

– Не думаю. Но я хотел поговорить с тобой о другом. Расскажи мне о карлике. Кто он?

Бейбер опустил глаза, его дружелюбное лицо внезапно приняло замкнутое выражение.

Подождав немного, разведчик настойчиво произнес:

– Пойми, мы все вступили на опасную тропу – и я, и ты, и воевода Растум. Да и карлик, пожалуй, тоже. И я считаю, нам стоит объединить усилия. Поэтому я должен знать, враг он или нет.

Старик нахмурился и почесал свою плешь.

– Я не могу поведать тебе всей правды, – признался он. Скажу только, что Морфо, как ты или Растум, работает на себя. И мне кажется, ты можешь доверять ему, – он снова поскреб плешь, подумал и добавил. – Возможно, это будет нашей смертельной ошибкой...

Часом позже, когда за Блейдом пришли стражники, Бейбер осторожно шепнул ему:

– Они отведут тебя к Садде. Будь осмотрительным. Кто знает, может нам обоим суждено прожить подольше.

Блейд поднялся и отряхнул солому со своих штанов.

– Не забудь про колеса, старик.

В небольшой палатке стражей ярко горел факел. Сидевший за столом воин очищал от крови блестящий золотой ошейник, тряпка в его руках покрылась яркими алыми пятнами. Блейд понял, что ему, увы, не придется свести счеты с Аплонием.

Монг закончил свою работу и передал ошейник другому воину:

– Надень это ему на шею.

Блейд стоял неподвижно, пока охранники закрепляли золотой обруч на его мощной мускулистой шее. Ошейник сел на нее очень плотно. Один из монгов безуспешно попытался просунуть палец под блестящую полосу металла.

– Эй, да у этого парня шея как у вола! Садде придется заказывать новый ошейник.

– Или новую шею, после того, как эту разрубят, – заржал его напарник и повернулся к Блейду. – Знаешь, ты у нее уже десятый за два года, так что лучше начинать молиться Оби прямо сейчас.

После такого многообещающего вступления его отвели к высокому черному шатру. Стражники проводили его через несколько коротких коридоров с матерчатыми стенками, разделявшими шатер на множество небольших комнат. Наконец они остановились перед занавеской из плотной золотистой ткани, из-за которой доносился слабый, но вполне отчетливый аромат благовоний. Здесь стражи, не сказав ни слова, повернули обратно. Блейд пожал плечами, откинул занавес и сделал шаг вперед.

В центре покоя стоял высокий подсвечник из резного дерева, на котором помаргивала неярким пламенем свеча из желтоватого воска. С минуту Блейд стоял неподвижно, давая глазам привыкнуть к столь скудному освещению. Затем он разглядел тяжелые, отливающие золотом, ковры на стенах и ложе в дальнем углу, по форме оно почти не отличалось от того, на котором он спал с Лали. Помещение наполнял аромат благородного лакированного дерева, смешанным с легким мускусным запахом духов Садды.

Она сидела в двух шагах от него на низком деревянном стульчике по другую сторону входа; из всей одежды на ней сейчас осталась только полупрозрачная вуаль, прикрывавшая лицо. Отблески света играли на обнаженной, натертой маслом коже, на блестящих черных волосах, закрученных в какую-то замысловатую спираль; это величественное сооружение поддерживалось несколькими деревянными заколками. Ногти на ногах и руках горели ярко-алым, предплечья перехватывали два массивных золотых браслета.

Садда шевельнулась, и браслеты ослепительно засверкали, отразив пламя свечи

– Ты все еще не желаешь кланяться мне, Блейд?

Он был готов к этому вопросу и решил придерживаться своей рискованной тактики до конца.

Скрестив на груди могучие руки, он нежно улыбнулся женщине.

– Я не стану кланяться, моя госпожа. И не думаю, что ты на самом деле этого хочешь. Тебе нужен настоящий мужчина, а не дрожащая крыса. Если я не прав, то мне скоро придется заплатить за свою ошибку.

Под вуалью блеснула белозубая улыбка, и Блейд облегченно вздохнул. Он выиграл и на этот раз.

– Ты отчаянный человек, Блейд. Но все верно, ты угадал. Я следила за тобой последние дни – ты настоящий мужчина. И сейчас тебе предстоит последнее испытание. Но сначала хочу кое о чем предупредить тебя. Запомни, второго предупреждения не будет.

Садда резко хлопнула в ладоши, ковер на одной из стен сдвинулся вбок и пропустил в комнату двух телохранителей. Это были те самые щеголеватые и веселые молодые воины, которые встретили его у забора. Теперь они не смеялись и выглядели весьма серьезно, даже торжественно. Молча склонившись перед Саддой, они застыли неподвижно, глядя на Блейда, словно на пустое место.

– Они всегда со мной, Блейд, – проворковала Садда. – И у них отличный слух... стоит мне шепнуть слово, и они придут. Хорошенько запомни это.

Женщина махнула рукой, и безмолвные стражи исчезли так же стремительно, как и появились.

Хорошо, он запомнит. Внезапно Блейда поразила мысль: ведь она боится его! Кто ведает, может быть, в этом – главная причина его притягательности? Он словно опасная игрушка в руках любопытного ребенка.

Садде, похоже, не понравилось, что пленник с таким спокойствием воспринял появление ее телохранителей: она вновь шевельнулась в кресле, и ее браслеты опять разбросали по комнате веер желтоватых бликов.

– Ты знаешь, Блейд, я никак не могу придумать для тебя подходящее имя. Наверно потому, что ты такой странный. Так что я буду звать тебя просто Блейд. Не сир Блейд – я

полагаю, что это слишком сложное имя для раба.

– Ты права, – согласился разведчик. – Все равно я потерял право на этот титул, попав в плен.

И тут она в первый раз расхохоталась. К его удивлению, смех Садды показался ему очень приятным, похожим на веселый бархатистый перезвон маленьких колокольчиков. Ее белоснежные зубы вновь блеснули из-под темной вуали.

Блейд тоже улыбнулся и слегка склонил голову.

– Я рад, что смог доставить тебе удовольствие, моя госпожа.

– Только для этого ты здесь и находишься, – вновь засмеялась она. – Ты должен развлекать меня – как я захочу и сколько захочу. И пока у тебя это будет получаться, ты можешь быть спокоен за свою шею.

Спрятав в ладонь подбородок, она серьезно поглядела на Блейда.

– Я видела, как ты убил Коссу. Кхад посадил меня под стражу, но я натянула какие-то тряпки и, выскользнув из шатра, быстро смешалась с толпой. Это по моему приказу перед тронем Кхада вырыли ловушку, в которую ты угодил... Видишь, ты охотился за мной, а я – за тобой... – ее зубы снова сверкнули в улыбке. – Когда ты сражался с Коссой, я заметила в тебе только ненависть. Но теперь ты ласков со мной. Почему?

– Я не ласков, – грубовато ответил он. – К чему нам вспоминать о таких вещах? Я – твой раб. Ты послала за мной, и вот я здесь. Не стоит терять времени.

Она откинула голову и засмеялась.

– А ты нетерпелив, Блейд, очень нетерпелив! Вспомни, я решаю, что мы будем делать – говорить или заниматься любовью. И ты не притронешься ко мне, пока я не разрешу.

– Я понимаю, моя госпожа, – Блейду казалось, что он уже подобрал ключик к капризам этой особы. Нужно быть смелым, но не безрассудным. Лстить, но не унижаться. Если он сумеет постоянно подогревать ее интерес, то несколько приятных месяцев до отправки домой ему обеспечены.

Садда встала и подошла к нему.

– Не двигайся, – она предупреждающе подняла ладонь.

– Как пожелаешь. – Скрестив руки на груди, Блейд терпеливо ждал, с трудом подавляя разгоравшееся желание.

Она остановилась и стала потягиваться словно кошка, коснувшись пальцами низкого потолка; ее груди прыгнули вверх. Садда сделала пируэт, по-прежнему не спуская глаз с Блейда.

Ее натертая маслом кожа блестела подобно расплавленному золоту; плоский живот отражал пламя свечи как бронзовое зеркало.

– Я нравлюсь тебе, Блейд? Ты хочешь меня?

Пожалуй, на этот вопрос он мог бы ответить совершенно искренне. Ему становилось все труднее дышать от едва сдерживаемого напряжения, и лишь гигантским усилием воли он сохранял спокойствие.

– Я мужчина, моя госпожа, – он коротко кивнул. – И я хочу тебя. Долго ли мне еще ждать?

Она рассмеялась негромким горловым смехом.

– Столько, сколько я пожелаю, Блейд. Удовольствие надо растянуть... и существует не единственный способ вкушать его.

Она улыбнулась и, схватив Блейда за руку, повлекла к ложу. Медленно она опустилась на колени, затем перекатилась на спину и раздвинула ноги.

– А теперь покажи мне, на что ты способен, Блейд, – ее голос срывался от возбуждения. – Возьми меня... Докажи свою силу...

Блейд опустился на нее, ощущая жаркий трепет покорного тела.

– Докажи мне, докажи... – звенело у него в ушах.

Глава 10

Блейд спал теперь на пушистом ковре перед золотистой занавеской, закрывающей вход в покои Садды. Как ее любимый постельный раб, он получил плетку и деревянный кинжал. Эти символы его нового положения весьма удивили охранников монголов; теперь они относились к нему с таким же презрением, как прежде к Аплонию. Если бы Блейд предпочел умереть, но не ложиться с Саддой в постель, они стали бы восхищаться им, как уже было однажды; они сложили бы о нем песни и помнили о храбреце долгие годы. Теперь же он превратился для них в еще одного трусливого раба, который спас свою жизнь, потеряв честь. Они явно его недооценивали. И это было хорошо.

Когда в четвертый раз Блейд покинул сладко спящую Садду на ее ложе, закрыл занавеску и устроился на своем ковре, откуда-то из-за стены послышался тоненький шепот:

– Сир Блейд, ты здесь? Сир Блейд?

Разведчик тяжело приподнялся, сонно помотал головой и почесал ухо. Неужели ему померещилось?

– Сир Блейд, ты слышишь, меня? Это я, Морфо!

Блейд сел, зевая и протирая глаза. В конце коридора горел одинокий факел; по стене двигалась едва заметная тень вышагивавшего снаружи охранника. Больше – ни звука, ни шевеления. Садда спит, в этом он был уверен на сто процентов.

– Да где же ты? – недовольно прошептал Блейд.

– Слева от тебя, в комнате Трины. Она спит и не знает, что я залез сюда. Слушай внимательно, сир Блейд, у меня слишком мало времени.

Прислушиваясь к тихому шепоту карлика, Блейд ощутил странное удовлетворение. Для этого человека он остался сиром Блейдом. Да, от многого пришлось отказаться, чтобы сохранить себе жизнь, и это совершенно его не радовало.

Он повернулся на коврике, приблизив голову к плотной матерчатой перегородке, отделяющей закуток служанки от коридора.

– Я слышу, тебя, Морфо. – Он ясно представил себе маленького человечка, скорчившегося за стеной в своем дурацком костюме, с вечно жизнерадостной ухмылкой на изборозженном морщинами лице.

– Ты сможешь утром зайти в загон к Бейберу? – продолжал шептать Морфо. – Он скажет тебе то, что я не успею... времени слишком мало. Вы уже беседовали с ним об этом, но обстоятельства изменились. Ты понял меня?

Блейд уже совсем проснулся. Расширившимися глазами он следил за смутной тенью охранника.

– Бейбер говорил мне о переменах.

– Да, о переменах. Постарайся пробраться к нему завтра, и он расскажет тебе больше.

Молчание.

– Морфо, – позвал Блейд, но ему никто не ответил. Гном исчез так же бесшумно, как проник сюда. Блейд почувствовал, что теперь ему не уснуть; мозг моментально включился в работу, просчитывая варианты событий. Что же заставило Морфо рисковать шкурой, пробираясь сюда? Неужели время пришло?

Утром удача вновь улыбнулась Блейду. Садде пришлось уехать к Кхаду, и она забрала с собой всех служанок и часть охраны. Его госпожа выглядела встревоженной, но, прощаясь с ним, улыбнулась и погладила по щеке, словно любимую собаку. Затем на лицо ее набежали тени; вскочив в седло, Садда прищипорила лошадь и умчалась.

Ходили слухи, что Кхад снова обезумел, и никто, даже его сестра, не может чувствовать себя в безопасности. В такое время он страстно ее желал, рыдая от ярости, потому что искалеченное тело отказывалось ему служить. А монги молились и прятали своих малолетних дочерей.

Блейд не спеша оседлал своего конька и, состроив гримасу, – точь в точь как у Аплония, когда тот снисходил до разговоров с охраной загона, – тронулся в путь. Стражники, заметив его, сникли и стали неуверенно переглядываться.

Пока разведчик спешил, в голову ему пришла замечательная идея. Возможно, ему удастся убить двух зайцев одной стрелой.

– Я пришел посмотреть на старого дурака Бейбера, – гордо провозгласил он. – Этот болван испортил слишком много хорошей соломы, пролеживая на ней бока и надуваясь бросом. Госпожа сказала, что я могу завести собственного раба. И я выбрал Бейбера, потому что моя плетка сильно скучает по его спине.

– Да, всемогущий повелитель, – ухмыльнулся охранник, – как скажешь. Но разве ты способен приделать ноги калеке?

– Еще как, болван, – Блейд не снизошел до объяснений. – И ты мне в этом поможешь. Сходи-ка к фургонам и принеси мне доску вот такой величины, он растопырил руки и показал, какая доска ему нужна.

– Но, сиятельный господин, – засомневался охранник, – дерево так дорого. Не стоит тратить его на ничтожного раба.

Это было чистой правдой. Монгам приходилось рубить деревья в дальних северных лесах и возить бревна и доски в фургонах.

Прикинув, как поступил бы на его месте Аплоний, Блейд решил рассердиться.

– Делай, как я сказал! – его плетка свистнула и опустилась на голову стражника. – Или я пожалуюсь госпоже!

Монг отступил на шаг и потер щеку, на которой наливался кровью рубец. Его глаза с ненавистью уставились на Блейда.

– Ладно, великий воевода, – он притворно поклонился. – Я не могу сейчас отлучиться с поста, но пошлю человека за доской, которая тебе нужна.

– Ну, смотри, – Блейд щелкнул плеткой и нырнул в загон.

Кроме Бейбера, там находилось еще три пленника, они поглядывали на Блейда из своих конур, обмениваясь непристойными замечаниями в его адрес. Разведчик не обратил на них внимания – это были всего лишь воры, ожидавшие, пока палач отрубит им правую руку.

Бейбер, завидев Блейда, подполз к выходу из своей хижины и настороженно уставился в его лицо. Видимо, он хотел определить, изменился ли его приятель за эти четыре дня, и если да, то в какую сторону.

Блейд без предисловий вытянул его плетью.

– Мне придется отхлестать тебя, – тихо произнес он, – иначе все покажется слишком подозрительным.

Бейбер мигнул и склонил голову.

– Конечно, мой друг. Только не переломай мне кости... Гному удалось до тебя добраться?

– Да. – Блейд обрушил еще один удар на его спину. – Поэтому я здесь. Что случилось? Старик вновь поднял голову.

– Я вижу, ты не изменился. Хотя выглядишь, как петух в курятнике.

Блейд еще раз вытянул его по спине, затем шагнул назад и громко заговорил:

– Не смей глядеть на меня, падаль! Я говорю, ты будешь служить мне! У меня даже такое дерьмо, как ты, забегает не хуже обезьяны!

– Неплохо у тебя получается, – ухмыльнулся Бейбер.

– Давай, не тани, – потребовал Блейд. – Я не могу околачиваться здесь целую вечность. Садда не знает, где я, но если пронюхает, мне обеспечена масса неприятностей.

– Карлик вчера приходил и ко мне, – начал Бейбер, – пошептаться. Слушай-ка, – он опасно глянул по сторонам, – не забывай про плетку, а то стражники не поверят.

Блейд, изрыгая проклятия, снова стегнул его.

– Растум уже готов, – сообщил Бейбер. – Через три дня состоится празднество по случаю именин Кхада, тогда он и ударит. Если пойдешь с ним, для тебя найдутся доспехи и оружие.

– Я готов, – разведчик кивнул, покосившись в сторону стражей. – Но как нам встретиться и все обговорить? Он военачальник, я – раб; я не могу свободно передвигаться

по лагерю. Он сумеет вызвать меня?

– Судьба уже позаботилась об этом. Поймали шпиона из-за стены. Под пыткой он признался, что императрица Мей послала его к тебе на выручку. Кхад пришел в ярость, и Растум все время подогревает его гнев. Он говорит, что тебя надо посадить под замок, пока более удачливые шпионы не помогли тебе вырваться отсюда.

Блейд нахмурился. Сейчас такая перспектива его мало устраивала.

– Почему же этого не сделали сразу?

– Кхад болел... Потом есть еще и Садда... Она тебя защищает. Наверно, ты произвел на нее неотразимое впечатление.

Эта новость показалась разведчику весьма примечательной, и он решил поразмышлять над ней немного попозже.

– Слушай, Бейбер, – задумчиво сказал он, снова замахнувшись плеткой,

– а Садда и Растум не могли сговориться?

– Исключено, клянусь тебе! Растум не доверяет ей. Она, конечно, оказывает ему знаки внимания, я тебе это уже говорил, но он только улыбается и молчит. А почему ты спрашиваешь, Блейд? Разве Садда сказала тебе, что Растум – ее человек?

– Нет, – разведчик покачал головой. – Мы мало разговариваем. Она предпочитает другие занятия.

Бейбер помрачнел.

– Ну, ладно. Будем рассчитывать, что она не успеет вмешаться, и Растум без помех наложит на тебя лапы. Вот тогда вы встретитесь и обо всем поговорите.

Внезапно Бейбер повалился под ноги Блейду, потрясая кулаками и выкрикивая ругательства.

Блейд оглянулся. Все правильно – подходил охранник с доской.

– Ты сделал колеса, как я приказывал? – плеть снова запела в воздухе.

– Да, – шепнул Бейбер. – Они спрятаны в соломе вместе с ножом.

– Хорошо. Сейчас принесут доску. Сделай из нее все, что нужно, и не забудь про пару костылей – иначе будешь отталкиваться от земли кулаками. Мне уже пора. Прости, старик, что я тебя так отколошматил.

Залитое кровью из садины на лбу лицо Бейбера ухмыльнулось вслед Блейду.

– Я буду молиться своим богам. До свиданий, мой друг.

Подошел страж и швырнул доску в конуру калеки.

Садда не вернулась этой ночью. Блейд, свернувшись на коврике, строил предположения о том, чем закончится история, в которую он ввязался. На Земле он был экспертом по комбинациям подобного рода, но здесь, без агентурной сети, без огнестрельного оружия и прочих благ цивилизации, приходилось рассчитывать только на себя.

Итак, Лали готова помочь ему несмотря ни на что. Значит, она его не забыла. Как бы он хотел сообщить маленькой императрице, что с ним все в порядке, поддержать и утешить ее! Одно плохо: ее старания могут привести к тому, что его просто тихо зарежут, чтобы не устраивать лишних неприятностей.

Где-то в ночи громко бабахнула пушка. Но на этот раз нефритовый снаряд угодил прямо в палаточный лагерь. Послышались яростные крики и стоны раненых. Видимо, катайцам надоело только устрашать монгов и попусту тратить нефрит.

Мысли Блейда вернулись к Кхаду. Надо же! Извращенец, насилующий детей! Интересно, у воеводы Растума есть дочь? Кто ведает? Он знал только, что воевода – не монг, и что он удачливый наемник. Но будет ли монгам спокойнее под его рукой?

Да, несомненно. По крайней мере, Растум не сумасшедший и не насилует детей. Он умный человек и, следовательно, с ним всегда можно столковаться... Во всяком случае, Блейд хотел бы рассчитывать на это.

Уже засыпая, он подумал, что два человека, сильных и властных, могут легко стать врагами. Но – после. Потом, когда все закончится.

Глава 11

Блейда взяли под стражу на следующее утро. Когда он, зевая и потягиваясь, выбрался из шатра, шестеро воинов уже поджидали его. Даже не удосужившись отобрать кинжал и плетку, монги, посмеиваясь, погнали его к лагерю, подталкивая в спину тупыми концами копий.

Его оставили в небольшой палатке у входа в шатер Кхада, приказав заткнуться и ждать, пока позовут. Буквально через три минуты в палатку ворвался Растум, сверкая инкрустированными серебром доспехами. Теребя тяжелую серебряную цепь, он принялся молча расхаживать из угла в угол, изредка бросая на Блейда изучающие взгляды. Воевода явно пребывал в нерешительности. Наконец он остановился и спросил:

– Ты говорил с Бейбером?

– Да, мой господин, – отозвался Блейд с подчеркнутым почтением. Это далось ему нетрудно – он и в самом деле начинал уважать смелого и решительного воеводу.

Растум погладил бороду и нахмурил брови.

– Буду краток. Я смог устроить нашу встречу только потому, что Кхад снова неважно себя чувствует. – Блейду показалось, что Растум с едва сдерживаемым отвращением произносит имя повелителя.

– Да, я знаю, – кивнул он.

Лицо полководца расплылось в улыбке.

– Подозреваю, что тебе известно много других любопытных вещей. Я внимательно следил за тобой, Блейд. С ролью раба ты справляешься неплохо, только меня не одурачить. Впрочем, неважно; главное – ты со мной?

Теперь настало время немного поторговаться.

– Если ты имеешь в виду убийство Кхада, – почти шепотом произнес разведчик, – то, конечно, я с тобой. Но что будет дальше? Что я выиграю от этого?

Глаза воеводы сузились.

– Свободу, Блейд. То, чего ты желаешь больше всего на свете. И еще власть – ты станешь вторым в орде после меня. А когда появится твой выкуп

– тут Растум усмехнулся, – если он вообще появится, ты сможешь вернуться в Кат. Но я надеюсь, что ты не захочешь уехать туда. Я видел, как ты убил Коссу, и мне будет жалко расставаться с таким воином... хотя появление твое загадочно, а сам ты – сплошная тайна. Ладно! Итак, ты со мной?

– Да.

– Тогда слушай внимательно. Сейчас мы отправимся к Кхаду, иначе наша встреча будет выглядеть слишком подозрительно. Я не думаю, что тебе грозят какие-нибудь неприятности; в любом случае, Садда не даст тебя в обиду. Однако лучше помалкивай – у него помутился разум, так что не стоит зря гневить безумца. Кроме того, мы должны и Садду обвести вокруг пальца. Поэтому следующие два дня старайся ублажать ее поосновательней. Все ясно?

– А если госпожа не пожелает тратить время на такие пустяки? – полюбопытствовал Блейд.

– Тебе придется приложить максимум усилий, чтобы она пожелала. По крайней мере, пока Кхад отмечает свой день рождения... а там уже будет все равно.

Они поговорили еще примерно с пять минут. Потом Растум аккуратно разбил Блейду губу – так, чтобы натекло побольше крови. В таком виде его и препроводили пред светлые очи – вернее око – Опоры Мира и Сотрясателя Вселенной.

К удивлению разведчика, на этот раз шатер Кхада оказался совершенно пустым. Только музыканты жались в углу, да полдюжины стражей несли дежурство у возвышения с тронами; очевидно, все остальные подданные всемогущего заблаговременно убрались подальше. В группе воинов Блейд заметил закованного в цепи человека. Очевидно, это и был тот самый

лазутчик из Серендина, которого Лали послала ему на выручку. На помосте теперь стояли три кресла – рядом с тронном Кхада находилось еще одно резное деревянное креслице, где расположилась маленькая девочка в обтягивающих штанишках и мягких кожаных башмачках; кожаная курточка почти не закрывала ее еще не оформившейся груди. Шагнув ближе к помосту, Блейд с любопытством поглядел на ее симпатичное заплаканное личико. Конечно, женщины монгов взрослеют рано, но ей нельзя было дать больше десяти лет.

Кхад наклонился к девочке, погладил ее шелковистые волосы и что-то прошептал на ухо. Она бросила на него внимательный взгляд и величественно кивнула.

Теперь Блейд рассматривал Садду. Ее сложная прическа, несмотря на столь ранний час, оказалась в полном порядке, но морщинки усталости под глазами были заметны даже сквозь вуаль. Она взглянула на него и быстро отвернулась.

У Кхада в ногах удобно устроился карлик Морфо. Он, по обыкновению, вообще не обращал на Блейда внимания, притворяясь, что занят только своими блестящими разноцветными шариками.

Кхад, заметив разведчика, попытался распрямить спину и уставился на него единственным здоровым глазом.

– Эта сучка императрица Мей очень беспокоится о тебе, – начал он без предисловий. – Она даже послала шпиона, который должен был выкрасть тебя.

– Кхад ткнул пальцем в обмотанного цепями человека. – Ты знаешь его, Блейд?

Разведчик покачал головой.

– Я никогда не видел его, о Сотрясатель Вселенной. – Это была чистая правда.

Безумный глаз Кхада блеснул в свете факелов; его черный помутневший зрачок тяжело ворочался в оправе желтоватого, налитого кровью белка. Рот повелителя скривился в улыбке, обнажив сырые крошащиеся зубы.

– Он тоже говорит, что ты не мог его знать. Но мой воевода не верит ни ему, ни тебе. И он попросил меня разобраться с этим делом.

Серендинца грубо пихнули вперед, и его цепи жалобным звоном на мгновение заглушили тихо льющуюся из дальнего угла музыку.

Кхад вытянул жилистую шею, впившись в лица обоих пленников.

– Так ты никогда не видел его? – выдохнул он, схватив Блейда за плечо.

– Никогда.

Лазутчик носил доспехи десятника армии монгов, кожа у него на руках и лице была натерта каким-то снадобьем; теперь темный слой шелушился и отходил, оставляя после себя розовые пятна. С подбородка пленника все еще свисали клочья редких черных волос. Его фальшивая борода почти отклеилась, и большая ее часть прилипла к кожаному нагруднику.

Кхад повернулся лицом к шпиону и вперил в него горящий яростью глаз.

– А ты видел раньше этого человека?

Лазутчик равнодушно посмотрел на Блейда.

– Видел. Это сир Блейд, тайный советник, прибывший к ним из Пукки больше месяца назад. Он убил вашего лучшего бойца и был захвачен в плен, когда под ним пала лошадь. Меня послали к вам в лагерь, чтобы я попытался устроить ему побег. Но мне не удалось даже найти его.

Да, шпион не скрывал ничего; однако он все еще старался выгородить Блейда.

– Я говорю правду, – заявил пленник. – За это мне обещали легкую смерть.

Вот почему у него так быстро развязался язык!

Выпученный глаз Кхада с изумлением уставился на серендинца.

– Я не давал такого обещания!

– Человек, который пытал меня, подтвердит, что... – лазутчик вытянулся во весь рост, крепко сжимая кулаки; по его бледному лицу струился пот, дыхание перехватило.

Садда, не отрывая глаз от Блейда, припала к уху своего безумного брата.

– Ты ведь слышал, повелитель, Блейд не собирался бежать от нас. Разреши мне забрать его. Шпион из Серендина сказал правду под пыткой, – громко шептала она.

Кхад вдруг громко расхохотался. Этот необузданный приступ веселья постепенно превратился в истерику – он бил себя кулаками в грудь и смеялся, пока слезы не брызнули из глаз.

– Я знаю, сестра! Я знаю, что он тебе нужен! Иначе кто же будет согревать твою постель? Я не стану судить его. Пусть моя лошадь рассудит! – Сотрясатель Вселенной хрипел и бесновался на троне. – Привести сюда Громобоя! Пусть он решит!

Блейд, моментально сообразив, в чем дело, рискнул взглянуть на Морфо. Значит, конь будет ему судьей! И если карлик, намерен выдать его, то сделает это именно сейчас.

Чернокожий невольник ввел Громобоя в шатер. Конь оказался таким же мохнатым, как и прочие лошадки монголов, но выглядел гораздо массивнее. Он спокойно ступал по дощатому полу; режущая уши музыка совершенно не раздражала его. Блейд догадался, что жеребца, по-видимому, весьма часто используют для подобных представлений.

Громобоя подвели к самому трону, и Кхад, болезненно скривившись, нагнулся, чтобы потрепать его косматую гриву.

– Ты должен ответить на несколько моих вопросов, дружок, – голос Всемогущего смягчился. – Сначала разберись с этой серендинской обезьяной. Какой смерти он заслуживает?

Блейд, затаив дыхание, следил за растянувшимися в улыбке губами карлика.

– Он заслуживает самой жестокой смерти, хозяин, – гулким басом произнес Громобой. Если бы Блейд не имел понятия о чревоуещании, то наверняка счел бы все происходящее чудом. Сейчас же ему оставалось только дивиться изумительному искусству гнома, хотя Морфо произнес совсем не то, что ему хотелось бы услышать. Но разве бедолага мог вынести иной приговор? Он должен был говорить те слова, которые желает слышать его властитель.

Блейд еще раз взглянул на карлика, Морфо, с совершенно отсутствующим видом, вертел в пальцах свои шарики.

– А этот? – палец Кхада переместился на Блейда. – Что с ним делать? Отдать его сестре, как она просит?

Лошадь словно застыла в раздумье. Яркие шарики без устали крутились в руках карлика.

– Блейд не виноват, – изрек, наконец, Громобой. – Давай не будем наказывать его, хозяин. Он просто ждет, пока за него внесут выкуп... много, много золота! Так пусть подождет в палатке твоей сестры, раз ей этого хочется.

Кхад обернулся и победно взглянул на Садду.

– Громобой согласен с тобой, моя дорогая сестра. Это подозрительно! Признайся, ты опять тайком кормила его сладостями?

Садда присоединилась к общему хохоту.

– Ты мудро поступил, брат, разрешив Громобоему рассудить этих людей. Смотри, скоро он окажется умнее нас обоих.

Кхад поднял руку.

– Блейд невиновен. Я возвращаю его Садде на прежних условиях. А второго – на виселицу! Пусть все, кто сейчас не занят, приходят посмотреть на казнь.

Блейд, очищенный Громобоем от подозрений, сопровождал Садду в ее шатер. Он шел в двух шагах позади хозяйки, сложив руки на груди и склонив голову – настоящий образец рабского усердия. Около шатра Садда отпустила служанку, которая всегда находилась при ней, и подозвала Блейда поближе.

– На этот раз пронесло. – Темные глаза испытующе глядели на него из-под вуали. – Не знаю, почему я так старалась спасти тебя?

Он позволил себе улыбнуться:

– Потому, что я хорошо служу тебе, моя госпожа.

– Наверно... Но если ты попадешься еще раз, тебя уже ничто не спасет.

– Разве я виноват во всей этой истории?

– Да, ты прав... – Но интересно, почему Растум так хотел тебя допросить? У вас с ним какие-то счеты? – Блейд покачал головой, и она вздохнула. – Загадочный человек этот Растум. Во всяком случае – для меня.

Они обогнули шатер и вышли на открытое место, где ни служанки, ни охранники не могли услышать их.

– Пожалуй, я дам тебе одно поручение, Блейд. – Темные глаза строго смотрели на него из-под полупрозрачной дымчатой ткани. – Ты будешь присматривать за Растумом. Только незаметно! Ты ведь очень хитер... вот и используй свою хитрость. Я хочу знать, куда он ходит, что делает, и с кем говорит. Ты понял?

Блейд, сразу определив, что этот знак доверия означает для него очередное повышение по службе, напустил на себя озабоченный вид и принялся, не жалея сил, развивать успех.

– Я понял, моя госпожа. Но для этого мне требуется большая свобода. Я не могу следить за Растумом из женских покоев.

– Знаю, – кивнула она. – Ты получишь столько свободы, сколько нужно. Но предупреждаю тебя Блейд, – алый ноготок уперся ему в грудь, – если ты задумаешь меня предать, то умрешь не столь милосердной смертью, как ваш лазутчик.

Этой ночью Блейд занимался с Саддой любовью гораздо дольше и усерднее обычного. Наконец он, уже совсем обессиленный, прижался к ней и задремал. Однако Садда никак не могла уснуть. Она крутилась и вертелась у него под боком; потом, приподнявшись на локте, зашептала в ухо:

– Послушай, Блейд, ни один мужчина раньше не дарил мне столько радости... Я начинаю испытывать странное чувство... И это мне не нравится.

Блейду пришлось срочно просыпаться и вновь напяливать на себя маску рабской покорности, которая так надоела ему за день.

– А разве тебе встречались раньше настоящие мужчины? – полусонно спросил он.

Она ласково прижалась к его широкой спине.

– Я думала, что они – настоящие мужчины. У меня их было немало – Косса, которого ты убил, и многие другие знаменитые воины... даже император Сака Мей, – она осторожно погладила его плечо. – Еще неделя, и он сдал бы нам стену. Я до сих пор удивляюсь, кто же его убил? Брат под страхом смерти запретил воинам трогать его... И все же императора прикончили, а стена как стояла, так и стоит. Наверно, Кхаду никогда не удастся получить Громового Дракона... Если бы я только знала, кто из моих воинов так расстарался и угробил Сака Мея! Он выл бы на дыбе целую неделю!

Блейд промолчал. Ему было хорошо известно, кто расстарался и угробил императора. Но сейчас его больше интересовало, где и как Сака Мей и монгская принцесса ухитрились заниматься любовью. Однако проявлять любопытство по этому поводу явно не стоило.

Нет, Садда сегодня преподносила ему сюрприз за сюрпризом! Она нежно поцеловала его плечо – там, где ее алый ноготок в момент наивысшего наслаждения оставил длинную царапину.

– А почему ты не спрашиваешь меня про Сака Мея? Разве тебе не интересно, Блейд?

Разведчик ухмыльнулся:

– Я – раб, моя госпожа. Мне не пристало интересоваться такими вещами.

– Да, я вижу, ты хорошо это усвоил. Но сегодня ты был особенно нежен со мной, так что я расскажу тебе кое-что. Но помни – мои тайны никто не должен знать!

– Клянусь, моя госпожа!

Как она объяснила Блейду, в стене были еще одни небольшие ворота, которые находились довольно далеко от лагеря. И Садда, в компании своих доверенных слуг, иногда останавливалась там во время прогулок по степи – и даже разбивала палатку. А Сака Мей, пылая страстью, сбегал от своих капитанов, своих советников и своей жены. Его страсть росла, и однажды он пообещал сдать стену монгам, а императрицу преподнести Садде в качестве свадебного дара.

– Еще одно великое разочарование, – вздохнула Садда. – Я уже приготовила для этой

сучки клетку с голодными обезьянами, а тут...

Блейд с трудом удержался от смеха. Клетка для Садды. Клетка для Лали. Эти девочки были слишком похожими друг на друга!

Садда надолго умолкла. Блейд решил, что она заснула, и стал размышлять о причинах неожиданной откровенности, которой хозяйка удостоила его этой ночью. Что послужило толчком к этому – его сексуальные способности или ее желание поделиться с близким человеком? В следующие пять минут он это выяснил.

– Блейд?

– Да, моя госпожа?

– Я думала, ты заснул. Слушай, я решила довериться тебе.

Сон моментально слетел с разведчика. Что еще она ему расскажет? Тщательно взвешивая слова, он постарался дать подобающий ответ:

– Ты оказываешь мне большую честь, госпожа. И я постараюсь доказать, что достоин твоего доверия. – Лгать он умел ничуть не хуже любого монга, серендинца или каука.

Она уже снова шептала ему на ухо:

– Я хочу убить Кхада... Тогда я стану правительницей всех монгов. А ты поможешь мне.

Блейд, разыграв удивление и легкий испуг, повернул голову, чтобы увидеть ее лицо. Наверно, она ожидает как раз такой реакции... однако следует вести себя осторожно и ни в коем случае не перегнуть палку.

– Но чем могу я помочь тебе? Я всего лишь раб.

Садда не любила оставаться в полной темноте, у изголовья их постели всю ночь горела небольшая свеча. Они лежали молча, глядя друг другу в глаза.

Когда она впервые сняла вуаль, Блейд не знал, чего ему ожидать. Окажется ли она уродливой или, наоборот, ослепительно прекрасной? Но Садда не была ни дурнушкой, ни красавицей; ее нос, как у многих женщин монгов, выглядел слегка приплюснутым, но бархатные темные глаза, алый рот и высокие скулы придавали лицу своеобразное очарование, которым остальные представительницы этого кочевого племени не могли похвастать. А ладная, словно выточенная из золотистого дерева, фигурка Садды приводила Блейда в восторг.

Он увидел свое отражение в ее зрачках.

– У тебя все впереди, – мягко произнесла она. – Когда мы победим, ты будешь править рядом со мной. Нет, я не лгу... Ты обязательно будешь рядом со мной.

Блейд даже не стал притворяться – он и в самом деле был всерьез озадачен. Итак, существуют два независимых плана переворота, и он участвует в обоих... Слишком опасно! В самый ответственный момент все может так перепутаться, что ему не сносить головы.

– Почему ты молчишь, Блейд?

– Я... я должен подумать, моя госпожа. Я не ожидал такого предложения.

– Ложь. На самом деле он догадывался, что нечто подобное произойдет, только не так скоро.

– Убить Кхада... – он повертел эти слова на языке, как будто они были для него совершенно новой мыслью. – Убить Кхада совсем непросто. За ним день и ночь присматривает целая сотня телохранителей. Они преданы ему?

Она, нахмурившись, кивнула:

– Конечно. Но у меня не меньше опытных воинов.

И у Растума их наверняка столько же, подумал Блейд. Да, с каждой минутой его положение выглядит все запутаннее.

Садда погладила его по щеке.

– Если осуществится мой план, междоусобицы не будет. Я не хочу терять зря людей. Нет, я просто подожду к нему убийцу. Один удар ножом, – нежно проворковала она, – и все решено.

– Но как же подослать убийцу? Стражники утыкают стрелами любого чужака.

– Ты видел этого карлика, Морфо?

Тонкие пальцы ласково коснулись его шеи. Морфо? В своих маленьких ручках он держал теперь жизни и Растума и его, Блейда. Если он вздумает разговаривать...

– Так вот, он – мой человек. Я знаю о нем кое-что... и он будет беспрекословно мне подчиняться. Я подкинула его Кхаду, и стоит мне пошевелить пальцем, как Морфо убьет его.

Интересно, Растум знает об этом? Наверняка, нет. Блейд ощущал сейчас неуверенность; трудно сказать, как обернутся дела в таком хитросплетении интриг. Выходит, Морфо запутался еще больше, чем он. И совершенно неясно, можно ли, после всего услышанного, ему доверять? Хотя старый непоседа Бейбер, на которого Блейд полагался безоговорочно, верил гному.

– Он убьет Кхада, – добавила Садда, немного помолчав, – во время праздника. И вот тогда-то ты мне и понадобишься. У тебя будет свобода действий и настоящий стальной кинжал вместо деревянной игрушки. Вместе со мной ты войдешь в шатер Кхада и, когда карлик закончит свое дело, ты прикончишь его. Запомни, он не должен заговорить, одно его слово выдаст нас с головой.

Она рассмеялась и потерлась о его руку.

– Видишь, как все просто? Морфо обвинят в убийстве брата. А ты, зарезав его, станешь в глазах воинов героем. Я пролью реки слез и закачу Кхаду пышные похороны. Потом я стану править, а ты сядешь по правую руку от меня.

Но ненадолго, подумал Блейд. Что помешает Садде разделаться с ним – так же, как с Морфо?

– Это неплохой план, – осторожно начал он, – если считать, что карлик выполнит свою часть работы. А я совершенно не представляю, почему ты в этом так уверена.

– Зато я представляю, – вновь рассмеялась она, – но пока не скажу тебе. Приглядывай за Растумом! Я не верю в его преданность... если он кому и предан, то лишь самому себе. Я совсем не хочу, чтобы он вмешивался в мои планы, понял?

Блейд понял главное – он не может больше верить карлику и должен связаться с Растумом, чтобы обсудить услышанное этой ночью.

Садда обняла его за шею.

– Эта болтовня не дает мне уснуть... Люби меня... еще сильнее, чем прежде, или я совсем не сомкну глаз.

Внезапно Блейду стало жаль эту коварную и жестокую женщину; голос ее прозвучал так жалобно и печально... И он без возражений подчинился высочайшему повелению.

Глава 12

Блейд устало покачивался в седле, разглядывая бесконечную процессию крытых темной тканью повозок, вытянувшихся перед его глазами. Тысячи и тысячи неуклюжих, скрипящих телег на огромных деревянных колесах. Монги, наконец, отправились в путь. Безумие внезапно оставило Кхада. Наоборот, ему даже явилось во сне видение. Великий черный бог Оби, который обычно находился в своем фургоне, покинул его и предстал перед повелителем. Победа, сказал Оби, придет к тебе не здесь, а далеко-далеко на востоке.

Пробудившись, Кхад приказал сворачивать лагерь.

Все хитроумные планы рухнули. Садда, вне себя от разочарования, сказала Блейду:

– Нам придется ждать. Праздник не состоится, а в обычное время брата слишком хорошо охраняют. Сейчас его голова так занята этим божественным откровением, что он даже перестал пить бросс. Теперь разделаться с ним будет еще сложнее. Но наше время придет! Безумие снова овладеет его рассудком!

Растум тоже затаился. Утром, проходя мимо Блейда, он покачал головой и негромко шепнул:

– Терпение.

Морфо вообще исчез. Блейду казалось, что у карлика была странная привычка – время от времени пропадать неизвестно куда.

Ему удалось упросить Садду, чтобы она оставила ему Бейбера. Дав согласие, женщина внимательно взглянула на него, но ничего не сказала. А Блейд, довольный отвоеванной свободой и упрочившимся положением, еще раз напомнил себе, что идет по опасной дорожке и не должен терять бдительности.

Бейбер соорудил тележку и теперь тренировался на привалах, раскатывая меж шатров. Блейд заметил, что его вымыли, подстригли, нарядили в красивый камзол и разрешили ехать в одном из фургонов, где располагалась свита Садды. Позже разведчик ухитрился раздобыть еще одну доску и приделал к фургону нечто вроде трапа, по которому старик мог легко съезжать на землю или забираться внутрь.

Бейбер, кстати, весьма озадачил Блейда, заметив:

– Видишь, как Садда поглядывает на тебя. По-моему, тебе грозят большие неприятности. У меня была жена, Блейд, которая глядела таким же вот образом... А я, молодой дурак, не ценил ее любви... и поэтому теперь я здесь.

Садда любит его? Невероятно! Лучше уж пусть в него влюбится одна из этих обезьян-трупоедов! Такую любовь всегда можно обратить в свою пользу – по крайней мере, после похорон.

Четвертый день караван двигался на восток. С невысокого пригорка Блейд наблюдал за пыльной вереницей скрипучих повозок, тянувшихся по равнине. Далеко на горизонте змеилась желтая полоска – Великая стена, и сейчас караван все больше удалялся от нее. Наверно, патрули катайцев постоянно следят за ними, а жители ближайших деревень уже оповещены, что Кхад выступил в поход. Но куда? Опора Мира и Сотрясатель Вселенной не желал ни с кем делиться своими планами. Оби, говорил он, не советовал ему рассказывать людям о цели путешествия.

Обоз армии, похожий на огромный странствующий цирк, медленно проходил перед глазами Блейда; тысячи вооруженных конников, которые могли бы навести наблюдателя на несколько другие мысли, умчались далеко вперед.

Кхад, восседая на Громобое, возглавлял отряд своих телохранителей с черепами и длинными конскими хвостами на пиках. Где-то неподалеку мелькала Садда; она то ехала на своей мохнатой лошадке, то выглядывала из фургона. Ее рабы и служанки занимали двадцать возов, которые двигались сразу же за телохранителями Всемогущего. Следом ехали телеги Растума и его людей, еще дальше – фурунны воевод рангом помельче, кухни и клетки с рабами.

Блейд подумал, что у придворного шута тоже должен быть свой фургончик. Вполне логичный вывод; однако такая повозка ему не попадалась, и он не знал, где ее искать в этой длинной цепи.

За процессией повозок пастухи гнали огромные стада лошадей; разведчик оценивал их примерно в пять тысяч голов. Стада разбивались на небольшие табуны, за каждым из которых приглядывали пять-шесть монгов; им помогали здоровенные и отлично выдрессированные собаки. Псы прекрасно управлялись с лошадьми, а в случае чего могли послужить и в качестве охраны.

Блейд оглянулся и снова увидел у себя за спиной двух всадников, которые постоянно следовали за ним. Они старались держаться так, чтобы отрезать пленнику путь к тонкой желтой полоске, маячившей на горизонте. Он грустно усмехнулся и потрогал свой золотой ошейник. Вся его свобода сводилась к тому, что Садда лишь слегка удлинила поводок – и ничего больше. Он не станет свободным человеком, пока совсем не избавится от этой золотой побрякушки. Ему даже не разрешили носить меч и доспехи – раб должен оставаться рабом.

Монги стремительно двигались по равнине. Каждое утро и каждый вечер Блейд с удивлением наблюдал, с какой скоростью и сноровкой они разбивают и сворачивают лагерь. В походе монги разительно отличались от тех жестоких праздных дикарей, с которыми он

привык иметь дело в постоянном лагере. Люди стали доброжелательными и щедрыми; каждый старался заняться каким-нибудь делом, причем работали все – от глубокого старика до сопливого мальчишки, едва не выпадающего из своих широченных кожаных штанов.

Несколько первых ночей Садда не звала его в свой фургон, но Блейду и без того хватило проблем: он присматривал за рабами и служанками госпожи или беседовал с Бейбером. Растум словно не замечал его. Морфо объявился вновь, но тоже не спешил вступать в контакт. Очевидно, все ожидали следующей долгой остановки, чтобы продолжить схватку за власть.

На шестую ночь Садда, наконец, послала за ним. Блейд, у которого имелся теперь собственный фургон, выкупался, вылил на бороду флакон благовоний и отправился разыскивать повозку своей хозяйки. Было довольно холодно, и лишь мерцающие звезды глядели с вышины на привольно раскинувшееся в пустынной степи стойбище монгов. Правда, горевшие повсюду костры превосходили звезды по количеству и яркости.

Огромный фургон Садды поражал своей роскошью. Молодой воин помог разведчику подняться по приставной лесенке и шутливо отсалютовал мечом. Охранники быстро заметили, что Садда благоволит к новому постельному рабу. Они, конечно, не перестали презирать Блейда, невольника и, что хуже всего, игрушку в руках женщины, но относились к нему теперь с большим уважением и не рисковали грубить в открытую.

Садда ожидала его, раскинувшись на широкой постели; в мерцании свечи ее натертая маслом кожа блестела, словно старинное золото. Она протянула ему руки. Монги не были знакомы с поцелуями, но Садда уже привыкла к ним – если не сказать больше.

Оторвавшись от губ Блейда, она запустила пальцы в его шелковистую бороду, густую и красиво подстриженную.

– Я скучала по тебе, Блейд, – она дернула его за нос. – Ну, разоблачайся и приступай к делу.

Блейд, протомившийся шесть дней, не заставил долго себя упрашивать. Его первый напор был яростным и внезапным; Садда застонала, потом раздался долгий протяжный вскрик. Странно, раньше она была молчалива... Он улегся рядом с ней, и принцесса принялась гладить его лицо и волосы.

– Я слишком часто думаю о тебе, Блейд. Не понимаю, как это могло случиться, но власть все меньше привлекает меня. Наверно, когда мы убьем Кхада, я выйду за тебя замуж... сделаю тебя властелином монгов... Править – занятие мужчин. – Несмотря на то, что они были одни, Садда говорила шепотом.

Блейд подумал, что первым делом приказал бы удавить свою супругу, но вслух произнес:

– Ты оказываешь мне большую честь, госпожа, и вряд ли я ее достоин.

Она нахмурилась, потом решила не гневаться и только надула губки.

– Ты всегда уходишь от ответа, Блейд. Я этого не люблю. И еще – когда мы с тобой вдвоем, ты будешь называть меня Саддой. Не госпожой или принцессой, а просто Саддой. Ты понял?

– Да, моя... Садда.

– Тогда поцелуй меня. Мне так нравится, когда ты меня целуешь.

Блейд про себя пожал плечами. Садда всегда казалась ему похожей на хамелеона – ее настроение менялось каждую минуту. Теперь она решила, что влюбилась в него. Ну, что ж, если надо изобразить любовь, он сделал это с максимальной достоверностью, памятуя о том, что даже в родном измерении женщины не прощают подобных шуток. Здесь же последствия могли быть просто катастрофическими.

Он нежно целовал ее; Садда лежала, прикрыв глаза.

– Сегодня брат поделился, наконец, своим секретом, – промурлыкала она. – Он рассказал мне о повелении Оби.

– И что же Оби повелел ему? – спросил Блейд, лаская губами нежное ушко.

Садда, нахмутив брови, принялась вспоминать:

– Кхад очень возбужден все эти дни. Он постоянно ходит советоваться с Оби – по утрам, до того, как мы выступаем. – Оби говорит ему: иди на восток. Иди и иди, пока стена не кончится. Тогда надо обойти стену и отправиться назад. Оби пообещал, что брат одолеет своих врагов и захватит святыню Ката.

Здравая мысль, подумал Блейд; в открытом сражении катаям не устоять против конницы монгов. Без стены они совершенно беззащитны. Похоже, что Лали все-таки попадет в клетку с обезьянами.

Он пожал плечами и произнес:

– Этот идол подсказал твоему брату то, о чем он сам мог бы догадаться. Ведь Кхад совсем не глупец – когда он в своем уме, конечно. Почему он не пытался проделать это раньше?

Она рассмеялась и потянула его к себе.

– Ты не понимаешь, Блейд. Поход будет очень тяжелым и немногие доживут до дня, когда мы увидим край стены. Если вообще увидим. Говорят, что желтая стена бесконечна, потому что ее строили боги.

Потом они снова занимались любовью, и только с первыми лучами солнца, когда Блейд уже уходил, Садда прошептала ему:

– Не забывай следить за Растумом. Наше время придет. Безумие вновь одолеет Кхада; он станет беспечен, будет пить бросс и охотиться за маленькими детьми. Тогда я устрою празднество в его честь, и мы нанесем последний удар. А теперь иди.

Современем Блейд убедился, что Садда совершенно права; дни тянулись за днями, становилось все холоднее и холоднее, но Кхад без передышки гнал свою армию вперед. Разведчику выдали тяжелую доху из лошадиной шкуры и островерхую собачью шапку с наушниками. Теперь все оделись в шкуры и меха.

Стена давно скрылась из вида. Местность начала постепенно повышаться, оставаясь все такой же пустынной; единственными движущимися предметами были лишь фургоны кочевников, да струи черного песка, которые хлестали по их тентам. Ветер никогда не прекращался и приносил с собой все новые порции черных песчинок. Три дня бушевала чудовищная буря. Блейду, закутавшему лицо так, что открытыми оставались только глаза, все время приходилось стряхивать целые горы песка – монги двигались без остановки, и ему нужно было править лошадьми. Люди и животные начали умирать. Гибли, в основном женщины и дети, иногда – старые воины. Их тела оставляли обезьянам, которые, не отступая ни на шаг, плелись за повозками. Обезьяны отъелись и осмелели. По ночам они нападали на табуны и с громким визгом дрались со сторожевыми псами.

К тому времени, когда шторм утих, армия приблизилась к неглубокому ущелью. Путь их лежал к горам, поблескивающим ледяными вершинами на горизонте. Выпал снег, и стало совсем холодно. Кхад давно уже не вылезал из фургона, и Громобой тоскливо тащился следом. Садда звала Блейда к себе каждую ночь, они занимались любовью, согреваясь под кучей теплых одеял.

Вскоре караван достиг предгорий, поросших чахлым лесом. Здесь монги задержались на неделю, чтобы пополнить запасы древесины. Они никогда не использовали дерево в качестве топлива для костров; степняки жгли лошадиный навоз, который собирали рабы. Его сушили, прессовали в брикеты и складывали в огромные грузовые фургоны.

Лес остался позади. Земля под ногами застыла, вокруг лежал снег. Тропа сузилась: теперь по ней мог проехать только один фургон. Над дорогой нависал белоснежный край ледника, а другая ее сторона обрывалась в бездонную пропасть, затянутую плотными серыми облаками и туманом. Ветер набрасывался на людей и животных с еще большей свирепостью, мороз безжалостно жалил, забираясь под самую теплую шубу.

Каждый день пропадали лошади и люди: иногда целые фургоны срывались в пропасть. Вопль, испуганное ржанье – и мешанина из тел, колес и копыт уже исчезает в туманной мгле, скрывающей дно ущелья. Сотники выкрикивали приказы, оставшие фургоны подтягиваются, и караван продолжает путь.

Тела погибших тоже отправляли в пропасть. Отъевшиеся обезьяны оказались умнее людей и решили остаться в лесу. На ночь каждый фургон старались как можно прочнее закрепить среди камней, чтобы его не сорвало с дороги неожиданным ураганом.

Даже Блейд, несмотря на превосходное здоровье и невероятную выносливость, страдал от холода и тягот пути. Теперь он проводил ночи в своем фургоне под грудой одеял, пил теплый бросс и жевал вяленую конину.

Садда, путешествовавшая в голове колонны, не могла, по счастью, до него добраться, даже воины, которые стерегли его, куда-то исчезли. Впрочем, бежать было некуда. Справа пропасть, слева навис ледник. Время от времени Блейд выглядывал из повозки, смотрел на лед под скрипящими колесами, морщился и, не выдержав холода, снова зарывался в одеяла.

Повозка Бейбера была совсем рядом с его фургоном. По ночам разведчик, уже не опасаясь шпионов, навещал старика, и они подолгу беседовали, лежа в теплой куче соломы. Однажды их ночной разговор прервал тихий шорох у дверцы фургона.

Они встревоженно переглянулись.

– Не думаю, что Садда станет искать тебя в такую ночь, – прошептал Бейбер. – Кто же это?

– Сейчас проверим, – выдохнул Блейд: пар моментально заиндевел у него в бороде. Он вытащил кинжал из ножен и распахнул дверь. По-волчьи взвыл ветер, врываясь под темный тканевый полог: снег запорошил соломенную подстилку.

– Вот это кто! – радостно воскликнул разведчик и, пошарив в темноте, выдернул из сугроба маленькую, закутанную в шкуры фигурку.

– Ты выбрал хорошее время, Морфо, чтобы ходить о гости, – приветствовал карлика Бейбер. – Наверно, случилось что-то очень важное? Неужели Кхад опять обезумел?

Морфо отряхнул снег со своего одеяния и с вечной улыбкой уставился на Блейда. Он выглядел усталым и озабоченным, его глаза умоляюще смотрели разведчику в лицо.

– Блейд, сир Блейд, я пришел к вам, потому что мне некуда больше деться. Помогите мне, Блейд! Пожалуйста, ты должен мне помочь!

До этого дня Блейд не высказывал Бейберу своих подозрений относительно гнома, полагая, что для этого всегда найдется время. Но сейчас ему надо было немедленно принимать решение и симпатия к Морфо, в конце концов, пересилила.

– Я помогу, чем сумею, – он положил тяжелую ладонь на плечо карлика.

– Что случилось? Ты в опасности?

Бейбер выполз из соломы и приподнялся, опираясь на руки.

– Нет, не я, – задыхаясь, шепнул Морфо. – Один человек... он очень дорог мне... Ты пойдешь, Блейд?

Разведчик быстро взглянул на Бейбера; тот сгорбил плечи показывая, что он ничего не понимает. Неужели еще одна ловушка?

– Прошу тебя, Блейд, – Морфо дергал его за рукав. – Пойдем! Нельзя терять ни минуты!

Блейд наклонился и заглянул в огромные, полные слез глаза шута. В силу своей профессии, он неплохо разбирался в людях, и сейчас ему показалось, что Морфо не притворяется – ему действительно нужна помощь. Однако разведчик все еще колебался. Слишком многое поставлено на карту и один опрометчивый шаг может все испортить.

– Я рад бы помочь тебе, Морфо, но я должен знать, куда и к кому мы пойдем.

Карлик прижался спиной к дверце фургона. Он поглядел на Блейда, затем на Бейбера, и покачал головой.

– Я не могу сказать это при нем. Ради его же собственной безопасности.

– Тогда и я не хочу ничего слышать, – кивнул старый каук. – Моя голова и так не слишком крепко держится на плечах. Помогите ему, Блейд, и можешь ничего мне не рассказывать.

– Идем, – разведчик кивнул головой, подтолкнув Морфо в спину.

Когда дверь захлопнулась за ушедшими, Бейбер пожал плечами, тяжело вздохнул и

налил себе кружку теплого бросса.

Под козырьком фургона, где можно было укрыться от ветра, Блейд развернул Морфо к себе лицом.

– А теперь выкладывай, – потребовал он. – Итак, куда и зачем мы идем? Говори быстрее, пока мы не замерзли до смерти.

– Нам надо попасть в самый хвост каравана, в лагерь сборщиков навоза,

– карлику пришлось кричать, чтобы спутник расслышал его слова. – Я пришел как раз оттуда.

Он спрыгнул в снег и затрусил впереди по обледеневшей дороге. Блейд двинулся следом за ним, в душе поражаясь выносливости Морфо: добираться сюда из лагеря сборщиков навоза в такую погоду! Ведь это никак не меньше пяти миль!

Скоро ему пришлось сосредоточить все внимание на дороге. Ноги постоянно скользили, а слева жадно раззевала пасть бездонная пропасть. Однажды ветер чуть не сдул его вниз, он чудом сумел удержать равновесие, уцепившись за оказавшийся рядом валун. Морфо, который из-за своего невысокого роста меньше страдал от порывов ветра, поспешил к нему на помощь и вытащил обратно на дорогу.

– Быстрее! Быстрее! – подгонял он.

Согнувшись, путники проламывались сквозь тугую стену холодного ветра, который, несмотря ни на что, оставался их союзником – в такую погоду даже дисциплинированные монги не удосужились выставить патрули.

Блейд уже не пытался считать фургоны, мимо которых они проходили. Внутри повозок, закрепленных канатами как можно ближе к отвесной стене ледника, было темно, только в нескольких еще слабо мерцал свет. Лошадей давно выпрягли и увели вниз к основному стаду. Его придется перегонять позже, когда фургоны освободят тропу.

Снег перестал падать, но ветер, яростно завывавший среди огромных ледяных скал, вновь поднимал в воздух ледяную крупу и швырял в лицо. Срезая путь через котловину, между разбросанными тут и там валунами, путники угодили в глубокий сугроб Морфо сразу увяз в снегу и упал на спину. Блейд едва пробрался к маленькому человечку; тот хрипло надсадно дышал, широко разинув изувеченный рот.

– Что с тобой, малыш? Может, я понесу тебя?

Морфо, не в силах ответить, замотал головой и попытался встать, но тут же упал снова. Блейд, не спрашивая, поднял его, усадил на плечи, и, высоко задирая ноги, принялся выбираться обратно на тропу.

Немного придя в себя, гном наклонился и закричал Блейду на ухо:

– Совсем немного осталось – чуть меньше мили! В лагере почти никого нет, все ушли к обозу, относить топливо. Теперь им придется там заночевать.

На тропе больше не попадалось ни одного фургона. Монги, даже простые солдаты, предпочитали держаться на определенном расстоянии от лагеря сборщиков навоза.

Вскоре, среди нанесенных ветром высоких сугробов, Блейд заметил тенты сбившихся в кучу темных повозок и, пошатываясь, побрел к ним. Словно во сне он прошествовал мимо первого фургона, затем второго, третьего. Морфо направил его к единственной повозке, внутри которой теплился неяркий огонек. Блейд, надрывно вздыхая, стряхивая сосульки с усов, уже взялся за перила лестницы, но тут маленький человечек остановил его

– Теперь ты должен дать мне клятву, Блейд.

– Какую еще клятву, Морфо? – взревел Блейд словно раненый медведь. – Ты считаешь, что сейчас подходящее время для клятв? Мы же замерзнем!

Но Морфо был непреклонен. Его заледеневшие губы прижались к уху разведчика:

– Самая простая клятва, Блейд. Поклянись, что ты никому не расскажешь о том, что увидишь внутри фургона.

– Хорошо, хорошо, – разведчик кивнул, – я даю слово. Так мы войдем или будем дожидаться, пока ветер не прикончит нас?

– Спусти меня вниз.

Морфо соскользнул с плеч Блейда и рванулся к двери. Гость последовал за ним, гадая, какие неприятности готовит ему судьба на этот раз. Низко согнувшись, он переступил через порог и захлопнул за собой дверь.

Холодный ветер больше не бил ему в лицо, и он почувствовал себя почти как в раю. Он зажмурился от удовольствия и только потом начал осматривать едва освещенную одиноким огоньком повозку.

Пахло здесь неважно. Рядом с лежащим в углу соломенным тюфячком скрючилась одетая в лохмотья древняя старуха. Она даже не повернулась на стук двери, продолжая вглядываться в лицо девочки, свернувшейся в клубочек под одеялом.

Морфо потянул Блейда к тюфяку.

– Это моя дочь, – произнес он. – Ее зовут Нанти. Она умирает, Блейд. Я думаю, она умрет, если ты не сможешь ей помочь. Я этого сделать уже не в силах. И она, – он указал на старуху, тоже. Больше мне не к кому обратиться... только к тебе, Блейд. Только к тебе...

Вцепившись в рукав дохи, гном умоляюще заглядывал Блейду в глаза, растягивая губы в своей пугающей улыбке, блестящие слезинки катились по его покрытому морщинками искалеченному лицу.

Жалость и сознание собственного бессилия одновременно нахлынули на разведчика, теперь он понимал, что скрывала от него Садда. Но это сейчас было не важно; другое дело – чем он может помочь ребенку? Ведь он не врач...

Блейд успокаивающе похлопал Морфо по плечу.

– Не ожидай от меня чудес, приятель, но я постараюсь сделать все, что смогу. Когда она заболела?

– Пять дней назад. Как раз перед тем, как мы подошли к леднику. Это лихорадка. Она вся горит.

Блейд наклонился над постелью. Старуха, вытиравшая лицо ребенка влажной тряпкой, отодвинулась. С пронзительной остротой ощущая свою беспомощность, разведчик положил руку на пылающий лоб девочки; несмотря на высокую температуру, она не хрипела и не задыхалась. Блейд снял с нее тяжелый тулуп и приложил ухо к груди. Ее кожа была совсем светлой, почти как у катайцев, крохотные полушария только начинали наливаться.

Девочка дышала ровно и глубоко, но тело ее пылало как печка. Надо что-то делать, недуг не уйдет сам собой. Он укрыл ее и повернулся к Морфо.

– Я сначала подумал, что она простудилась, – встревоженно затараторил гном, – но теперь я уверен, что это лихорадка. Никогда раньше не видел такого сильного приступа! Ты можешь помочь ей, сир Блейд?

Разведчик откинул прядь темных волос с высокого лба ребенка. Нет, тут явно чувствовалась катаяская кровь; ее можно было угадать в чертах лица – впрочем, как и кровь другой половины. Носик девочки оказался прямым, а не курносый, как у монгов. Пухлый, похожий на бутон розы, рот тоже не вызывал сомнений, хотя мягкие алые губы сейчас поблекли и потрескались. Вот только глаза у нее были совершенно особенные, своими миндалевидными, не похожими ни на круглые глаза серендинцев, ни на узкие щелочки, украшавшие физиономию ее отца.

В этот момент веки девочки приподнялись, и Блейд почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Ее зрачки были зелеными! Совсем как у Лали! Но куда же исчезла пленительная нефритовая глубина очей маленькой императрицы? Девочка, ощутив присутствие незнакомца, повела рукой в воздухе. Она слепая!

– догадался Блейд.

Маленькая ручка коснулась его бороды

– Отец, где ты? – позвала девочка. – Кто пришел с тобой?

Морфо наклонился к тюфячку и поцеловал ее щеку.

– Я здесь мое солнышко. Со мной пришел друг. Он тебя вылечит.

Тонкие пальчики пробежали по лицу Блейда, дотронулись до его губ, носа и задержались на остриженной бороде. Внезапно девочка улыбнулась.

– Мне нравится твой друг, отец. Он хороший.

Блейду сдавило грудь, глаза его потемнели, сострадание погасило всплеск раздражительности. Но что ему теперь делать?

Нанти перестала ощупывать его и протянула руки отцу. Морфо подхватил их и крепко прижал к своим залитым слезами щекам.

– Да, лапушка. Мой друг очень хороший. Он поставит тебя на ноги, – гном уставился на Блейда, в глазах его читалась лишь невысказанная боль.

Разведчик коротко кивнул и отвернулся, не в силах смотреть на эту душераздирающую сцену

– Я сделаю все, что смогу, – повторил он. – Сколько ей лет?

Девочка снова потеряла сознание, и карлик осторожно опустил ее руки на одеяло.

– Двенадцать. Она уже вполне подходит для того, чтобы выйти замуж, и для...

Ему не нужно было завершать фразу; разведчик прекрасно понял, для чего еще она вполне подходит.

Блейд выпрямился, почесал давно немытую голову и произнес:

– Мы должны сбить у нее жар. Иначе она действительно умрет.

– Как, Блейд? Как?

Минуту он молча хмурился. Действительно – как? Потом смутное воспоминание превратилось в четкий, ясный образ, теперь он знал, что ему делать.

Он принялся озираться по сторонам в поисках необходимой ему вещи. Дряхлая старуха скорчилась в одном из углов фургона, лицо ее было бессмысленным и пустым. Сколько смертей она, наверно, уже повидала на своем веку!

– Нам нужны сосуды, чтобы принести снег. Тут есть что-нибудь подходящее?

– Несколько глиняных мисок... но лучше взять плетеные корзины для навоза.

– Тогда пошли, малыш. Не стоит терять времени.

Они выбрались наружу, и ветер, триумфально взыв, засыпал их снегом.

Морфо снял с одного из фургонов несколько больших корзин. Блейд присел на корточки и стал голыми руками набирать в них снег.

– Я никогда бы не додумался сделать такую простую вещь, – Морфо пока удавалось перекрикивать ветер. – Конечно, ведь я всего лишь королевский болван...

Набив корзины, они возвратились в фургон, и Блейд тут же выгнал Морфо на улицу еще за одной порцией снега. Когда дверь за ним захлопнулась, он мысленно пожелал себе удачи и принялся раздевать девочку.

Для двенадцатилетней она действительно была хорошо развита, видимо, кровь монгов возобладала. Но стройные маленькие ножки явно достались ей от матери.

Блейд махнул рукой старухе, и они начали обкладывать пылающее тельце комками снега.

Морфо притащил еще одну полную корзину, и разведчик высыпал все ее содержимое на плоский живот Нанти.

– Еще! – он вернул карлику плетенку.

Через пару минут все тело девочки было покрыто слоем снега. Старуха вновь забилась в угол, а Блейд и Морфо уселись на полу.

Блейд посматривал на белое, как бумага, но такое милое личико Нанти, и ему вдруг стало казаться, что она уже умерла. Потом его взгляд спустился ниже, и он облегченно вздохнул, заметив, как поднимается и опадает снежный ком у нее на груди.

– Она не замерзнет? – обеспокоенно спросил Морфо.

– Если мы оставим компресс надолго то, конечно, замерзнет, – ответил Блейд. – Этого делать нельзя. Как только ей станет холодно, нам придется нагреть фургон, и побыстрее. Ты представляешь, как это сделать?

Морфо щелкнул пальцами, старуха вытащила на свет божий какой-то странный неуклюжий предмет, напоминающий жаровню.

– Когда ты скажешь, – объяснил гном, – мы разожжем огонь и станет тепло.

Блейд скептически поглядел на эту колченогую помесь табуретки с примусом и покачал головой.

– Ладно, годится. Только разыщи несколько теплых одеял. Нужно будет хорошенько закутать ее, когда спадет жар.

– Сейчас, – Морфо съехался рядом с постелью. – Знаешь, Блейд... Она

– все, что у меня есть в этом мире...

Разведчик бросил на него пронзительный взгляд.

– Ты хорошо ее спрятал, ничего не скажешь.

– Да. Я живу в постоянном страхе что Кхад проведает о ней. Я слишком хорошо его знаю. Слепота Нанти и ее беззащитность только распалят этого зверя. И я буду бессилен ее защитить.

– Обещаю тебе, что он никогда не услышит от меня ее имя.

– Я знаю, Блейд, знаю... Странно, я давно уже не верю никому, и вдруг

– ты... Почему я решил обратиться к тебе? – карлик сморщился, потом с мольбой положил руку на плечо Блейда. – Не выдавай меня. Для всех остальных Нанти – моя племянница. Она работает вместе со всеми, подбирает этот проклятый навоз перемазанная, вечно в каком-то рванье – моя дочь, которая красива, словно принцесса!

Блейд хотел узнать еще кое-что, вопрос уже вертелся у него на языке, но тут Нанти очнулась, и маленький человечек моментально забыл обо всем.

– Отец, отец, – позвала девочка, – мне холодно!

Морфо принялся успокаивать ее; снег, как полагал Блейд, следовало держать еще не менее полчаса.

Пока они ждали, гном успел рассказать Блейду то, что его интересовало.

– Много лет назад монги захватили несколько серендинцев. Богатые люди, должно быть, и глупые – выехали из-за стены на прогулку. Среди них были женщины. Мужчин запытали до смерти, а женщин раздали солдатам. Кхад в то время сильно упился броссом, и решил отмочить шутку – велел, чтобы его болвану тоже дали красивую белокожую женщину. Я, конечно, притворился благодарным, а сам думал – зачем она мне? Я же понимал, как женщины смотрят на урод. Но пришлось ее взять. Я сильно любил ее; наверно, и она меня. Родилась Нанти, потом жена моя умерла... Я остался один с девочкой... последней памятью о ней

– Она родилась слепой?

– Да, – кивнул Морфо. – Зато она отлично все ощущает – словно видит пальцами. Может отличить доброго человека... она же сразу сказала, что ты хороший.

Блейд смущенно махнул рукой.

– Я стараюсь сделать все, что могу... клянусь Создателем, это не слишком много, – он наклонился к карлику. – Раз уж мы здесь, давай потолкуем о...

– Тсс... – Морфо прижал палец к губам. – И не думай, – продолжал он шепотом. – Я доверяю этой старухе, как самому себе, но под пыткой из нее выжмут все... Так что лучше тут не болтать лишнего.

– Отец, отец! – вскрикнула девочка. – Я совсем замерзла!

Блейд повернулся к тюфячку и потрогал лоб Нанти; он был холодным, как лед.

– Ну-ка, – разведчик посмотрел на Морфо, – разожги огонь. – И он принялся стряхивать снег с тела девочки.

Карлик со старухой раскочегарили жаровню, фургон тут же наполнился дымом, и у Блейда брызнули из глаз слезы. Морфо, более привычный к таким вещам, обмахивал лицо дочки. Старуха подбрасывала в огонь куски сухого навоза, и скоро в фургоне начало теплеть.

Разведчик навалил на девочку целую гору одеял и лошадиных шкур, из-под которых торчала только ее голова. Нанти заснула.

Шло время. Жаровня раскалилась, и Блейд с Морфо сидели молча, впитывая приятное тепло. Карлик нежно поглаживал одеяла, как будто Нанти, свернувшаяся под ними, могла ощутить его прикосновение.

Блейд первым заметил, как с висков девочки побежали струйки пота. Он быстро вытер ей лоб и сунул руку под одеяла – все хорошо, она начала потеть, она буквально обливается потом. Значит, лихорадка отступила. Он поднялся.

– Все, жара больше нет. Держите ее в тепле. И, думаю, ей не повредит кружка подогретого бросса. Я пошел, Морфо.

Карлик проводил его до двери.

– Не знаю, как благодарить тебя. Считаю, что отныне я твой должник. Но прошу, даже Бейберу не говори о том, что видел. Он хороший человек, но пытка сломает любого.

– Что касается меня, то я буду нем, как могила, – заверил Блейд шута.

– Желаю Нанти скорейшего выздоровления. Ну, а ты, приятель, не забывай – мы с тобой незнакомы. И будь осторожен.

На секунду прежние веселые огоньки зажглись в измученных потускневших глазах Морфо.

– Я буду осторожен, Блейд. Я всегда осторожен.

Глава 13

Всю следующую неделю Блейд почти не вспомнил о Нанти. Забот ему хватало

– тропа совсем сузилась, по-прежнему донимал холод, а снежные ураганы бушевали чуть ли не каждый день. Монги гибли как мухи, и ненасытный зев пропасти ежедневно принимал все новые и новые жертвы.

У Садды Блейд провел только одну ночь; они любили друг друга до изнеможения, не сомкнув глаз. Когда он повернулся, чтобы уйти, женщина прижалась к нему, и Блейд заметил повисшие на ресницах слезинки.

Подошли к концу запасы еды и топлива. В лагерь пригнали лошадей из основного табуна – на забой. Одна из бедных тварей взбесилась от запаха крови и прыгнула в пропасть, увлекая за собой трех пастухов.

Однако, невзирая на холод, голод и смерть, монги одолели почти неприступный перевал высоко в горах. С этого момента они стали двигаться вниз, ветер немного ослабел, снежные бураны приутихли.

Блейд ненадолго задержался на самой верхней точке перевала, он хотел обозреть открывающийся с высоты вид. Безжизненная ледяная пустыня раскинулась перед ним. Повсюду лишь застывшие зазубренные валуны. И так ряд за рядом, запорошенные снегом, бессмысленные нагромождения гранита и базальта, уродливые темно-серые пятна на девственно белом фоне снегов. Да, это было совсем непохоже на ласкающие глаз зеленые нефритовые горы! Перевалив хребет, Блейд стал лучше разбираться и в монгах – эти люди не были жестокими, просто они походили на свою землю, суровую и безрадостную.

Армия ни разу не остановилась. Преодолев перевал, колонна повозок и всадников начала медленно, но неотвратимо скатываться вниз, словно мутный колышущийся грязевой поток. Лошади побежали быстрее, люди тоже прибодрились. И разведчик вместе со всеми радовался, что самая опасная часть дороги уже позади.

Он выехал на открытое место, чтобы посмотреть на караван сверху. Слева от него бурлило целое море темных лошадиных голов – табунам еще предстояло перевалить через перевал; справа катилась по все расширяющейся дороге процессия деревянных фургонов.

Мимо Блейда галопом пронесся Морфо на своем пони – наверное, опять ездил навестить Нанти. Он не подал виду, что заметил приятеля, но, поравнявшись с лошастью Блейда, еле заметно кивнул головой. Значит, с Нанти все в порядке.

Еще три дня, и караван выехал из предгорий на равнину, в пустыню, покрытую желтым песком. Здесь колонна впервые остановилась, пришла пора отдохнуть и подсчитать потери, а заодно дожидаться сильно отставшего табуна. Ткань, покрывавшая фургоны, превратилась обратно в палатки, и в пустыне, словно по волшебству, вырос внушительный городок из круглых черных шатров.

Теперь Блейд находился при Садде. Принцесса по-прежнему ничего не рассказывала о своих планах, но обращалась с ним почти с нежностью.

– В свое время все узнаешь, – шептала она по ночам. – А пока...

Блейд старался избегать встреч с карликом; Растум, в свою очередь, избегал встреч с ним. Кхад оставался спокойным, собранным, уверенным в себе ни тени безумия. Что касается воинов, они, к удивлению разведчика, попав в совершенно незнакомую страну, ни на йоту не изменили обычного распорядка.

Блейд часто болтал с Бейбером, который таскался за ним по всему лагерю на маленькой каталке. Свои обязанности личного раба калека выполнял с неожиданным энтузиазмом; видимо, эти хлопоты развлекали его. Простые монги немало веселились, глядя на странного безногого прислужника.

Итак, Блейд продолжал таиться и ждать. Ждать сигнала от кого-нибудь из троицы заговорщиков – Растума, Морфо или госпожи Садды. Но, казалось, все их хитроумные замыслы теперь повисли в воздухе, и было совершенно ясно, что долго так продолжаться не может – рано или поздно грянет гром. Временами Блейд чувствовал себя канатоходцем, балансирующим на тонкой нити над бездонной пропастью. Он был уже почти свободен. Почти! Но ошейник все еще стягивал его шею и с каждым днем раздражал все больше и больше.

За следующую неделю монги окончательно оправились после ужасного перехода через горы. Воеводы подсчитали погибших – их было почти тысяча, лошадей потеряли вдвое меньше.

Бейбер, ухмыльнувшись, заметил, что на этой стоянке монги возместят убыль населения. Воины, истосковавшиеся по своим женщинам, почти не вылезали из черных палаток.

– Делают маленьких ублюдков, – жаловался Бейбер, – которым предстоит провести жизнь, собирая конский навоз. В промежутках они будут грабить все соседние народы. Мы, кауки, никогда не поступаем так со своими детьми.

Этой ночью Садда сказала Блейду, что носит его ребенка. Она потерлась о его щеку, и разведчик понял, что принцесса едва сдерживает слезы. Странно. Раньше он не мог представить, что Садда умеет плакать.

– Только никому ни слова, – предупредила она, – пока не будут исполнены наши планы. Тогда я дам тебе свободу.

Блейд, напавший сраженный этой новостью, едва смог выдать:

– Это и есть твой секрет, о котором ты хотела мне сообщить?

– Только часть его, Блейд. Все самое лучшее тебе еще предстоит услышать.

Он даже не рассказал ничего Бейберу. Ребенок от Садды! Маленький полу-монг, полу-англичанин! Блейд обнаружил, что всем сердцем желает, чтобы Садда ошиблась в своих подозрениях.

Вскоре Кхад отправил три группы разведчиков – на юг, на север и на восток. Через пару дней северный и южный дозоры вернулись, но восточный не объявился даже через неделю. Посовещавшись со своими военачальниками. Кхад приказал сворачивать шатры и выступать на восток.

Постепенно они выехали в необъятную, заросшую густой травой, степь. В ней изредка попадались чахлые группы деревьев, но главным была трава, она пришлась очень по вкусу лошадям и пони. Рабы, возглавляемые пастухами, заготавливали сено и грузили его в повозки. По мере продвижения вперед степь неуклонно понижалась, и однажды восточный ветер принес незнакомый солоноватый аромат. Вернее, незнакомый всем, кроме Блейда. Он с радостью вдыхал этот запах. Соленая вода! Значит, они уже почти вышли к морю!

На следующий день разведчики привезли с собой пленника. Блейд с интересом разглядывал человека, замкнутого в кольцо воинов. Руки его были связаны за спиной, ноги под брюхом лошади тоже стягивал кожаный ремень. Человек явно походил на катаяца: у него не росла борода, а кожа оказалась совсем светлой. Разведчик, однако, заметил кое-какие

отличия от жителей северной провинции, с которыми он имел дело раньше. Угадать ремесло пленника не составляло труда – он носил вызолоченные доспехи со знаком луны, на плече болтался полуоторванный пучок серебристых нитей. Видно, он был офицером довольно высокого ранга.

Следующей ночью Садда рассказала ему все об этом незадачливом вояке.

– Они называют себя прибрежными катаяцами. Пленник держался очень заносчиво и многое успел выболтать – правда, ничего особо важного. Наверно, он считает себя большим хитрецом, – она нахмурилась, – как и все жители Ката!

Блейд постарался изобразить на лице скуку:

– И где же его поймали?

– В трех днях пути на восток лежит небольшая цветущая долина. Вход в нее охраняла крепость. Разведчики захватили ее и вырезали весь гарнизон, а командира привезли в лагерь живым.

– Что с ним теперь будет? – Блейд зевнул.

– Казнят, конечно. – Садда передернула плечиками. – Никогда не зевай в моем присутствии! Если тебе со мной скучно, можешь идти развлекаться в другое место!

Блейд изумленно взглянул на нее и тут же принялся корить себя за эту непростительную оплошность. Маска любящей и нежной женщины слетела с лица Садды; мгновение – и она стала прежней кровожадной дикаркой, которая могла выпустить кишки любому ради своей прихоти.

– Ну что ты, – попытался он исправить положение, – разве мне бывает скучно с моей любимой госпожой?

Не вышло; она продолжала хмуриться.

Блейд улыбнулся и сделал еще один заход, нежно поцеловав ее надутые губки:

– Послушай, сердце мое, я просто устал и хочу спать. Ночь с тобой любому покажется раем, но мне приходится еще целый день работать. А потом...

– он нагнулся и прижал ухо к плоскому животу Садды, – я постоянно думаю о нашем ребенке, нашем принце... Или очаровательной маленькой принцессе.

Сначала Блейду показалось, что он слегка переиграл. Но вот се напряженное сердитое лицо расслабилось, и Садда мило улыбнулась. В конце концов, она была все же лишь женщиной, и он сказал именно то, что она хотела бы услышать. Садда прижалась к нему, и Блейд, немного вспотевший от страха, заключил в объятия свою шаловливую кошечку, едва не обернувшуюся кровожадной тигрицей.

Наутро пленника повесили. Выпытав все необходимые сведения, палачи не спеша вскрыли ему вены, подтянули за ноги на кол и отправились отсыпаться. Катаец захлебнулся в собственной крови.

Через три дня армия достигла небольшой крепости, где ее приветствовали несколько разведчиков из передового отряда. Блейд не переставал дивиться самодовольной глупости местных катаяцев. Он ждал, что они отобьют форт, и войско монголов встретит засевший за стенами крупный гарнизон, который сбросит на головы атакующих тела разведчиков, разрубленные на куски.

Однако цветущая долина была совершенно пуста. На ветвях высоких деревьев и в зарослях буйно заросшего кустарника прятались лишь птицы с ярким оперением. Монги кривили губы, с отвращением вдыхая соленый воздух. Эта страна была слишком красочной, слишком мягкой и гостеприимной для суровых жителей степей. Их уши не привыкли к звонкому пению птиц.

Еще один небольшой подъем, и перед ними раскинулось море – лениво колыхавшаяся сапфировая бездна, охваченная крутым изгибом золотистого пляжа, где маленькие волны с тихим шелестом плескались о мокрый песок.

Кхад остановил своего коня на вершине косогора, с которого начинался спуск к воде, и нетерпеливо махнул рукой. Военачальники прокричали приказы, и вся длинная колонна повозок и всадников замерла на месте. Сгорбившись в седле, Всемогуший уставился своим

единственным оком на раскинувшуюся перед ним картину.

Блейд также напряженно разглядывал то, что оказалось перед его глазами. Да, теперь понятно, почему катайцы не удосужились отбить свой форт. В таком великолепно укрепленном городе, как этот, они могли чувствовать себя в полной безопасности.

Он опустил глаза. Прямо от копыт его коня вниз к морю тянулась широкая полоса зеленой травы – словно небольшой кусочек настоящей степи. Идеальное место для атаки конницы. Если, конечно, солдаты Ката окажутся настолько глупыми, что выйдут из-под защиты стен.

Город стоял как раз на конце этого длинного травяного языка, который вдавался в море, отсекая небольшую бухту. Эта великолепная естественная гавань соединялась с морем узким проливом, перегороженным сейчас огромной, тянувшейся от городских стен до прибрежных утесов, поблескивавшей на солнце цепью. Скалы со всех сторон окружали внутреннюю бухту, шли вдоль пролива, топорщились у стен города, так что атаковать этот непотопляемый остров можно было только в лоб – по зеленой травянистой полоске. Но тут нападавших ожидали серьезные неприятности: сначала – широкий, утыканный заостренными кольями ров, за ним – совершенно безобидная на вид глубокая канава, над дальним краем которой торчала каменная стена не слишком внушительного вида. Ни именно здесь и таилась дьявольски хитрая ловушка, которую Блейд чуть было не проглядел. С боков море подступало почти к самой канаве и, присмотревшись внимательнее, он заметил две пары мощных шлюзовых ворот, находившихся много ниже уровня воды. Если их открыть одновременно, то попавших в канаву врагов сметет потоком воды.

Закончив с городом, Блейд приступил к осмотру гавани. Тут тоже монгов не ожидало ничего хорошего – гавань была полна военных кораблей всевозможных типов и размеров, от маленького баркаса до гигантской галеры.

Кхад со своими воеводами почти час разглядывал город. Растум, оживленно жестикулируя, что-то втолковывал Всемогущему, а Садда на мохнатом коньке постоянно кружила вокруг них, стараясь, видимо, не пропустить ни слова.

Мы должны быть наготове, Блейд, сказала она, подъехав к разведчику. Я знаю своего брата. Болезнь уже возвращается в его тело, я это ясно вижу. Захватив город, он заттит такой пир, что во всем войске не найдется ни одного трезвого человека. Вот тогда-то нам и надо ударить.

Он прикрыл глаза, чтобы не выдать своего возбуждения, и сдержанно произнес:

– Я готов, моя госпожа. Я все помню и сделаю так, как ты велишь.

Это означало, что он должен разделаться с Морфо – сразу же, как тот прикончит Всемогущего маньяка, Опору Мира и Сотрясателя Вселенной. Блейд понимал, что вмешательство Растума обрежет план Садды на провал, однако почему она так уверена в преданности карлика? Неужели всему причиной только его слепая дочь?

Садда положила руку ему на бедро и прошептала:

– Сейчас я открою тебе еще один секрет, и ты увидишь, как ловко все задумано. Перед сражением я попрошу Кхада, чтобы он даровал тебе свободу. Брат спросит о причине, и тогда я расскажу ему правду – вернее, часть правды. Я скажу, что влюблена в тебя и готова назвать своим мужем. Он взбесится, но я надеюсь его уломать, – Садда усмехнулась. – Такое уже бывало в истории нашей династии.

Блейд внимательно следил за ее лицом. Густая вуаль, которую Садда всегда набрасывала, выходя из шатра, давно уже не мешала ему угадывать тончайшие нюансы ее настроения. Садда нагнулась и ласково похлопала плеткой по кожаному голенищу его сапога, глаза ее возбужденно заблестели.

– Я не стану пока говорить ему о ребенке. Но если брат разрешит брак, по закону монгов мое дитя станет настоящим принцем или принцессой. Когда Кхад умрет, править буду я... а ты, мой супруг, сядешь слева от трона. И у нас будет много детей – великих воинов, завоевателей, которых еще не видывал свет!

Блейда сильно удивила ее искренняя озабоченность судьбой их возможного потомства.

Он считал Садду слишком эгоистичной, чтобы думать о чем-либо, кроме собственного благополучия. Ну что ж, он учтет и этот маленький штрих ее изменчивого характера.

Кхад велел отправить в город посланника с требованием немедленной капитуляции. Если защитники согласятся добровольно сложить оружие, Опора Мира обещал сохранить их жизни, которые, естественно будут в этом случае принадлежать ему.

Монги снова пришли в движение и, покотившись к городу словно мутно-серая приливная волна, покрыли всю зеленую равнину перед стенами. Развернулись шатры, между ними весело вспыхнули огни костров, распряженных коней отправили на степные пастбища. Воины с шутками и смехом принялись чистить оружие и подгонять доспехи. После тяжелого похода они жаждали лишь одного: пустить кровь из этого благополучного, сытого и богатого города. Никто, пожалуй, кроме Блейда, и, может быть, Растума, не сомневался в легкой и быстрой победе.

Ожидая возвращения гонца, Кхад устроил небольшую пирушку, на которую был приглашен и Блейд. Стараясь держаться в тени, он внимательно присматривался к поведению своего бесноватого властелина. Кхад много шутил и часто прикладывался к кувшину с броссом, что само по себе нельзя было считать безумием, однако, разведчик понял, что Садда не ошиблась. Смех Всемогущего звучал неестественно, в его голосе все чаще проскальзывали визгливые истерические нотки. Он требовал, чтобы его непрерывно развлекали

– танцовщицы, акробаты и, конечно, Морфо; шут выступал со своими излюбленными фокусами. На глазах у пораженных зрителей большая спелая дыня принялась слезно упрашивать Кхада, чтобы тот отведал ее.

Кхад пришел от этой шутки в полный восторг, и Садда решила, что пора потолковать с ним о своем деле. Стараясь унять внутреннее напряжение, Блейд начал пробираться к трону еще до того, как узловатый скрюченный палец требовательно поманил его к себе.

Он шагнул к помосту и величаво поклонился. Несмотря на волнение, он выглядел сейчас совершенно спокойным – могучий воин в сияющих стальными накладками кожаных доспехах, – с огромным двуручным мечом у пояса.

Разогнув спину, Блейд, без волнения встретил пронзительный взгляд Сотрясателя Вселенной.

– Ты звал меня, Повелитель? Я готов служить тебе.

Единственный глаз Кхада вспыхнул, и он зашелся истеричным каркающим смехом.

– Неужели, Блейд? А я думал, что ты служишь только моей сестрице! Ну, что скажешь? Кстати, как она тебе в постели?

Ненависть и ревность горели теперь в этом безумном оке. Блейд почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

– У меня нет никаких жалоб по этому поводу, – он снова поклонился.

Все изумленно смолкли, и даже Растум с недоумением уставился на Блейда. Лишь Морфо, которого, казалось, ничем нельзя было удивить, продолжал равнодушно перекачивать в ладонях свои разноцветные шарики. Кхад вытянулся на троне, стараясь заглянуть в лицо Блейду, но вдруг отдернул голову и оглушительно захохотал. Он подпрыгивал в своем кресле, снова и снова выкрикивая:

– У него нет жалоб! Только представьте – ему не на что пожаловаться! Я рад! Я очень рад!

Остальные несмело присоединились к его буйному веселью, но Кхад мановением руки восстановил тишину.

– Тихо! Я хочу чтобы слышали все! Моя сестра просит освободить этого человека. Что вы об этом думаете?

Послышались удивленные возгласы. Никто ничего не думал, потому что Кхад пока не высказал своего мнения.

Кхад опять поднял руку.

– Но моя сестра просит о большем... гораздо большем! Сказать о чем?

Всемогущий, как давно заметил Блейд, умел хорошо подогреть интерес толпы и весьма искусно проводил такие беседы. Но если не считать самых первых дней в стране монгов, Блейд еще ни разу не попадал ему на язык.

Кхад дождался, пока затихнут отдельные выкрики и смешки, а потом громко провозгласил:

– Она хочет выйти за него замуж!

Морфо и Растум ошеломленно переглянулись, затем их лица застыли в мрачном спокойствии.

– Я дам свое согласие на эту свадьбу, – глаз Кхада налился кровью, – и освобожу Блейда от ошейника. Но только после того, как город будет взят! А ты, – он со звериной ухмылкой ткнул пальцем в лицо будущему зятю, – ты первым должен подняться на стену. Это очень важное испытание, приятель, но я не могу позволить кому попало жениться на моей возлюбленной сестре, принцессе монгов!

Блейд коротко кивнул:

– Постараюсь не разочаровать тебя, мой повелитель.

Кхад зарычал и обернулся к сестре.

– Постарайся лучше не разочаровать ее! Завтра мы увидим, действительно ли ты великий воин, или победа над Коссой досталась тебе по ошибке!

Поднялся Растум.

– Очень мудрое решение, – не глядя на Блейда, произнес он. – Я доверю ему один из лучших отрядов, и в бою он будет стоять по правую руку от меня. Я устрою ему хорошую проверку, мой повелитель.

Блейд уже не сомневался, что Кхад Тамбур попытается его убрать.

Сада, совершенно не ожидавшая такого поворота дела, отчаянно попыталась исправить положение:

– Ты забыл одну вещь, дорогой братец, – шелковым голосом прошептала она.

– Что я забыл? – рявкнул Кхад.

– Выкуп, мой повелитель. Кто заплатит его за мертвеца?

Кхад хлопнул себя по колену и захохотал.

– Зачем мне выкуп, если я и так скоро буду править этой страной? И еще, сестрица: женившись на тебе, он станет моим близким родственником. А разве я могу продать родственника?

Его логика была безупречной.

Внезапно в шатре появился воин, тащивший на плечах ворох грязного, залитого кровью тряпья.

Кхад удивленно вскинул голову.

– Ты что здесь делаешь? Я велел никого не допускать ко мне, кроме гонца. Где он?

Воин шевельнул плечами, и кровавый куль тяжело свалился на землю.

– Твой гонец прибыл, о повелитель, – хрипло произнес он. – Вернее то, что от него осталось.

Кхад, разинув рот, глядел на останки своего посланца. Потом его налившийся кровью глаз закатился, язык выпал наружу. Владыка Вселенной обеими руками стиснул подлокотники трона и замотал головой, на губах его выступила пена. Блейд внимательно следил за приступом; несомненно, у Кхада была эпилепсия. Всемогущий сполз на узорчатый коврик перед тронem и принялся кататься по нему, издавая ужасные вопли. Затем он замолк, схватил зубами край ковра и, словно дикий зверь, начал рвать его в клочья.

Мимо Блейда проскользнул Морфо, сжимая в руках небольшую деревянную дощечку, на которой виднелись следы зубов.

Карлик осторожно сунул деревяшку Кхаду в рот. Одновременно с ним из-за трона вышли четверо громадных чернокожих невольников. Они с трудом уложили Всемогущего на носилки и ринулись вон из шатра.

Да, теперь городу пощады не будет, понял Блейд,

Глава 14

Армия монгов выстроилась на равнине перед городом. Ждали, когда встанет солнце, чтобы протрубить сигнал к штурму. Всю ночь передвигались полки пеших и конных воинов, занимая отведенные им позиции; теперь монги использовали эти последние предрассветные часы, чтобы немного подремать, свесившись в седле или опираясь на копье.

Растум, выполняя обещанное, взял Блейда с собой. В ночные часы он метался по равнине, под его командой отряд за отрядом выходил на узкую травяную полосу, упиравшуюся в ров. Наконец, ему удалось урвать минуту, чтобы перекинуться парой слов с разведчиком наедине.

– Ну-ка, расскажи мне про эту свадьбу, – потребовал воевода. – Что ты замышляешь, приятель?

Они не спеша ехали вдоль глубокого рва, опоясывающего город. Луна еще не взошла, на стенах не было видно огней, но звезды сияли так ярко, что Блейд без труда различал суровое лицо воеводы и его серые, нетерпеливо поблескивающие глаза.

Итак, ему пришлось сделать выбор. Но он давно уже все решил; без колебаний Блейд принялся рассказывать Растуму о честолюбивых планах принцессы. Полководец молча ехал рядом, соленый бриз развеивал его шелковистую бороду, играл гривой коня.

– Очень неплохо задумано, – произнес он наконец. – Но я не понимаю, почему она так рассчитывает на Морфо?

У Блейда имелись соображения по этому поводу, но он не стал упоминать о них. Он дал слово и не собирался его нарушать.

– Не знаю, – буркнул он. – Возможно, Садда просто переоценивает свои силы. Женщины могут вбить себе в голову все, что угодно.

– Ладно. Не стоит об этом думать, – Растум махнул рукой. – Я ударю первым, и тут уже ничего не изменить. Мои люди давно готовы, медлить я не стану.

Блейд проследил за одиноким факелом на городской стене.

– Значит, наш план остается прежним?

– Да. После падения города Кхад закатит пир. Мы подождем, пока воины упьются, и спокойно сделаем свое дело. Так что готовься.

– А что будет с Саддой?

– А что с ней может быть? Она умрет. – Воевода пожал плечами. – Зачем давить большую гадину, если маленькая все равно останется? Она начнет подстрекать людей, строить против меня козни. А воинов для этого у нее больше чем достаточно... Нет, она непременно должна умереть.

Блейд был вынужден признать, что воевода абсолютно прав.

– Как скажешь, – согласился он. – Я не хотел бы только убивать ее сам. В конце концов, нас кое-что связывает.

Растум отрывисто рассмеялся.

– Ты странный человек, Блейд. Ну, будь по-твоему... Кстати, ты обратил внимание на ворота, сдерживающие напор воды? Как ты думаешь, они их откроют?

Блейд удивился. Он не ожидал, что воевода сумеет не хуже его разобраться в предназначении этих мощных, окованных железом створов.

– Непременно, – ответил он, – как только почувствуют, что им не отбить атаку. Эта победа достанется нам дорогой ценой.

Растум согласно кивнул.

– Знаю. Поэтому я пошлю в канаву под стеной как можно больше людей Кхада, а своих попридержу. Этот ход наверняка поубавит нам грязной работы.

– Ты прав, – согласился разведчик. – Но потом придется наводить мост через ров, вброд его не одолеешь.

– Вот это уже сложно, – Растум поморщился. – Мы, кауки, умеем строить мосты, но

для этого нужно много бревен. Здесь нет ничего подходящего.

Блейд наклонился и тихонько прошептал на ухо воеводе, как построить мост без бревен.

Поднялось солнце, и монги, зевая спросонья, принялись равнять ряды перед атакой. Затрубили горны, засуетились, выкрикивая команды, молодцеватые сотники, затянутые в блестящие кожаные доспехи.

Катайцы в ожидании застыли на стенах. Огромной пушки у них, судя по всему, не оказалось, зато превосходных баллист было вполне достаточно. Эти массивные луки, закрепленные горизонтально на двухколесных тележках, метали целые пучки стрел. Они сразу начали вести убийственный огонь по шеренгам пехотинцев, прошивая по несколько человек одной стрелой.

Лошадь Растума запрядала ушами, он ласково похлопал ее по шее.

– Хорошее оружие, – воевода кивнул в сторону баллист, – только бесполезное. Когда мы подойдем ближе ко рву, он будут бить над нашими головами. Да и сейчас, – его губы раздвинулись в усмешке, – их стрелы, в основном, сыпятся на отряды Кхада. Мы заведем их в ров и постараемся положить там побольше пехотинцев... однако не слишком много, чтобы Кхад не заподозрил измены. Хотя он, как я полагаю, сейчас пьет в три горла.

Блейд проследил за взглядом воеводы и увидел на косогоре отряд телохранителей, окружавших трон, на котором возлежал Сотрясатель Вселенной. Рядом суетилась Садда, поднося брату очередную чашку дурманящего пойла. Заметив, что полководец смотрит на него, Всемогущий приподнялся на дрожащих ногах и слабо махнул рукой. Сигнал к атаке был дан.

Пора! Воевода потащил меч из ножен, потом, перекрывая свист стелющихся над полем стрел, крикнул:

– За мной, воины! В атаку!

Первые шеренги дрогнули и, опустив копья, двинулись вперед. Весьма своевременно – баллисты на стенах вели прицельную стрельбу и начали косить пехотинцев с поразительной быстротой и точностью. Однако монги, сплывая тающие ряды, упрямо шагали по телам мертвых и тяжело раненных.

Растум вывел войска к краю рва, где сотники уже расставляли конные отряды, прикрывавшие своим огнем атаку пехоты. Всадники спешили, встали на колени, каждый у своей лошади, и их короткие, сильно изогнутые луки начали прореживать орудийные расчеты баллист. Блейд, следивший за началом битвы, пожалел, что у него под рукой нет длинного английского лука, который бил гораздо дальше, чем неказистое оружие монгов.

Поток невысоких воинов в коричневых кожаных доспехах хлынул в ров. Большинство несли длинные штурмовые лестницы, некоторые тащили большие плетеные корзины или короткие деревянные лопатки.

Растум метался по краю рва, раздавая приказы и подгоняя зазевавшихся солдат. Обстрел с городских стен не утихал; баллисты прекратили огонь, но теперь к бойницам встали лучники. Правда, их луки били не дальше, чем оружие монгов, поэтому основные потери несли увязшие во рву пехотинцы. Но те держались стойко; они уже выдергивали из земли колья, освобождая проходы для конницы. По цепочке колья передавались воинам, скопившимся у дальней, почти отвесной стены рва; там их снова заколачивали в землю. Потом в ход пошли лопаты и корзины с землей; тут Блейд догадался, что они делают. Монги насыпали земляную лестницу, по которой их неприхотливые лошадки могли выбраться из рва прямо к проходившей у самой стены канаве.

Дождь из стрел усилился – вероятно, у катайцев имелись и более мощные луки, которые они не замедлили пустить в дело. Длинная стрела прошила почти насквозь лошадь Растума, еще одна застряла, дрожа, в кожаном нагруднике Блейда. Воевода сменил коня и приказал произвести несколько отвлекающих вылазок на флангах у неприятеля, чтобы распылить его силы. Справа от Блейда в бой вступили отряды Садды; под ураганным огнем вражеских лучников они сразу же начали нести жестокие потери. Разведчик заметил, как

тонкие губы Растума тронула еле заметная усмешка.

Внезапно разведчик застыл, почти физически ощущая, как чужой холодный взгляд ощупывает его спину. Ему почудилось какое-то подозрительное движение справа и сзади; быстро обернувшись, он увидел воина, натянувшего лук, – стрела была готова сорваться с тетивы. Сообразив, что его обнаружили, лучник выстрелил. Блейд успел закрыться круглым деревянным щитом, обтянутым прочной как камень кожей, но стрела пробила его: наконечник дрожал лишь в нескольких сантиметрах от его горла. Пришпорив лошадь, он ринулся наперерез стрелку, вытягивая из ножен меч. Монг присел от страха, потом кинулся бежать – как раз в сторону Растума. Воевода хладнокровно зарубил его и крикнул, что так будет с каждым, кто попытается бежать с поля боя. Затем он подъехал к Блейду и весело подмигнул ему.

– Вот видишь? Береги спину! Они попробуют еще раз.

Блейд свесился с лошади и осмотрел труп. Судя по значкам на доспехах, воин принадлежал к одному из отрядов Кхада: несомненно, он пытался прикончить его не по собственной инициативе.

Земляная насыпь, которую монги возводили под непрерывающимся ливнем стрел, подступала уже почти к самому краю рва. Большой отряд воинов Кхада выстроился напротив, перед пологим спуском в ров. В самом рву царило что-то невообразимое: воины всех отрядов перемешались, никто не слушал приказов и каждый пытался воевать на свой страх и риск. Солдаты набились в ров так плотно, что лучники на стенах косили их десятками. Умерших и тяжелораненых втапывали в землю или швыряли под очередную ступеньку лестницы.

Тем временем катайцы начали подводить к берегу огромные неуклюжие корабли, напоминающие скорее приземистые плавучие башни. Деревянные щиты, закрывающие борта судов, внезапно поднялись, и Блейду стало ясно, для чего предназначались эти неповоротливые плавучие монстры. Каждый галион – вернее, огромный плот, – нес внушительных размеров катапульту и запас больших нефритовых шаров. Разведчик разглядывал эти вызывающий трепет установки, пока Растум не сделал ему знак, приказывая отъехать от рва; ступени были уже готовы и к ним хлынули дожидавшиеся своего часа пехотинцы Кхада.

Со своей новой позиции разведчик с интересом наблюдал, как команды кораблей начали пристрелку. Рычаг первой катапульты со скрипом пошел вверх, и нефритовый шар, поблескивая на солнце, пролетел по высокой дуге над городом и почти отвесно шлепнулся в ров, превратив два десятка человек в кровавое месиво; промахнуться в такой тесноте было почти невозможно. Упал еще один шар, за ним другой; они давили атакующих, словно муравьев. Блейд заметил, что из гавани вышло еще несколько кораблей. По-видимому, катайцы бросили в бой все свои резервы, ничего не оставляя про запас.

Пехотинцы Кхада, рыча от ярости, преодолели ров, заполнили канаву и, размахивая мечами и копьями, начали приставлять длинные лестницы к стенам. Им на смену пришла волна кавалеристов, чьи маленькие лошадки, быстро скатившись вниз, теперь уверенно взбирались по ступенькам к краю рва.

За ним выстроилась еще одна колонна пехотинцев с крюками на веревках и лестницами. Большинство монгов уже не испытывало сомнений, что через пять минут они окажутся за стенами и начнут резать глотки защитникам города.

Оборонительная стена возвышалась всего на четыре ярда; поверх каменной кладки на ней стояли бревенчатые щиты, из-за которых еще сыпались стрелы лучников. Рядом с ними появились солдаты в деревянных доспехах с длинными копьями в руках.

– Уже скоро, – Блейд коснулся плеча Растума. – Если они не откроют шлюзы, им конец, – он обернулся и поглядел на высокий холм, где выстроился отряд телохранителей. Кхад покинул трон и, прикрывая рукой от солнца здоровый глаз, пристально наблюдал за ходом сражения. Наверно, сейчас он думает, что город уже в его власти; в открытом бою никто не сумеет устоять перед монгами.

Но катайцы хладнокровно выжидали, пока канава не превратилась в колышущееся море островерхих шлемов и конских голов. Монги, сжимая в зубах мечи, уже карабкались по нескольким лестницам; сверху на них выливали из котлов кипящую смолу и пылающее масло.

И вот, наконец, низкий, громоподобный звук начал нарастать в раскаленном воздухе; створы шлюзов открылись.

Море с ревом хлынуло в канаву с обоих концов, и два пенящихся водяных вала, сметавших все на своем пути, оглушительно сшиблись посередине. Канава переполнилась; потоки грязной воды подобно лавине перехлестнули в ров, заливая оказавшихся там монгов.

Разгневанное море тащило в залив лошадей и всадников, подбрасывая их вверх, чтобы затем поглотить в своей бездонной утробе. Блейд подумал, что вряд ли кто из монгов сумеет спастись – обитатели степей не умели плавать. Защитники города с победными воплями сбрасывали вниз лестницы и тела последних атакующих; их солдаты пустили в ход свои длинные копья, лучники приканчивали монгов, которые пытались плыть, уцепившись за гривы лошадей.

Блейд посмотрел туда, где высился трон Кхада. Опора Мира катался в траве, в ярости молотя кулаками землю.

Растум кивнул разведчику и благосклонно заметил:

– Ну, сейчас проверим, сработает ли твой план.

Глава 15

Фургоны были выстроены вдоль косогора – пятьдесят отличных повозок, без тентов, но с установленными по бокам щитами для прикрытия от стрел.

Блейд подъехал к своему отряду, ожидавшему у возов в полной боевой готовности, и махнул рукой. Воины, вытащив заглушки из-под колес, принялись сталкивать тяжелые деревянные колесницы в забрызганный грязью ров. Им приходилось расчищать дорогу среди выброшенных бурной водой трупов, потом протаскивают фургоны по раскисшей земле. К счастью, насыпная лестница уцелела; вкатив по ней повозки на самый верх, монги спустили их в канаву, до краев наполненную мутной водой.

Защитники города, только что оглашавшие стены победными криками, с опаской наблюдали за столь стремительным и непонятным маневром. Но недолго. Протрубил рог, и в канаву снова посыпались нефритовые шары. Один из них чуть было не задел Блейда и разнес в щепы сразу два фургон с полным экипажем. Лучники катайцев тоже очнулись, и на тащивших фургоны воинов обрушился ливень стрел.

И все же повозки одна за другой шлепались в воду, а сидевшие в них монги постепенно выстраивали их в линию, направленную к противоположному берегу. Блейд, выкрикивая приказы, разъезжал вдоль канавы на лошади – по брюхо в воде и по уши в грязи. Воины десятками валились вокруг него – видно, лучники врага упорно старались покончить с командиром атакующего отряда. Но разведчик уже не обращал внимания на свистевшие рядом стрелы; азарт битвы целиком захватил его.

Сначала он собирался загнать в воду цепочку фургонов и утопить их, поставив сверху еще один ряд; по такому мосту монги спокойно дошли бы до стены, едва замочив колени. Однако теперь он увидел, что этот план не сработает – в канаве было сильное течение. Очевидно, катайцы позаботились о том, чтобы осушить канаву при закрытых шлюзах, и прорыли для этого специальный канал, через который сейчас и уходила вода. Не успели монги закрепить два первых фургона, как третий унесло течением – вместе с зазевавшимся солдатом. Он попробовал высунуться над бортиком, но через мгновение из него уже торчал пучок стрел.

Блейд, нахмурившись, задумчиво следил за тем, как уплывший фургон скрывается в правых шлюзовых воротах, затем махнул мечом сотнику. Тот поспешил к нему, спотыкаясь среди валявшихся в грязи трупов.

– Забудь про мост! – сложив руки рупором, крикнул ему Блейд. – Бери людей и тащите сюда оглобли!

Монг с недоумением уставился на него:

– Оглобли, господин?

– Да, от фургонов! Ну, поворачивайся!

Растум не спеша подъехал к Блейду и, натянув поводья, принялся лениво выковыривать застрявшую в кожаном панцире стрелу.

– Похоже, твой план не слишком удачен? – осведомился он.

Блейд усмехнулся.

– Это был первый план. Теперь у меня есть другой.

После того, как он объяснил воеводе свой замысел, тот одобрительно кивнул головой. Потом разведчик обернулся и, поманив к себе первого попавшегося на глаза сотника, приказал:

– Загоняйте все фурунны в канаву! Все до единого – и побыстрей!

Он взглянул на Растума

– Я думаю, люди Кхада уже еле держатся. Их надо отвести назад... Еще немного и они побегут.

Это было чистой правдой. Солдатам Кхада сегодня досталась грязная работа, половина уже погибла, остальные месили землю между рвом и канавой, под дождем нефритовых глыб. После прямого попадания такого снаряда для погребения не оставалось ровным счетом ничего

Огромный зеленоватый шар шлепнулся в воду совсем рядом, их окатило мутной водой. Растум вытер лицо и улыбнулся, показав белоснежные зубы.

– Да, на сегодня с них хватит. Теперь в атаку пойдут мои люди. Просигналь, когда все будет готово. – Воевода еще раз оскалил зубы в волчьей усмешке и помчался прочь. Стрела угодила прямо в его шлем, но он даже не обернулся.

Когда десятки фургонов вместе с оглоблями оказались в канаве, Блейд помахал Растуму копьём. Засуетились сотники, рассаживая людей в повозки. В первых поплыли безоружные и вполне безобидные сборщики навоза; затем Растум начал отправлять своих отборных головорезов. Пять тысяч свежих, жаждущих крови бойцов с криками побежали к краю канавы, усталые и измученные воины Кхада стали откатываться назад.

Воевода снова оказался рядом с Блейдом.

– Тебе придется повести их! – прокричал он Мои люди не умеют плавать на плотах.

Блейд кивнул и, спрыгнув с лошади, по грудь ушел в холодную воду.

Пробираясь к облюбованному им фургону, он заметил, что огонь со стен начал слабеть. Вероятно, запас стрел у лучников подходил к концу.

Как только первые двадцать фургонов со сборщиками навоза оттолкнулись от берега, Блейд начал спешно готовить к отплытию две сотни отборных солдат. Они грузились по десять человек в фургон, четвертым давались оглобли, чтобы упираться в дно канавы.

Закончив приготовления, разведчик встал в своей повозке во весь рост и, надсаживаясь, надрывая голос, заорал:

– Слушайте меня, воины! Следите за мной! Делайте, как я! Победа или смерть!

Огромная нефритовая глыба рухнула с небес и чуть не погребла под собой его импровизированный плот, вражеская стрела, пробив доспехи, вонзилась ему в предплечье.

– А теперь – за мной! – голос Блейда раскатился над возбужденной толпой, заполонившей возы. – Отчаливаем! Упирайтесь шестами в дно! Вперед!

Фурунны тронулись. И тут высыпавшие навстречу защитники города совершили непростительную ошибку: они так плотно сгрудились на стене, что мешали друг другу и не могли даже как следует размахнуться, чтобы нанести удар. Блейд отдал приказ, и его люди, не занятые греблей, принялись расстреливать толпившихся над ними катайцев словно беспомощных цыплят. К тому моменту, когда он, выпрыгнув из фургона, скатился за бруствер, там появилось достаточно места, чтобы сражаться в полную силу.

Сопровождавшие его монги тоже перелезли через стену и, сдвинув щиты, выстроились за ним. Вокруг его группы тут же с вкрадчивым шелестом засвистели стрелы.

Они дрались с бешеным упорством, стоя по колено в грудех трупов. Блейд, обливаясь потом, размахивал огромным, забрызганным кровью мечом, воины, прикрывавшие его с боков неистово орудовали копьями и топорами. Потом китайские солдаты полезли напролом, раздробив плотную группу. На Блейда напали сразу трое. Взмахнув мечом, он отсек одному голову, обратным выпадам пропахал в животе другого глубокую борозду, но сам получил сокрушительный удар топором по шлему. Ощущая отвратительную слабость в ногах, он был вынужден прижаться спиной к деревянному брустверу на краю стены и парировать сыпавшиеся на него удары. Но вот дыхание вновь вернулось к нему и, выбив оружие из рук нападавшего, он разрубил китайца пополам.

Однако вокруг оставалось еще слишком много солдат в деревянных панцирях. Блейд снова начал пятиться, скользя в лужах крови и яростно размахивая клинком. Неожиданно рядом с ним очутился Растум. Пока разведчик, пользуясь передышкой, жадно ловил ртом воздух, воевода, работая мечом со смертоносной эффективностью, сильно поубавил число вражеских солдат. Китайцы сникли и начали отступать.

Растум белозубо улыбнулся Блейду и вытер кровь с рассеченного лба.

– Ну, приятель, твой план, как видишь, действует! Теперь они у нас в руках!

Разведчик обернулся и поглядел со стены вниз. Все новые и новые повозки причаливали к брустверу, выбрасывая в город свои грузы. Сейчас они перевозили гораздо больше воинов, чем в первый раз, монги со всех сторон облепляли каждый фургон, стремясь побыстрее переправиться на другую сторону. Неважно, что при этом многие сваливались в воду и тонули, жажда вступить в кровавую резню была гораздо сильнее страха смерти. Перед рвом снова выстраивались в боевые порядки пехотинцы Кхада. Сам Всемогуший, так и не вернувшийся на трон, застыл на вершине косограда, прикрывая ладонью от солнца свой здоровый глаз.

Блейд перевел дыхание и улыбнулся Растуму.

– Нужно послать людей перекрыть шлюзовые створы, тогда вода скоро уйдет из канавы, и Кхад со своими отрядами беспрепятственно попадет в город. Мы не можем допустить, чтобы Всемогуший замочил ноги.

Кривая усмешка перекосила лицо Растума.

– Хорошо сказано, Блейд. Конечно, мы этого не допустим.

Стена вокруг них была уже очищена от неприятеля. Уже высадилось несколько тысяч монгов, теперь они гнали защитников вниз, к городским домам.

Растум и Блейд спустились по лестнице со стены на небольшую площадь, заваленную телами убитых и умирающих. Большинство зданий вокруг уже полыхало ярким пламенем, и в воздухе, вместе с дымом, высокой пронзительной нотой висел непрекращающийся женский крик.

Здесь они остановились передохнуть. Сражение было практически закончено, и боевой угар начал потихоньку покидать разум Блейда. Он огляделся, ощущая только усталость и какое-то опустошение. Нужно сказать Растуму, что нельзя убивать Садду, раз она носит его ребенка, напомнил себе разведчик. Конечно, это опасно и нелогично, но он не может позволить убить свое дитя – даже в чреве женщины, к которой не питает теплых чувств. Что ж, придется еще раз рискнуть своим положением, заработанным с таким трудом, и попытаться переубедить Растума.

Воевода стянул с себя покореженный и изрубленный шлем и теперь платком вытирал с лица кровь и пот.

– Эти китайцы дрались как дьяволы, – проговорил он. – Клянусь черным Оби, я не ожидал от них такой удали. Но сегодня им не повезло.

Канавы, вероятно, совсем пересохла – в город начали врываться монгские конники, которые вихрем проносились мимо них по площади. Их лошади были по брюхо вымазаны в грязи.

Блейд повернулся, собираясь поговорить с воеводой о Садде, но первое же слово застряло у него в горле.

В косяк двери, совсем рядом с ним, вонзилась короткая стрела. Лучник со знаком отрядов Кхада на панцире, стоя на противоположном углу площади, наложил на тетиву новую стрелу и уже целился в него. Растум, выкрикивая ругательства, вытащил меч и ринулся на стрелка.

– Давай Блейд! Зарежем этого сына вонючей обезьяны!

Растум мчался на монга; тот хладнокровно выпустил вторую стрелу, промазал, и теперь накладывал на тетиву третью. Блейд бросился за воеводой, с удивлением размышляя о том, какую же цену за его смерть ухитрился предложить Кхад, если его люди пытаются всадить в него стрелу, даже рискуя собственной головой.

Монг промазал снова и, не выдержав, повернулся и бросился бежать. Растум гнался за ним по узенькой улочке, но вдруг заметив что-то заспешил обратно к Блейду.

– Прижмись спиной к стене! – хрипло крикнул он.

Небольшой отряд конных катайцев высыпал на площадь. Половина из них была ранена, некоторые едва держались в седле. Предчувствуя неизбежный конец, воины носились по городу, стремясь только к одному – забрать с собой как можно больше монгов, прежде чем наступит их черед. Они заметили Блейда и Растума и с криками ярости устремились на них.

Прижавшись спинами к стене одного из домов, оба бойца одновременно взмахнули длинными клинками. Блейд подрубил ноги двум передним лошадям и отскочил назад, прежде чем его успели насадить на копье. Третьего всадника он сбросил с седла и перерезал ему горло. Острие копья скользнуло по его ребрам, оставив кровавый пылающий след.

Катайские солдаты действительно были измотаны и напуганы, иначе они быстро разделались бы с двумя усталыми воинами. Сейчас же Блейд и Растум, забившись каждый в свой дверной проем, заставили противников разделиться и пока отбивали все атаки.

Блейд, закрываясь щитом, уложил еще троих, отражая бешеный натиск всадников. Продолжения не последовало – на площадь вырвался отряд монгов, и оставшиеся в живых кавалеристы были изрублены в пять минут.

Пошатываясь, Блейд выбрался из своего укрытия и побрел навстречу Растуму. Однако тот почему-то не показывался наружу. Блейд, одержимый нехорошим предчувствием, побежал быстрее и чуть не нос к носу столкнулся с воеводой. Стоя на пороге, Растум зажимал правое плечо, хлеставшая из него кровь забрызгала сапоги и одежду. Остановившись взглядом воевода смотрел себе под ноги, где, еще конвульсивно подергиваясь, валялась в пыли его правая рука. Наконец он заметил Блейда, и его бледное лицо исказила зловещая гримаса.

– Да, Блейд, мне сегодня тоже не повезло, – он кивнул на распростертый перед ним труп. – Всего один удар, и со мной покончено...

Не теряя времени разведчик принялся расстегивать пояс. Он туго перетянул кожаным ремнем обрубок, и кровотечение остановилось.

Растум зашатался и здоровой рукой обнял Блейда за плечи.

– Ноги не держат меня... Помоги присесть...

Разведчик осторожно опустил его обмякшее тело на приступку у дверей, потом подозвал сотника, командира спасшего их отряда. Воины, собравшись вокруг, сочувственно глядели на своего воеводу.

– Найди жаровню с углем и стальной прут, – приказал Блейд. – Надо прижечь рану. Поторопись!

Лоб Растума покрылся холодным потом.

– Блейд, – позвал он шепотом, – Блейд... я... я никому не говорил... я боюсь огня... не смогу вынести... – его голос прервался.

– Сможешь, – твердо сказал Блейд. – Я буду тебя держать. Ты потерял руку, но не голову. Нам еще многое предстоит совершить – или ты забыл?

Растум покачал головой.

– Я не забыл... Этой ночью... Но теперь тебе придется заменить меня. После того, как карлик прикончит Всемогущего, ты убьешь Садду. Я помогу тебе, чем сумею... но боюсь, что с этой культей я не способен прикончить даже женщину.

Глава 16

Разграбление города длилось недолго. Уже к вечеру от него осталась лишь груда дымящихся развалин, а трупы жителей были сложены в огромную кучу, возвышавшуюся посреди зеленой полосы суши. По приказу Кхада воины вырезали всех – от грудных младенцев до дряхлых стариков.

Не сразу покончили только с губернатором города. Около часа его зверски пытали, а потом, вскрыв вены, бросили к остальным трупам.

Блейд все это время провел в своем фургоне под присмотром Бейбера; старик вычистил его доспехи, промыл и перебинтовал рану. Задетое копьем ребро надсадно ныло и причиняло массу неудобств при ходьбе, но разведчик был доволен, что не пришлось прижигать ссадину железом; до сих пор он чувствовал себя неудобно, вспоминая искаженное лицо Растума.

Кхад Тамбур, к вящей славе своей, повелел вытащить из города огромную нефритовую глыбу, установить ее перед горой трупов и высечь на ней следующую надпись:

«Тот, кто увидит этот камень, пусть трепещет! Я, Кхад Тамбур, Опора Мира и Сотрясатель Вселенной, прошел здесь. Вот кости тех, кто осмелился встать у меня на пути.»

Кхад самолично руководил установкой этого монумента, сопровождая свои распоряжения взрывами дикого хохота. Он снова впал в безумие и все чаще и чаще прикладывался к кувшину с броссом.

Садда послала Блейду записку с одним из своих глухонемых чернокожих рабов. Он с трудом разобрал то, что она нацарапала на небольшой деревянной дощечке:

«Не приходи ко мне сегодня. Он все еще очень зол из-за того, что тебе удалось остаться в живых. Ночью на празднике действуй, как договорились. Все будет в порядке.»

Блейд прочитал записку и задумчиво погладил свой золотой ошейник. Действуй, как мы договорились... Значит, Садда хочет, чтобы он убил шута; Растум хочет, чтобы он убил Садду... А у него нет ни малейшего желания делать ни то, ни другое.

Он все еще размышлял над этой дилеммой, когда пришла записка от Растума.

«Загляни ко мне после наступления темноты,» – писал воевода.

После захода солнца лагерь монгов превратился в арену грандиознейшей оргии. Бросс лился рекой. Воины ссорились, дрались, тут же мирились и начинали горланить пьяные песни. Женщины и дети попрятались кто куда. Наездники, упившиеся настолько, что было непонятно, как они держатся в седлах, с воплями носились по лагерю, сокрушая на своем пути все – в том числе и собственные палатки. Телохранители Кхада попробовали было поддерживать некое подобие порядка, но им это быстро надоело, и они присоединились к пьяному разгулу.

Блейд, стараясь держаться в тени, без помех добрался до шатра Растума. Сегодня, несмотря на свой ошейник, он был героем в глазах всех воинов-монгов; они видели, как он возглавлял атаку вместе с их любимым воеводой. А Кхад в это время сидел на троне и наливался броссом; и этого они тоже не забудут.

Так или иначе, но через несколько часов им предстоят еще большие потрясения. Блейд считал, что это к лучшему; ему надоело ходить по канату, натянутому над пропастью.

У шатра Растума стоял на страже молодой сотник с шестью солдатами; все

– трезвые и в полном вооружении. Сотник почтительно поклонился Блейду;

– Воевода ждет тебя, сир Блейд.

Отдергивая полог, Блейд невольно ухмыльнулся. Его позабытый титул вернулся к нему.

Морфо, сидевший рядом с кушеткой, на которой лежал Растум, приветливо кивнул разведчику, но не сказал ни слова.

Воевода энергично помахал Блейду левой рукой, но глаза выдавали терзавшую его боль. Он отказался пить бросс, как советовали хирурги Кхада, и даже надел легкие доспехи из светлой кожи, из-под которых сейчас торчала его плотно забинтованная культия. На полу около кушетки лежали его меч и новый, увенчанный конским хвостом шлем.

– Ну, наконец-то, сир Блейд! Сейчас мы обсудим наше дело в спокойной обстановке. Довольно таиться, словно обезьяны-трупоеды в ночи!

На лице Блейда, должно быть, отразилось удивление, потому что Растум засмеялся и произнес:

– Ты можешь говорить здесь во весь голос. Мы окружены преданными мне воинами, а остальные... остальные, похоже, уже не стоят на ногах.

– Люди Садды тоже выступят этой ночью, – вмешался карлик. – Она не хуже тебя понимает, что другой возможности не будет.

Блейд кивнул.

– Он абсолютно прав, воевода.

Растум устало прикрыл глаза.

– Возможно, возможно... Но мы ударим первыми. Мои люди лучше вооружены, и я расставляю их так, чтобы они могли присматривать за воинами Садды. А теперь, Морфо, просвети нашего друга.

Гном приподнял острый подбородок и уставился на Блейда быстрыми маленькими глазками.

– Я отправлю Кхада. Смертельный яд – пара минут, и все кончено. Когда яд подействует, ты должен зарубить Садду.

– А потом постарайся уцелеть, пока не подойдут мои люди, – добавил Растум. – Они с радостью закончат дело. Вам с Морфо, конечно, придется рискнуть, но если все пойдет слаженно и быстро, никто в шатре даже чихнуть не успеет.

Блейд глубоко вздохнул.

– К сожалению, – признался он, – я не могу убить Садду. Она ждет ребенка. Моего ребенка.

Оба его собеседника изумленно замолчали. Стало так тихо, что разведчик легко расслышал далекий топот и шум – пьяные всадники Кхада все еще носились по лагерю.

Растум левой рукой стиснул колено, глаза его холодно сверкнули.

– Когда ты узнал об этом? И почему сразу не сказал мне?

– Я хотел рассказать, но случай не представился. А сейчас я говорю: ее нельзя убивать.

Прежде чем воевода прервал его, Блейд повторил:

– Ее нельзя убивать, и незачем. Лучше оставим ее заложницей. Мне не нужна сама Садда. Когда родится ребенок, делайте с ней все, что хотите... пусть только выносит его.

Губы воеводы презрительно дрогнули.

– Ты глупец, Блейд. Ты хороший воин, и я счастлив иметь твою поддержку, но ты глупец. Пока она жива, у нас не будет покоя. – Он взглянул на гнома. – Скажи ему ты, малыш. Может, ты сумеешь вложить немного мозгов в эту пустую голову.

Морфо встал. Задумчиво наморщив лоб и скрестив руки на груди, он принялся вышагивать из угла в угол; колокольчик на верхушке его колпака тихонько позвякивал.

– Я считаю, – заявил он наконец, – что мы не вправе принуждать Блейда делать то, что он хочет. Я... я вполне понимаю его чувства. Опасно оставлять Садду в живых, но разногласия между нами еще опаснее. В конце концов, она – его женщина; пусть держит ее в узде!

Воевода, зажмурив глаза, слушал гнома, изредка ворочаясь на кушетке, чтобы хоть как-то ослабить боль. По его пепельно-серому лицу стекал пот, он вытирал его полотенцем, и Блейд заметил, что ткань уже промокла насквозь. Наконец глаза Растума открылись; он пристально уставился на Блейда и сказал:

– Ладно, будь по-твоему. Но знай, сир Блейд, ты отвечаешь за Садду. И учти – после переворота ты станешь моим главным помощником, моей правой рукой, – он невесело

усмехнулся. – Дел у тебя будет немало. И если Садда ускользнет, я срублю с плеч твою голову... не говори потом, что я тебя не предупредил.

Блейд еле заметно кивнул.

– Я запомню это, воевода. Хорошо, я отвечаю за Садду до тех пор, пока не родится ребенок. Потом я с удовольствием верну ее тебе.

Улыбка Растума вновь напомнила ему волчью.

– Значит, договорились.

Они беседовали еще с полчаса. Шум в лагере не затихал, скорее даже усиливался; к пьяным выкрикам солдат присоединились пронзительные женские вопли.

Блейду так и не удалось выяснить, как шут собирается отравить Кхада – ведь он должен был пробовать всю еду, которую подносят повелителю.

– Я не стану тебе ничего рассказывать, – покачал головой Морфо. – Но не обижайся... никто, даже Растум, не знает моего секрета. А чего не знаешь, того не выдашь, – закончил он.

Еще раз пожелав друг другу удачи, заговорщики расстались. Блейд отправился к себе в фургон, где Бейбер уже приготовил самые лучшие праздничные одежды.

Огромный черный шатер Кхада сегодня охраняли смешанные караулы: половина – его собственные воины, половина – Растума. После сигнала люди воеводы должны будут окружить и перерезать солдат Всемогущего.

Блейд отсалютовал сотнику, возглашавшему стражу, и, оказавшись внутри шатра, был вынужден одновременно заткнуть уши и задержать дыхание: его перепонки чуть не лопнули от звуков пронзительной музыки и пьяного смеха, а в воздухе витал столь дурманящий аромат бросса, что разведчику с трудом удалось удержаться на ногах.

В освещенной чадающими факелами приемной толклись богато разодетые вельможи, среди которых черными истуканами торчали уже знакомые Блейду рабы-евнухи с громадными кувшинами бросса или золотыми подносами, заваленными горами фруктов. Огромный оркестр, расположившийся в углу, снова и снова повторял одну и ту же варварскую мелодию.

Перед тронами Кхада и его сестры вертелись шесть почти обнаженных, лоснящихся от масла плясуней. Под поразительно диссонирующие аккорды они демонстрировали таинства лесбийской любви – шесть пар смуглых грудей с громким шелестом терлись друг о друга. Аудитория пьяно ревела от восторга.

Блейд остался у входа. Рядом притулился на своей тележке Бейбер – упрямый старик тоже хотел поприсутствовать на празднике. Что ж логично: раз приглашен хозяин, приглашен и его раб. Зато, подумал Блейд, если дело сорвется, калеке снесут голову одним из первых.

Садда пока не заметила его. Постояв у входа и освоившись с наполнявшими шатер ароматами, Блейд похлопал Бейбера по плечу и стал пробираться к группе сотников и воевод со значками Кхада на панцирях. Они уже изрядно подвыпили и, размахивая руками, не слушая друг друга, похвалялись своими подвигами во рву, в канаве, на стенах и улицах павшего города.

В шатре появился Морфо; он тащил корзину с золотыми дынями, обложенными льдом. Не удостоив Блейда взглядом, карлик прошествовал к трону и уселся в ногах у своего повелителя. Придвинув корзину к помосту, шут достал из кармана разноцветные шарики и принялся перекатывать их в ладонях.

Танцевальное шоу завершилось. Томно вздыхая, девицы последний раз вытянулись на полу, вскочили и выскользнули из шатра. Смолк грохот барабанов, протяжно взвыли рога, и в помещении воцарилась относительная тишина.

Блейд ждал, наблюдая за Саддой. Она, не скрывая своего нетерпения, ерзала на троне и покусывала нижнюю губку.

Внесли Растума. Толпа расступилась, чтобы пропустить тащивших носилки солдат. Они торжественно промаршировали по шатру, опустив свой груз рядом с тронным

возвышением.

Кхад Тамбур встал, согнул больную спину почти под прямым углом, и сделал несколько неуверенных, шагов по направлению к ложу полководца. Блейд сомневался, что повелитель сможет связать хотя бы пару слов; он выпил уже столько бросса, что вполне мог забыть, как его зовут.

Взрели рога, и в шатре стало тихо. Кхад поднял руку, призывая всех к вниманию, и указал на Растума. Несмотря на опасения Блейда, он собирался произнести речь.

– М-мои поздравления, воевода. Сегодня м-мы хорошо прроучили этих обезьян... не скоро забудут! С-сожалею, что ты ранен... Что... что говорят лекари?

Растум, опираясь на локоть, приподнялся в носилках.

– Проклинают мерзавца, который отсек мне руку... Им хотелось попрактиковаться самим.

В шатре заржали. Кхад тоже ухмыльнулся, кося налитым кровью глазом.

Когда смех утих, Растум продолжал:

– Это всего лишь рука, о Всемогущий; не самая ценная вещь, которую я готов пожертвовать ради своего повелителя.

Фраза была сигналом Блейду. Он начал осторожно пробираться ближе к помосту. Растум все предусмотрел – после такого помпезного начала Кхаду придется уделить внимание и претенденту на руку его сестры.

Блейд вступил на огромный вышитый ковер и подошел к двум тронам. Он низко поклонился Кхаду и Садде, затем расправил плечи и произнес:

– Я счастлив, о повелитель мира, что мне дозволено сегодня присутствовать на этом великом празднестве. И я хочу еще раз поздравить Сотрясателя Вселенной с его блестящей победой.

Кхад наклонился к нему. Рот его перекосило, глаз чуть не выпрыгнул из орбиты. Он дышал шумно, прерывисто, и Блейд понял, что Всемогущий сейчас пытается вновь овладеть собой.

Наконец ему это удалось, и Кхад заговорил неожиданно ясным и спокойным голосом.

– Тебе невероятно везло сегодня, сир Блейд. Дважды или трижды?

Разведчик, не дрогнув, выдержал взгляд единственного тусклого зрачка.

– Всего лишь дважды, мой повелитель.

Теперь понятно – Кхад ничего не забыл. Сейчас он разыграет комедию и будет ждать другого подходящего случая, чтобы разделаться с ним раз и навсегда.

Всемогущий прикусил губу гнилыми зубами.

– Я благодарю тебя, сир Блейд, как и всех остальных воинов. Но моя благодарность – не одни слова; ты снова сир Блейд, и можешь снять свои ошейник.

Отлично. Блейд сорвал с шеи порядком надоевший ему обруч и отшвырнул прочь. Один из черных евнухов тут же наступил на золотую полосу.

Кхад снова поднял руку, требуя тишины.

– Мы видели, как сир Блейд храбро сражался сегодня утром. Мы видели, что удача сопутствовала ему в бою, – глаз Кхада холодно сверкнул. – Мы, монги, ценим удачу и храбрость. Поэтому я приказываю начать приготовления к свадьбе; Блейд отныне – мой воевода-тысячник. И служить ты будешь мне! Только мне! – рявкнул повелитель, уставившись на нового воеводу. – Я осыплю тебя почестями, отдам в жены сестру! А сейчас ты сядешь на этом возвышении рядом со мной! – Кхад повернулся к евнухам – Эй, трон ему!

Чернокожие мигом вернулись с небольшим креслом и установили его рядом с тронном Садды. Кхад торжественно поднял руку.

– Вы все видите, как я держу свое слово!

Под восторженный рев толпы Блейд прошествовал к своему креслу и уселся слева от Садды. Только сейчас он впервые понял, каким уважением пользуется теперь у монгов. В этот день ему удалось продемонстрировать качества, которые они ценили превыше всего – мужество и счастливый удел в бою.

Садда нежно улыбнулась и положила свою теплую руку на его плечо.

– Помни, что ты должен сделать, – шепнула она, возбужденно поблескивая глазами.

Кхад махнул карлику.

– Дай мне дыню, болван. От этих разговоров у меня совсем пересохло в глотке, – он нагнулся и сделал могучий глоток из стоявшего перед ним кувшина.

Блейд, не отрываясь, наблюдал за гномом. Сейчас? Что же сейчас произойдет?

Черный невольник появился у помоста и что-то зашептал Кхаду на ухо. Тот выслушал и благосклонно кивнул головой.

Морфо выбрал из корзинки самую спелую дыню, вытащил из-за пояса нож, аккуратно разрезал ее на две половинки и с легким поклоном подал одну из них Кхаду.

Когда повелитель находился в подпитии, он нередко забывал о том, что первый кусок должен достаться шуту. Но сейчас Всемогущий почему-то заколебался. Он опустил золотистый плод и хитро глянул на маленького человечка.

– А ну, кусай первым, болван! Тебе платят, чтобы ты пробовал мою еду... Так пробуй ее!

Вдруг половинка дыни в руке Морфо запищала тонким голоском.

– Съешь меня, дурак! Тогда великий Кхад сможет съесть моего брата! – дыня звонко расхохоталась. Ты же сам разрезал меня на глазах у всех. Хватит ломаться, ешь меня скорей!

Гном наклонил голову и отправил в рот здоровенный кусок. Кхад покотился со смеху, и все остальные тут же присоединились к веселью. Всемогущий вонзил зубы в свою половину, откусил и, чавкая, принялся жевать. Прозрачный сок, стекая по подбородку, капал на роскошное одеяние.

Блейд глубоко вздохнул и вытер выступивший на лбу пот. Если Морфо сработал правильно, то ждать осталось совсем недолго.

Садда ласково погладила его по колену.

– Что с тобой, Блейд? Ты выглядишь взволнованным.

Кхад, снова запустил зубы в сочную мякоть, поднялся и взмахнул рукой.

– А теперь, – провозгласил он, швырнув кожуру на пол, – у меня есть для вас еще одна приятная новость. Я, ваш повелитель, тоже женюсь! Наконец-то я нашел ее – луну среди тусклых звезд, что на старости лет тронула мое сердце! – Кхад резко ударил в ладони. – Введите сюда невесту великого Кхада, повелителя мира!

Толпа изумленно ахнула. Кхад широко улыбнулся, довольный тем, что в очередной раз ему удалось повергнуть всех в изумление. Он поднял кувшин с броссом и надолго приник к нему. Пока Всемогущий пил, его здоровый глаз, выглядывая из-за края сосуда, буравил собравшихся в шатре вельмож и военачальников.

Садда, как показалось Блейду, восприняла новость спокойно, лишь тень раздражения промелькнула на ее лице и тут же исчезла. Взгляд принцессы упал на чернокожих евнухов и вернулся обратно к разведчику. Чуть шевельнув губами, она произнесла:

– Приготовься, уже скоро.

Евнухи, медленно шагая по проходу, подталкивали перед собой тоненькую, одетую в богатое платье, девочку. Ее темные локоны густыми волнами спадали на беззащитные, узенькие плечи. Она была по-настоящему прекрасна, и сердце Блейда на мгновение перестало биться.

Девочка споткнулась и чуть было не упала, но один из чернокожих вовремя подхватил ее. Она слепо зашарила руками по сторонам, и в наступившей гробовой тишине слабым эхом прозвучал ее голос:

– Отец, где ты? Мне здесь не нравится. И... и я боюсь!

Перед троном стояла Нанти.

Глава 17

Сжав в кулаке нож, гном с криком ярости бросился к Садде.

Блейд, словно пригвожденный к своему креслу, только беспомощно наблюдал за разыгрывающейся перед ним сценой. Садда, полуобернувшись, расширенными от удивления и ужаса глазами смотрела, как тонкое лезвие входит ей точно под левую грудь. Потом она пронзительно завизжала, словно отказываясь поверить, что это стальное острие почти по рукоять вонзилось в ее драгоценную золотистую плоть. Затем принцесса бессильно сползла на ковер перед своим креслом; из горла ее фонтаном брызнула кровь.

В следующий миг, когда находившиеся в глубоком шоке гости еще не опомнились, рядом с сестрой повалился Кхад. Страшные судороги сотрясали его тело, но к падучей болезни они уже не имели никакого отношения.

Только сейчас к Блейду вернулась способность двигаться. Два евнуха рванулись к Морфо, и разведчик, вскочив, запустил в них креслом; черные великаны рухнули перед помостом и больше не шевелились. Выхватив из ножен меч, Блейд закричал:

– Морфо! Быстро ко мне за спину!

Растум извлек из-под покрывала длинный обоюдоострый кинжал и заревел:

– Ко мне, монги! Ко мне!

В ту же секунду шатер превратился в поле боя. Воеводы Кхада попытались пробиться к тронному возвышению и были мгновенно перерезаны. Двое телохранителей попробовали достать карлика, укрывшегося за широкой спиной Блейда, Свистнул огромный меч, и их головы покатались на пол.

Проверив, что Морфо остался цел и невредим, Блейд спокойно сунул меч за пояс. Растум был отличным стратегом, и сражение уже подходило к концу. Только у входа, через который пробивались люди Кхада, возникла ожесточенная свалка. Там успешно действовал Бейбер; раздобыв где-то меч, он разъезжал под ногами сражавшихся, подрезая врагам сухожилия.

Через три минуты вход был очищен. Самым ретивым смутьянам удалось прорезать дырки в стенах шатра и скрыться; Растум послал вдогонку своих солдат.

Воеводу, смертельно бледного, но улыбающегося, посадили на тронное кресло. Растум по-приятельски махнул Блейду рукой:

– Видишь, я слишком слаб, чтобы передвигаться самостоятельно. Так что нового Сотрясателя Вселенной приходится нести на трон. Не слишком хорошее начало.

– Ну, какое ни есть, однако – начало, – возразил Блейд. – Что будем делать дальше, воевода? Или мне лучше называть тебя повелителем?

На секунду их взгляды скрестились, но Растум быстро отвел глаза.

– Ты будешь называть меня так, как прежде, сейчас не время для подобной чепухи. Ты и Морфо останетесь со мной. Нам нужно многое обсудить.

Да, сегодня для сотен знатных монгов выдалась кровавая ночь! Растум превосходно организовал слежку за своими противниками; они лишились голов прежде, чем успели что-либо сообразить. С простыми воинами проблем не возникло; под рукой удачливого полководца они были готовы идти на край света

– за богатством, пленниками, рабами и славой! Вскоре тысячные толпы окружили черный шатер, чтобы приветствовать своего нового правителя.

Всех оставшихся в живых сотников Кхада схватили и провели перед Растумом. Воевода предлагал им на выбор две альтернативы – либо принести ему присягу, либо расстаться с головой, причем палач ожидал свои жертвы тут же, в соседней палатке. Как правило, эти мелкие военачальники предпочитали сохранить голову на плечах; большинство соглашалось дать клятву верности.

К восходу солнца с делами было закончено, и Растум, укрывшись старым плащом, мгновенно заснул на своих носилках.

Тела Кхада и его сестры убрали, и Блейд добился от Растума обещания, что Садду похоронят по обычаям монгов. Слишком долгое время он разделял с женщиной если не любовь, то постель; он не мог допустить, чтобы труп ее бросили обезьянам.

Карлик почти всю ночь просидел в углу шатра, успокаивая и убаюкивая дочку.

Наконец, она выплакалась и заснула, сжимая в руках маленькую ладонь Морфо.

Блейд, устроившись рядом, посмотрел на спящую девочку и улыбнулся.

– Думаю, теперь все будет в полном порядке, – успокоил он шута. – Вряд ли твоя Нанти сообразила, что с ней собирались сделать... Пройдет время, и в ее памяти мало что останется от всех этих волнений. К тому же, Растум взял ее под свою защиту.

Морфо кивнул. На его изрезанных морщинами щеках блеснули слезинки.

– Да, сир Блейд. И, наверно, мой долг перед тобой опять вырос. Чем я могу тебе отплатить? Моей жизни для этого недостаточно.

– Отплатить? Хмм... Ну, скажем, объясни мне вот что: как Садде удалось пронюхать о твоей дочери?

Глаза Морфо погрузнели.

– Она дьявол, а не женщина... Она знала об этом много лет – еще с тех пор, как Нанти была совсем ребенком. Не понимаю, откуда... наверно, среди сборщиков навоза у нее тоже были шпионы.

Да, подумал Блейд, Садда не лгала. По ее приказу шут пошел бы на все, совершил любое преступление. Что еще ему оставалось? Эта женщина была настоящим мастером интриги и коварства... Разведчик тряхнул головой. Если о мертвых нельзя сказать ничего хорошего, то лучше не вспоминать о них совсем.

К полудню стан монгов пребывал в совершенном порядке. Пьяные протрезвели, несогласные расстались с головами, и на их места были поставлены другие мелкие и крупные начальники. Растум проснулся освеженным и голодным, как волк. Сразу после завтрака он приступил к делам – надо было выяснить потери, заняться починкой фургонов и оружия, разделить добычу. К Нанти приставили служанку, и успокоенный Морфо ушел в свою палатку отсыпаться. Бейбера, захмелевшего от счастья и огромного количества бросса, пришлось тащить домой на руках. Растум, припомнив, как лихо сражался старик прошлым вечером, обещал присвоить ему чин сотника.

После полудня Блейд вместе с воеводой вышел за границу лагеря – посмотреть, как простые монги прощаются с телом своего бывшего повелителя Кхада Тамбура, Опоры Мира и Сотрясателя Вселенной.

– Мне некогда требовать клятвы верности от каждого воина, – сказал Растум, кивнув на длинную цепь солдат, женщин и рабов. – Но, кажется, они понимают, что трудно найти правителя хуже Кхада. Ты только погляди, что творится!

Обнаженное тело Всемогущего возлежало на огромной куче свежего навоза, и каждый монг, проходя мимо, плевал ему в лицо.

Блейд перевел взгляд на воеводу.

– Послушай, а тебе удалось расколоть Морфо? Как он ухитрился отравить Кхада?

– Он долго не хотел рассказывать, – усмехнулся Растум, – но я заставил его. Как же иначе? Если я окажусь плохим правителем, он и меня отправит к праотцам таким же способом.

– Сомневаюсь... – протянул Блейд.

Растум пожал плечами и улыбнулся.

– Этот Морфо – хитрая бестия. Ты же видел дыню, которую он вытащил? Целый неразрезанный плод...

– Ну, да. Я полагаю, что не существует способа отравить сердцевину, не разрезав кожуру.

Воевода нетерпеливо покачал головой.

– Нет, дело не в том. Он отравил дыню на глазах у всех! Яд был нанесен на лезвие его ножа, но только с одной стороны. Он разрезал дыню, отравив тот кусок, который затем предложил Кхаду.

Блейд лишь ухмыльнулся; он был полностью согласен с тем, что шут в самом деле хитрая маленькая бестия.

Они вернулись в черный шатер Кхада.

– А если бы Морфо ошибся? – осторожно спросил разведчик. – Что тогда?

– Тогда бы я убил Кхада своей левой рукой, – не раздумывая ответил Растум. – Ну ладно, сир Блейд, у меня еще очень много хлопот, но я помню, что ты хотел о чем-то поговорить со мной наедине. Так что, пока у нас есть время, давай потолкуем.

Они говорили часа два. И не только говорили, но еще и ругались, спорили, кричали друг на друга. Однако покидая черный шатер, Блейд ощущал полное удовлетворение. Интуиция не подвела его. Растум был кауком, а не монгом, но самое главное – он был разумным человеком.

Глава 18

Монги снова были на марше. За неделю, под мудрым руководством Растума, в войске произошли многочисленные перемены: ранее раздробленные и все время враждующие друг с другом воинские кланы стали проявлять, наконец, какие-то признаки единения. Забыв о больной руке и почти не вылезая из седла, воевода произвел быстрый смотр своих полков. Он спал не более двух-трех часов в сутки; Блейд, Морфо и даже Бейбер тоже были загружены работой.

Вскоре эта троица стала пользоваться непререкаемым авторитетом и огромной популярностью среди монгов. Обычно Растум отдавал приказ, а Блейд следил за его выполнением. Бейбер, которого теперь возила на тележке служанка, учился держаться в седле: он обладал на деле властью гораздо большей, чем соответствовало его довольно скромному рангу. Растум не хотел осыпать старого каука чинами и наградами, чтобы не вызвать недовольство и зависть.

Морфо, со своей хитростью и упорством, взялся за создание новой секретной службы – Растум желал знать, что замышляют против него неблагодарные подданные. Но пока агенты не сообщали никаких тревожных новостей; наоборот, монги казались довольными.

Они шли на юг по морскому берегу, и вскоре перед их глазами на горизонте вновь появилась огромная желтая стена. Блейд и Растум ехали теперь во главе колонны. Разведчики, посланные вперед, еще не возвратились, и воевода, взмахнув рукой, приказал всадникам остановиться.

– Ну, что скажешь, сир Блейд? – невесело произнес он. – Вот она, стена. Мы пришли сюда с миром, потому что ты убедил меня, что так будет лучше; но кому я должен сообщить о своих намерениях?

Блейд, прикрыв глаза от солнца ладонью, долго осматривал стену, но так и не обнаружил признаков какого-либо движения. Стена была недостроена; она обрывалась примерно в полумиле от кромки прибоя.

– Я считаю, что ничего не изменилось, – разведчик устало покачнулся в седле. – Сейчас мы обогнем стену и двинемся дальше. Рано или поздно жители Ката поймут, что мы принесли им мир. Главное, чтобы наши дозоры не ввязались в драку с их солдатами.

– Об этом я уже позаботился, – с горьким смешком сообщил Растум. – Если такое случится, командир отряда заплатит головой.

Колонна возобновила движение. Проехав между торцом стены и морем, процессия фургонов повернула на запад, прокладывая путь параллельно змеившейся рядом желтой кирпичной ленте. Впереди показались невысокие горы. Солнце садилось, окрашивая вечерний небосклон в ярко-зеленый таинственный нефритовый цвет.

Блейд встретил спускающиеся на землю сумерки с радостью. Кажется, они достигли нефритовых гор... возможно, он скоро увидит свою маленькую императрицу. Воспоминания о последней ночи, проведенной с Лали, внезапно переполнили его. Где она теперь? И кто согревает ее постель?

Длинный караван продолжал двигаться на запад. Почва под копытами коней была плодородной; в степи – то здесь, то там – встречались зеленые рощи. Наконец, в один из таких чарующих вечеров, Блейд уловил в воздухе слабый аромат деревьев банио. Вероятно,

они уже достигли центральной части империи Кат, но пока им не удалось встретить ни единой живой души; несколько попавшихся по дороге небольших деревень были покинуты, а по верху могучей стены гулял лишь ветер.

Вскоре Блейд заметил, что карлик старается избегать его. Решив сразу разобраться с этим вопросом, он выбрал удачный момент, подъехал к Морфо и выложил ему свои подозрения.

– Да, ты прав, – маленький человечек остановил коня. – Я думаю, так лучше для нас обоих... пусть время все залечит.

Блейд понял, к чему тот клонит, и благодарно улыбнулся.

– Ну, этим ты мне не поможешь, Морфо, – произнес он. – Наверно, на твоём месте я поступил бы так же – защитил своего ребенка...

– И убил твоего, – печально закончил гном и отвел глаза.

Несколько минут Блейд молча размышлял, потом выкинул из головы печальные воспоминания. Какой смысл постоянно возвращаться к прошлому и тешить себя несбыточными мечтами? Тем более, что уже два дня его донимали частые головные боли. Видимо, лорд Лейтон всерьёз занялся поисками своего пропавшего разведчика.

– Не прячься от меня больше, хорошо? – он положил тяжёлую руку на хрупкое плечо Морфо. – Я не осуждаю тебя... Я сам поступил бы так же – только прирезал бы в первую очередь Кхада Тамбура.

На лице гнома расцвела улыбка.

– Конечно! Но он уже умирал от яда. Нам повезло, что все так получилось.

– Да, – кивнул Блейд. – Удача, несомненно, сопутствовала нам. Я думаю, Садда рассчитывала, что ты зарежешь Кхада ради спасения Нанти... и я расправлюсь с тобой. Весьма недурно! Все рассчитано очень тонко!

Их глаза встретились.

– И ты убил бы меня ради собственного спасения? – спросил шут.

– Я не стану отвечать на этот вопрос, – рассмеялся Блейд. – Забудь, Морфо. Госпожа наша Садда спит в могиле, и все, что мы можем сделать, – пореже вспоминать о ней.

– Ну что ж, будь по-твоему, – гном указал на маленькое пятнышко на горизонте. – Гляди, наши разведчики возвращаются.

Однако из-за неотложных дел Блейд только через час смог попасть в фургон главнокомандующего, около которого устало поводили боками несколько низеньких гривастых лошадок. Когда он вошел внутрь, Растум приветствовал его плутоватой улыбкой.

– Взгляни-ка, сир Блейд. Похоже, ты стал одним из богов Ката, – что-то загадочно поблескивало в руке воеводы.

Под любопытными взорами разведчиков, с головы до ног покрытых пылью, Растум вручил Блейду маленькую нефритовую статуэтку.

– Я не знал, что ты пользуешься среди них таким почётом, – насмешливо произнес он – Если так, стоит ли нам углубляться в чужие земли? Мы можем все решить прямо сейчас, верно?

Блейд удивленно разглядывал свое изображение: крохотный нефритовый воин в доспехах, с коротким мечом в руке, безмятежно всматривался куда-то вдаль, выпрямив спину и слегка отставив одну ногу. Неизвестный скульптор весьма удачно поймал эту позу и потом с великолепным мастерством и изяществом воплотил в камне.

Он посмотрел на Растума и пожал плечами.

– Ты говоришь загадками, воевода. Откуда у тебя эта фигурка?

Растум кивнул, и старший отряда разведчиков, низенький кривоногий воин, принялся рассказывать:

– Мы заезжали в деревню катайцев, сир Блейд. Как нам были приказано, мы объяснили людям, что идем с миром и хотим лишь найти какую-нибудь важную персону для переговоров с нашими вождями. Один из крестьян согласился отвести нас в ближайший город; там, на центральной площади, мы увидели точно такую же статую, только во много

раз больше, коротышка воздел обе руки к небу и даже приподнялся на цыпочках, чтобы показать, насколько она огромна.

– И в каждом доме а мы побывали во многих домах – так вот, в каждом доме есть такая фигурка. Мы выпросили эту, чтобы отвезти тебе. В Кате много богов, и теперь ты сделался одним из них.

Блейд, все еще ошеломленный этим известием, смотрел, как лучи угасающего солнца просвечивают сквозь ажурную статуэтку.

– А они не говорили вам, как это случилось?

– Говорили, – кивнул монг. – Так приказала великая императрица Мей. В каждом городе и деревне ее провинции есть твоя большая статуя, в каждом доме – маленькая. И все это – в память о тебе.

Значит, Лали думает, что он погиб!

Через день монги въехали в деревню, и Блейд решил собственными глазами увидеть свою статую. Жители деревни, заметив его, менялись в лице, дети убегали с воплями, словно матери с рождения пугали их призраком чернобородого великана... Что там говорится в подобных случаях? «Засыпай скорее и не капризничай, не то придет сир Блейд и заберет тебя!»

Блейд долго рассматривал свое изображение, выполненное в нефрите и водруженное на мощном нефритовом постаменте. Наконец он решил, что статуя смотрится весьма величественно. Неужели любовь маленькой императрицы оказалась столь пылкой, что она решила обожествить его? Невероятно!

Он тронул каблуками коня и присоединился к колонне, но тут боль опять сковала обручем виски. Блейд припал к шее лошади, стараясь не вывалиться из седла.

А монги шли все дальше и дальше. На стене по-прежнему не замечалось никакого движения, только сигнальные огни пылали на огромных сторожевых башнях. Растуму не удалось выяснить, кто зажигает их каждую ночь – только слабое облачко пыли время от времени поднималось далеко на западе.

Воевода уже совсем потерял терпение.

– Как же мы заключим договор с Катом? – возмущался он. – Их солдаты, словно привидения, прячутся где-то, – а потом нападут, даже не спросив, зачем мы сюда пришли!

– Терпение, – успокаивал его Блейд. – Нужно только не прекращать попыток, и они непременно ответят.

Растум ворчал, но слушался. И маленькие отряды разведчиков с белыми лошадиными хвостами на копьях – символом мира – снова отправлялись далеко на запад.

А впереди все так же продолжали перемигиваться сигнальные огни, и никто не спускался со стены, чтобы встретиться с ними. Растум совсем помрачнел и постоянно бормотал о том, что упрямство Блейда заведет их в ловушку.

Бейбер теперь вырядился в тяжелый кожаный доспех, обзавелся мечом и пикой и разъезжал на лошади, отлично управляясь с ней одними руками. Однажды он увязался за Блейдом и начал обеспокоенно высказывать ему свои претензии:

– Я попал в незавидное положение, – признался он. – Конечно, я – твой человек, но я, к тому же, человек Растума. И боюсь, что он прав – по твоему настоянию мы зашли очень глубоко на имперскую территорию, и все идет к тому, что скоро нам придется с ними драться. Коли такое произойдет, я, как все, буду убивать катайцев. А что сделаешь ты?

Блейд холодно взглянул на него.

– Разве я не убивал их во время штурма города? Ответь на мой вопрос, и тем самым ответить на свой.

Старик прикрыл сияющую под солнцем лысину капюшоном плаща и покачал головой.

– Тогда тебе пришлось драться, ибо ты был рабом. А сейчас ты свободен... и ты – их бог. Никто не в силах заставить тебя делать то, чего ты не хочешь.

– Да, но если имперские солдаты нападут на нас, я не собираюсь бросать монгов на произвол судьбы. Я стану драться вместе с вами, и Растум это прекрасно знает. Лучше всего,

если нам удастся обойтись без кровопролития. Скажи мне честно, старик, неужели ты не устал от непрерывной войны?

Бейбер украдкой посмотрел на разведчика и вытер со лба пот.

– Устал, сир Блейд, – печально кивнул он, – давно устал. Я уже стар и хотел бы провести свои последние годы в мире и спокойствии. Но, по-моему, ты добиваешься невозможного, – Бейбер пожал плечами. – Войны всегда были и всегда будут. Как иначе храброму человеку заработать себе на достойную жизнь? И все же мне больше по нраву твоя идея.

Боль пронзила голову Блейда, и пару минут он обливался холодным потом, стараясь всеми силами удержаться в седле. Потом спазмы прошли. Да, сегодня Лейтон подобрался к нему совсем близко! Блейд помотал головой и вытер лицо краем плаща.

– Тебе нездоровится? – сочувственно поинтересовался Бейбер.

– Ничего, просто я тоже устал. И я хочу, чтобы катайцы перестали играть в прятки и ответили на наши призывы.

Ранним утром войско перебралось через невысокий хребет и начало спуск в глубокую горную долину, по форме напоминающую котел, посреди которой раскинулся еще один небольшой городок. Глядя с высоты, Блейд мог легко различить гордо реющий над городскими стенами флаг с изображением луны и таинственный зеленый блеск его статуи, установленной на центральной площади. Люди на улицах спокойно шли по своим делам, не обращая на монгов никакого внимания.

Растум, нахмурившись, подал сигнал к остановке. Задумчиво потерев повязку на своей култе, воевода посмотрел на Блейда. Перед ними лежала тропа, спускавшаяся вниз, прямо к городским воротам.

– Не нравится мне это, сир Блейд, – главнокомандующий указал на цепь высоких утесов, закрывающих выход из долины. – Слишком все тихо. А в этих скалах может спрятаться целая армия. Как бы не угодить в ловушку... Ты ведь знаешь, что долгий поход и штурм того города у моря подорвали наши силы. Полегли лучшие воины, а молодежь еще только подрастает.

– Да, все так, – кивнул Блейд. – Но пока я не вижу армии, преследующей нас.

Растум все еще хмуро оглядывал окрестные холмы. Потом он решительно произнес:

– Мы останемся здесь, наверху. Я не поведу своих людей в ловушку, хотя... – взгляд его обшарил зеленую солнечную долину, мирно и приветливо раскинувшуюся перед ними. – Это был бы прекрасный дом для нашего народа. Здесь мы могли бы обосноваться и поискать иные пути, ведущие к процветанию.

Блейд внимательно следил за лицом воеводы.

– Нет, не монг, мой друг, – сказал он наконец. – И все же – монг. Правда, такой, какие не снились твоим чистокровным подданным.

Растум гордо кивнул.

– Я – каук. Но это мои люди я несу за них ответственность и обязан заботиться о них. Поэтому я также и монг.

– А теперь, воевода, – сказал Блейд, оглядывая долину, – постарайся не наделать ошибок и отпусти меня вниз на переговоры. Одного. К сожалению, ты оказался прав.

На противоположной стороне долины выбиралась из скал и строилась ровными шеренгами огромная армия. По ветру трепетали разноцветные знамена, далекие звуки горнов наполнили прозрачный утренний воздух.

Растум дернул себя за бороду и выругался.

– Я предупреждал тебя, сир Блейд! Посмотри, сколько их! Если нас заставят драться, то с монгами будет покончено за день!

Полки катиан все прибывали и прибывали. Тысячи кавалеристов, тьма пехотинцев. Сделав быстрый подсчет, Блейд оценил численность противостоящей им армии примерно в полмиллиона. Похоже, они специально выбрали это место, чтобы дать бой монгам. Неужели он был так неосторожен – и действительно завел этих храбрых и преданных ему людей в

смертельную ловушку?

Охранники Растума, тревожно переговариваясь, наблюдали за тем, что происходит в долине. Можно спорить, что путь назад тоже отрезан. Старый воин-монг, со страшными шрамами на лице, тихонько затянул песню смерти.

Воевода обернулся и сурово посмотрел на него.

– Побереги свой голос, приятель, мы пока еще живы.

Городские ворота распахнулись, и оттуда во весь опор вылетел одинокий всадник. Оставляя за собой густой шлейф пыли, он помчался навстречу колонне. Монги в мрачном молчании глядели, как странный посланец подъезжал все ближе и ближе. Внезапно Блейду показалось, что он уже когда-то видел этого человека.

Улыбнувшись, разведчик качнулся к уху Растума и тихо прошептал:

– Утихомирь людей, воевода, пусть не беспокоятся. Я знаю этого гонца и сейчас поеду с ним потолковать. Думаю, нам удастся покончить дело миром.

Растум уныло кивнул и передал приказ по цепи. Всадник остановился в сотне метров перед головой колонны и снял с головы шлем. Квеко!

– Квеко, – шепнул воеводе Блейд. – Командующий войсками императрицы Мей. Его ранг примерно соответствует моему.

– Он машет белым флагом, – проворчал Растум. – Иди и побеседуй с ним, сир Блейд. Только возвращайся обратно. Помни, ты дал мне слово чести.

– Я обязательно вернусь, – улыбнулся Блейд.

И он погнал коня навстречу полководцу императрицы. Когда Блейд подъехал, Квеко вскинул руку в приветственном салюте. Он по-прежнему отлично смотрелся в своем блестящем деревянном панцире с символом луны на груди. Впервые за многие месяцы Блейд вновь услышал певучую катайскую речь; она музыкой зазвучала в его ушах.

– Мои поздравления, сир Блейд! Мы давно считали тебя убитым, пока один из шпионов не принес известие, что похожий на тебя человек едет во главе колонны монгов. Знаешь, твое лицо теперь знакомо всем в Серендине.

Блейд ухмыльнулся.

– Да, я уже успел налюбоваться на эти статуи. Скажи мне, неужели императрица решила причислить меня к лику ваших святых?

– Да. Она была безутешна, когда тебя захватили в плен. До сих пор ничего не радует ее, даже мой план поголовного истребления монгов. – Квеко указал на выстроившиеся в долине войска. – Они так легко попались в эту ловушку... Твоих рук дело? Значит, один из наших шпионов все-таки пробрался к тебе и передал мое послание?

Блейд нахмурился.

– Нет, Квеко. Они пришли сюда с миром, и вот это – и вправду дело моих рук.

Опустив кое-какие детали из личной жизни, он быстро рассказал Квеко о том, что произошло за последние месяцы.

– И ты действительно веришь, что Растум хочет мира? – спросил офицер, когда Блейд закончил.

– Верю. И надеюсь, что императрица хочет того же.

Квеко задумчиво поскреб редкую щетину на подбородке.

– Ты сильно подвел меня, сир Блейд. Ведь мы с императрицей давно замыслили эту операцию. Устроили побег шпиону монгов – после того, как он подслушал очень важный разговор... Мы говорили о том, что стена на востоке недостроена, а людей для ее защиты не хватает... что жители города на морском побережье трусливы и неважные воины... Все это и побудило Кхада двинуться в поход.

– Значит, вы лгали? – угрюмо поинтересовался Блейд.

– Конечно. Мы прекрасно знали, что переход через горы погубит многих, а жители побережья перебьют еще больше. Я специально вызвал войска из Пукки и других провинций. Я заманил монгов в эту долину, словно зверя в ловчую яму... и теперь, когда мне остается только захлопнуть крышку, ты приходишь сюда и начинаешь говорить о мире!

Блейд окинул Квеко суровым взглядом.

– Твой план очень хорош, – спокойно сказал он, – но больше не нужен. Мы должны заключить мир. Я поставил на это свою голову, и если вы нападете на монгов, я буду сражаться на их стороне. Хорошенько запомни это, Квеко!

Командующий отвел взгляд.

– Я запомню. Но что я могу сделать? О мире надо говорить с императрицей Мей.

– Где она сейчас?

Квеко махнул рукой в сторону городка внизу.

– Там. Где же еще? Она сразу приехала, когда узнала, что ты жив. Пойдем, я отведу тебя к ней.

– Подожди немного, я сейчас вернусь. – Блейд повернул коня и помчался вверх по тропе. Лали здесь! Он сгорал от нетерпения. Ничего, что она была, возможно, ничем не лучше Садды. Но эти зеленые глаза! Глаза, в которых он тонул, замирал от счастья... это гибкое тело с кожей цвета слоновой кости...

«Безумец, – убеждал он сам себя, – тебе же надо закончить дело, пока компьютер не совершил обратный переброс. Занимайся им! Все равно здесь нет ни сокровищ, ни полезных знаний... Или мир между двумя народами – тоже сокровище?»

Блейд коротко объяснил ситуацию Растуму. Они отъехали в сторону, и воевода негромко произнес:

– Будь с ними честен, Блейд, – он потерял бороду. – Но постарайся, чтобы наша честь тоже не была унижена. Если мы должны сражаться и умереть как воины, то мы готовы.

– Я все сделаю, воевода. И если мне не удастся заключить мир, я вернусь и умру вместе с вами. А теперь – до встречи!

– До встречи, Блейд.

Разведчик повернул коня и поехал прочь. Оказавшийся рядом Бейбер весело крикнул ему вдогонку:

– Принеси нам мир, сир Блейд! Тогда я смогу опять жениться... займусь разведением маленьких монгов!

За этими словами последовал взрыв хохота, но Блейд уже отъехал достаточно далеко. Он вспомнил, что не попрощался с Морфо. Оглянувшись, Блейд увидел его – маленький человек сидел на камне и смотрел вниз, в долину. Он заговорил первым:

– Прощай, Блейд. Ведь все случилось так, как и должно было случиться. Жаль, что Нанти не сможет еще раз прикоснуться к тебе... ты ей очень понравился. Вспоминай иногда о ней и обо мне... там, куда ты скоро уйдешь.

– Но как ты догадался? – Блейд был потрясен.

Живые глаза гнома ярко заблестели над застывшей улыбкой.

– Я и сам не понимаю, откуда приходит знание. Порой мне кажется, что я в самом деле знаю гораздо больше, чем положено. Вот, например, зачем меня дернуло предупредить тебя перед поединком с Коссой?

– Ну, то предупреждение пропало зря, – засмеявшись, Блейд наклонился и похлопал карлика по плечу. – Прощай, Морфо.

Прощай, сир Блейд. И запомни – ничего не пропадет зря.

Блейд думал над последними словами шута, проезжая вместе с Квеко по городу. Нефритовый воин, возвышавшийся на пьедестале в центре площади, показался ему теперь несколько самодовольным. Но мысли его были на время прерваны очередным приступом головной боли. Нет, ему рано отправляться назад. Пока еще рано.

Перед самым внушительным зданием на площади Квеко остановил коня.

– Она здесь, сир Блейд

Блейд соскочил на землю и перешагнул порог. Затем он долго шел по какому-то длинному коридору бородатый великан в пропыленных кожаных доспехах, провожаемый любопытными и восхищенными взглядами невысоких стройных молодых стражей. Как встретит его Лали? Наверное, она сильно изменилась... Столько месяцев, столько кровавых

событий пролегло с тех пор между ними...

Застывший в конце коридора часовой молча указал ему на дверь, и Блейд без стука, одним сильным рывком распахнул ее. Лали должна узнать, наконец, кто ее хозяин! Боль тяжелым молотом вновь ударила ему в висок.

– О, Блейд, Блейд! Все-таки ты вернулся ко мне!

Она распростерлась на своем любимом круглом ложе, облаченная лишь в полупрозрачное шелковое одеяние. Долгое время они смотрели друг на друга, и Блейд почувствовал, как снова растворяется в глубине этих бездонных глаз.

Рядом с ложем на деревянной подставке высилась нефритовая фигурка. Он поднял ее, положил на ладонь.

– Ты сделала из меня бога, Лали?

– Я думала, ты умер, и не могла смириться с тем, что потеряла тебя. Но теперь все позади... оставь эту игрушку и иди ко мне. Иди же...

– Нет, – он нетерпеливо повел рукой, – сначала мы должны разобраться с делами.

– С какими делами, Блейд? Сейчас не время для дел.

– Я буду краток, Лали, – пообещал он и быстро рассказал ей все, что считал нужным.

Для прежней Лали она оказалась даже слишком терпеливой. Не перебивая, маленькая императрица выслушала его, затем вызвала Квеко и приказала принести чернила и бумагу.

– Отнеси это Растуму, – Лали вложила свиток в руки офицера. Ты будешь вести переговоры от моего имени. Если монги захотят получить эту долину, отдай ее, в Серендине много земли. А сейчас отправляйся и делай то, что тебе велено. И не беспокой меня по пустякам, иначе я попрошу сира Блейда отрубить тебе голову. Иди!

Лали протянула руки к Блейду.

– Снимай эти пыльные доспехи, любимый! И обними меня скорей! Я так долго мечтала об этой минуте... я больше не могу ждать!

Блейд все еще сжимал в кулаке нефритовую статуэтку. Гладко отполированный камень приятно холодил пальцы, хоть немного отвлекая от терзавшей его боли.

– Я так грязен, – попытался он оправдать свою нерешительность – Две недели не вылезал из седла...

– Ничего, мой варвар... Ну, иди же ко мне...

Блейд, не выпуская нефритовую фигурку, нагнулся, чтобы поцеловать ее. Губы Лали слегка приоткрылись, и она, положив руки ему на плечи, мягко притянула Блейда к себе.

Боль снова ударила в голову. Тяжело охнув, он повалился на Лали, прижав лицо к ее мягкой груди.

– Блейд, Блейд, что с тобой?

Но в ответ он мог издать только бессвязный стон. Лали приподняла его голову, испуганно заглядывая в глаза.

Блейд падал и падал вниз, сквозь нефритовый туман. Он сделался теперь необычайно маленьким – пылинкой, микробом, микроскопической частичкой хаоса

– и он тонул в ее глазах. Лали потянулась к нему огромной рукой... но поздно, поздно! Он уже проваливался все глубже и глубже в это пульсирующее безумие, слишком зеленое для того, чтобы выглядеть естественным. Наконец он вылетел из нефритовой бездны прямо в сияющее зеленую небо; он знал, что будет там погребен навеки, навсегда. Его бешено закрутило вокруг яростно-зеленой планеты; странные звуки отзывались в ушах ударами колоколов:

– Блейд-Блейд-Блейд-бле-бле-бл-б...

Тишина.

Глава 19

Дж. не мог оторвать взгляд от маленькой нефритовой статуэтки. Превосходная работа! Результаты лабораторных анализов подтвердили, что на Земле не существует

месторождений такого прекрасного нефрита. Известный американский минералог уже едет сюда из Штатов. Дж. пожал плечами. Действительно, как заметил Лейтон, второе путешествие в Измерение Икс с точки зрения их банальных запросов закончилось полнейшим провалом. Никаких ценных знаний, никаких сокровищ.

Но лорд Лейтон не был этим расстроен – наоборот, он ликовал: его устройство сработало превосходно, и Блейд привез обратно целый контейнер воспоминаний и впечатлений, которые затем под глубоким гипнозом надиктовал на пленку. Дж. как раз слушал одну из них.

– Монги – потомственные кочевники, воины и скотоводы, – продолжал монотонно бормотать голос Блейда. – Культура примитивная, варварская. Телосложение: небольшой рост, темная загорелая кожа, сильные руки и ноги, мощная грудная клетка. Некоторые из женщин довольно красивы, в бою дерутся столь же яростно, как и мужчины...

Дж. потянулся и выключил магнитофон, он уже три раза слушал эту запись. Шеф МИ6 зевнул, протер глаза и уже принялся набивать свою трубку, когда на пороге возникла скрюченная фигура лорда Лейтона.

Профессор, как показалось Дж., впервые за эту неделю выглядел бодрым и отдохнувшим. Наверное, ему наконец-то удалось нормально выспаться. Желтые глаза его весело посверкивали, и даже изуродованные полиомиелитом ноги с большей энергией несли старческое тело. На Лейтоне был надет длинный, кое-где перепачканный мелом, серый пиджак, который както сглаживал торчащий на спине горб. Галстуки профессора всегда приводили в дрожь консервативного Дж., и сегодняшнее яркое желто-красное чудовище не являлось исключением. Стараясь не смотреть на него, Дж. сосредоточенно чиркнул спичкой и поинтересовался, как здоровье Ричарда.

Лорд Лейтон хлопнул в ладоши, потом радостно потер их.

– Прекрасно, прекрасно! Он все еще спит. Но через пару часов будет готов к выходу наружу. Нужно дать парню отдохнуть. Я полагаю, трехмесячный отпуск ему не помешает. За это время я придумаю что-нибудь новенькое.

Дж. промолчал. Нет смысла в очередной раз высказывать свои страхи и опасения.

Лейтон вприпрыжку бродил по комнате, что-то бормоча себе под нос и изредка всплескивая руками. Эта привычка была неприятной, и она сильно действовала Дж. на нервы. Немного подождав, он спросил:

– Что-то волнует вас, профессор? Вы не хотите поделиться со мной своими планами?

– О, пустяки, мой дорогой. Просто я не могу удержаться от смеха, когда думаю, что Блейд самовольно присвоил себе рыцарское звание. Сир Блейд! Почти сэр Блейд! Хе-хе-хе-хе, – смех Лейтона напоминал Дж. скрип плохо смазанной дверной петли.

– Обычное дело. Ему надо было как-то возвыситься в глазах этих дикарей, – возразил шеф разведки.

Лорд Лейтон ухмыльнулся.

– Знаете, какая мысль пришла мне в голову? Может, нам действительно стоит пожаловать мальчику дворянский титул? Это несложно – я могу посодействовать.

Сэр Ричард Блейд! Дж. призадумался. А почему бы и нет? Сейчас титулы раздают всем – от продюсеров мыльных опер до клоунов. Скоро каждый удачливый саксофонист станет рыцарем!

Он покачал головой.

– Боюсь, нам не стоит этого делать. Это привлекло бы к Ричарду слишком много внимания... и, думаю, он сам не захочет. Дик ведь очень реалистичный человек. Он только посмеется над нами.

– Ну, хорошо, хорошо, – профессор сел в кресло и начал что-то искать в карманах. – Не надо раздражаться по пустякам... Бог с ним, с титулом, – он вытащил клочок бумаги и принялся с невероятной скоростью покрывать его какими-то каббалистическими письменами.

Дж. подумал, что его голос и в самом деле прозвучал слишком резко. После того, как

Блейд вернулся обратно, шеф МИ6 не находил себе места и не знал, что ему делать: плакать или смеяться от счастья, или же напиться до положения риз – что случилось с ним в последний раз во время Всемирной Гребной Регаты в 1928 году.

Лейтон уставился на Дж. своими янтарными львиными глазками и нетерпеливо постучал карандашом по бумажке.

– Это путешествие, Дж., полностью подтвердило мою теорию. Жаль, что мне не удастся ее опубликовать, хе-хе-хе-хе! Привести половину моих коллег в шоковое состояние и заставить другую половину поносить меня в течение многих лет! Прелестно! Впрочем, не это главное, а совершенно новая теория строения вселенной. Вселенная не одна, вселенных много! Каждая локализована в определенной ячейке пространственновременного континуума, и воспринимается только специально настроенным на нее мозгом. Боже, какая картина! Представляете себе... – Лейтон проделал какой-то замысловатый жест скрюченной рукой. – Вот! Вы видите? Через какие миры, с какими людьми – или нелюдьми – я сейчас протягиваю руку? Мы не знаем, Дж., потому что ваш мозг и мой не могут их воспринять... Но для Блейда эти новые миры вполне реальны.

Трубка Дж. потухла. Он пососал ее и тихо произнес:

– Когда-нибудь мы его потеряем. По закону вероятности. Он просто не в силах каждый раз возвращаться оттуда...

Лейтон уже не слушал. Он снова писал что-то на бумажке, бормоча себе под нос:

– Надо же, они считают, что наша вселенная есть замкнутый четырехмерный континуум. Ослы! Следующий логический шаг совершенно очевиден, но нет ничего очевидного для дураков и...

– Лейтон!

Старик оторвался от своих вычислений.

– Извините, Дж. Так что случилось?

– Когда вы отпустите Блейда, и я смогу увидеться с ним?

Его светлость вытащил из кармана огромные старинные часы.

– О, уже совсем скоро он будет полностью в вашем распоряжении. Он прошел все необходимые тесты, все раны затянулись. Парень сидит здесь целых четыре дня. Ну, ладно. Хорошо. Достаточно. Через час я выведу его из гипнотического сна, затем последняя проверка, и можете его забирать. Дайте ему отпуск и премию, пусть веселится. Ближайшие три месяца он мне не нужен.

Покидая Тауэр, Дж. внезапно вспомнил об этой девушке – Зоэ. Да, Зоэ Коривалл! Что за проницательная особа! Везде ухитрилась сунуть свой нос! Даже в... Он сурово сжал губы. Хорошо, что ее вовремя остановили. Дж. махнул рукой, подзывая такси.

Блейд припарковал свою машину у ограды и по невысоким ступенькам поднялся к двери коттеджа. В последний раз он проделывал этот путь с Зоэ на руках. Ах, Зоэ, Зоэ!

Уже два дня он только и делал, что занимался ее поисками. Но к кому бы он ни обращался, его ждал примерно одинаковый холодно-вежливый ответ:

– Прости, старик, я давно ее не видел.

– Нет, мистер Блейд, я не знаю, где она может быть.

– Кажется, она собиралась уехать в Париж на недельку.

– По-моему, у нее возникли какие-то неотложные дела в Уэльсе.

– Нет, сэр, мисс Коривалл не появлялась в своей квартире вот уже четыре дня... О, спасибо, сэр!

Блейд открыл дверь и обошел вокруг дома, поднимая ставни на окнах. Везде его встречал легкий, едва уловимый аромат ее духов, и сердце его тупо ныло в ответ. Отвратительное состояние!

Он поплелся к утесу и с вершины его долго смотрел на пролив. Над морем клубился туман, и в томительной тишине лишь изредка уныло вскрикивали чайки. Блейд закурил сигарету, ветер подхватил и тут же унес далеко в море белый дымок.

Ужасное ощущение! Он был безнадежно влюблен и столь же безнадежно покинут.

Блейд чувствовал себя грешником, которому отказали в покаянии. Ну, хорошо, он – грешник. Но, черт возьми, Зоэ!.. Вернись ко мне... Я люблю тебя, и ты мне так нужна!

Он никогда раньше не увлекался Водсвортом, но сейчас его строка внезапно всплыла в памяти:

«Я одинок, как облако в небесной вышине...»

Как бы на это ответила Зоэ? Может быть, так:

«Что радостью наполнит сердце мне?»

Его взгляд наткнулся на какой-то комочек в жухлой траве – как раз в том месте, где они занимались любовью в последнюю ночь.

Блейд шагнул вперед, наклонился и подобрал с земли маленькие кружевные трусики, промокшие от дождя и влажного тумана. Да, должно быть, они тогда спешили... конечно же, в коттедже звонил телефон.

Он засунул трусики в карман пиджака и неторопливо побрел обратно. Он не прошел и половины пути, когда до его ушей донесся столь знакомый звук. Значит она так и не удосужилась вызвать мастера, чтобы починить эту скрипучую калитку! Клик, клик, клик-клик, клик – пели ржавые петли.

Блейд сорвался с места и побежал.

КОММЕНТАРИИ К РОМАНУ «НЕФРИТОВАЯ СТРАНА»

1. Основные действующие лица

ЗЕМЛЯ

Ричард Блейд, 33 года – майор, агент секретной службы Ее Величества королевы Великобритании (отдел МИ6А)

Дж., 67 лет – его шеф, начальник спецотдела МИ6А (известен только под инициалом)

Его светлость лорд Лейтон, 76 лет – изобретатель машины для перемещений в иные миры, руководитель научной части проекта «Измерение Икс»

Ньютон Энтони – ученый и научный администратор

Зоэ Коривалл – художница, возлюбленная Блейда

НЕФРИТОВАЯ СТРАНА

Ричард Блейд, 33 года – он же сир Блейд, благородный нобиль из Пукки

Сака Мей – император провинции Серендин империи Кат

Лали Мей – его супруга

Квеко – катайский военачальник

Кхад Тамбур – Всемогущий повелитель монгов, Опора Мира и Сотрясатель Вселенной

Садда Великолепная – принцесса монгов, сестра Кхада

Растум – главный воевода монгов, каук

Морфо – шут Кхада, карлик

Найти – слепая дочь Морфо

Бейбер – безногий раб, каук

Аплоний – постельный раб Садды

Косса – сильнейший воин монгов

Минга – танцовщица (упоминается)

Трина – служанка Садды (упоминается)

2. Некоторые географические названия

Кат – империя, расположенная на юге континента

Серендин – северная провинция Ката, расположенная за Великой стеной

Пукка – город на юге Ката

3. Некоторые термины и выражения

катайцы – жители империи Кат

монги – степные кочевники

кауки – северный народ, воины-наемники

Дракон Небесного Грома – гигантская пушка, святыня Ката

Оби – Великий черный бог монгов

Великая стена – стена, защитное сооружение, отделяющее степи монгов от Ката

банио – плодовое дерево с прекрасным ароматом

бросс – хмельное питье монгов из лошадиного молока и крови

джадар – лира кауков-скальдов

4. Хронология пребывания Ричарда Блейда в Нефритовой Стране

В провинции Серендин за Великой стеной – 21 день

В лагере монгов у Великой стены – 20 дней

Поход с армией монгов в Кат – 57 дней

Всего 98 дней; на Земле прошло 93 дня